A 188/14
1891

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ и ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ

ВЪ ЭПОХУ

ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ.

ИВ. В. ТЕЛИЧЕНКА.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина"

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Ми
1891.

ф 1-71
18685

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ и ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ

ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ.

ИВ. В. ТЕЛИЧЕНКА.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

М.П.М.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4.
1891.

Дозволено цензур. Кіевъ, 28-го февраля 1891 г.

2007041009

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ.

Напечатанные въ нашемъ журналѣ и другихъ изданіяхъ [1]) наказы малороссійскимъ депутатамъ, а также документы, касающіеся ихъ избранія, позволяютъ въ настоящее время сдѣлать попытку краткаго изложенія нуждъ, желаній и стремленій, заявленныхъ малороссійскимъ народомъ какъ въ своихъ наказахъ, такъ и въ самыхъ собраніяхъ, толкахъ и броженіи, вызванномъ манифестомъ 14 декабря 1766 г. Предоставляя будущимъ, болѣе искуснымъ и умѣлымъ, изслѣдователямъ заняться изученіемъ народнаго самосознанія въ этотъ интересный моментъ внутренней исторіи Малороссіи, мы имѣемъ въ виду болѣе скромную цѣль и ограничимся въ этой статьѣ только сведеніемъ и группировкой сословныхъ нуждъ и желаній малороссіянъ, пробужденныхъ къ самодѣятельности и критикѣ своего настоящаго призывомъ императрицы къ составленію проекта новаго Уложенія. Извѣстная Екатерининская коммиссія 1767—1769 г. составляетъ такой крупный фактъ во внутренней жизни Россіи, что, несмотря на свою полную неудачу, обусловленную какъ неподготовленностью русскаго общества, такъ и неумѣлостью заправилъ коммиссіи, она оставила весьма видные и полезные плоды въ исторіи нашего общественнаго развитія и государственной жизни. Принесенные съ далекихъ краевъ нашего обширнаго отечества наказы и челобитныя, хотя и не послужили

[1]) „Кіевская Стар." за 1888 г. и 1—4 кн. 1889 г., 43 т. Сборника Имп. Русск. Историческаго Общества и 2-ой т. Исторіи Новой Сѣчи г. Скальковскаго.

своей непосредственной цѣли—составленію Уложенія—тѣмъ не менѣе, отдернувъ завѣсу, скрывавшую массу золъ, они озарили путь для будущаго и послужили необходимымъ матеріаломъ для многихъ реформъ императрицы. Малороссія не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; голосъ ея депутатовъ о желаніяхъ, нуждахъ и надеждахъ украинцевъ представляетъ не только важный матеріалъ для сужденія о недостаткахъ и безпорядкахъ во внутреннемъ устройствѣ, управленіи, судѣ, народномъ хозяйствѣ и просвѣщеніи, но также доставляетъ весьма драгоцѣнныя данныя для характеристики политическаго развитія и идей, волновавшихъ въ это время наиболѣе развитыхъ представителей недавней гетманщины. Нигдѣ, конечно, вопіющіе недостатки и пороки общественной организаціи Малороссіи не могли получить такого яркаго освѣщенія и оцѣнки изъ подъ различныхъ угловъ зрѣнія, какъ въ наказахъ, представленныхъ депутатами всѣхъ свободныхъ сословій. Шляхетство, козаки, горожане и духовенство, каждое отъ себя и за себя, говорили въ наказахъ о своихъ сословныхъ нуждахъ и отягощеніяхъ, выставляли свои общественные идеалы, открывали свои надежды и ходатайствовали объ ихъ удовлетвореніи. Помимо этого, наказы особенно важны для изслѣдователя еще въ томъ отношеніи, что, совпавши съ эпохой окончательнаго включенія гетманщины въ громадное тѣло создававшагося сильнаго государства, они заключаютъ въ себѣ указанія на реакцію малорусскаго народа противъ принятыхъ въ отношеніи его мѣръ правительства. Начало царствованія Екатерины, какъ извѣстно, было далеко не благопріятно для сохраненія привилегированнаго положенія Малороссіи; порядки старой козацкой гетманщины были признаны всѣ, безъ разбора и тщательной критики, изжившими свой вѣкъ и для козачины наступалъ часъ окончательной ликвидаціи. Начало ея уже было сдѣлано отмѣной гетманскаго управленія; послѣдующія реформы въ томъ же духѣ, съ назначеніемъ на постъ генералъ-губернатора Румянцева, носились въ воздухѣ и уже предчувствовались довольно опредѣленно и явственно. Въ виду этого малороссійскіе наказы, отмѣченные сильной струей децентрализаціоннаго направленія, представляютъ какъ бы заранѣе

подготовленный отвѣтъ малороссійскаго народа на политику Екатерининскаго царствованія и даютъ весьма любопытныя свѣдѣнія для оцѣнки самосознанія и міровоззрѣнія старой Малороссіи, въ послѣдній разъ въ 1767 г. заявившей о себѣ, какъ объ особой культурно-исторической единицѣ, желающей жить, управляться и развиваться на основаніи своихъ привилегій, правъ и законовъ. Эта антіассимиляціонная струя, составляющая специфическую особенность малороссійскихъ наказовъ, представляетъ законный плодъ исторической эпопеи гетманщины и сближаетъ ихъ съ наказами, представленными лифляндскими и эстляндскими депутатами; она должна обратить на себя особенное вниманіе каждаго историка, такъ какъ въ ней въ сущности выразились политическіе идеалы малороссіянъ съ одной стороны и успѣхи соединительной правительственной политики и ея культурнаго воздѣйствія на Украйну—съ другой. Кромѣ этого, въ наказахъ, трактующихъ о недостаткахъ и нуждахъ своего времени, изслѣдователь найдетъ не только взглядъ самого народа на ихъ причины и источники, но также и сравненіе своего настоящаго съ прошедшимъ и указанія на желаемое будущее; малороссіяне въ своихъ наказахъ какъ-бы подводили итоги совмѣстной жизни съ Великороссіей и, рисуя свое прошлое и настоящее, тѣмъ самымъ отмѣчали на скалѣ прогресса движеніе своего общества и ростъ его развитія. Эта черта особенно любопытна въ наказахъ въ томъ отношеніи, что она даетъ возможность сравнить и оцѣнить различные взгляды русскаго правительства и малорусскаго народа на одинъ и тотъ же предметъ—упадокъ и разложеніе внутренняго строя въ Малороссіи, не подвергавшагося радикальнымъ измѣненіямъ съ самаго момента возсоединенія. Предпославъ эти нѣсколько словъ, мы переходимъ къ изложенію занимающаго насъ предмета и такъ какъ документы, напечатанные до настоящаго времени, заключаютъ въ себѣ, кромѣ наказовъ всѣхъ сословій, еще и данныя относительно избранія депутатовъ, сочиненія наказовъ и броженія, вызваннаго этимъ среди малороссіянъ, то мы и начнемъ нашъ очеркъ именно съ этого момента, взволновавшаго умы украинскихъ патріотовъ, послѣ чего мы разсмотримъ отдѣльно наказы

каждаго сословія, не исключая „пунктовъ“, представленныхъ духовенствомъ Синоду и наказа отъ Запорожья, занимавшаго совершенно особое положеніе даже въ самой Малороссіи.

ГЛАВА I.

Броженіе и толки, вызванные въ Малороссіи манифестомъ 14 декабря 1766 года.

Два года спустя послѣ неожиданнаго увольненія отъ гетманства графа К. Разумовскаго вся Украйна была взволнована съ верху до низу необыкновеннымъ для нея событіемъ: молодая императрица, еще недавно такъ сурово оборвавшая привилегію гетманскаго управленія, призывала теперь всѣ сословія Малороссіи—шляхетство, рыцарство, гражданство и земство—въ задуманную ею коммиссію для сочиненія проекта новаго Уложенія и для совѣтовъ о способахъ къ достиженію общенароднаго благоденствія. Манифестъ Екатерины, отъ 14 декабря 1766 года, съ объясненіями причинъ, побудившихъ ее созвать представительное собраніе отъ всѣхъ свободныхъ сословій имперіи, вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ въ Малороссіи и вызвалъ въ ней довольно разнорѣчивые толки и всевозможныя сомнѣнія. Несмотря на дѣятельную роль и участіе новаго правителя Малороссіи, графа Румянцева, въ разъясненіи и популяризаціи содержанія высочайшаго манифеста, послѣдній далеко не всѣми былъ понятъ желательнымъ для вѣнценоснаго автора смыслѣ и немногіе изъ украинцевъ взглянули на него въ смыслѣ намѣренія императрицы „возвести малороссійскій народъ на высшую степень счастья“, какъ это было обѣщано при уничтоженіи гетманства. Предубѣжденные противъ всякихъ реформъ и новшествъ, малороссіяне какъ бы не хотѣли понимать истиннаго либеральнаго смысла манифеста императрицы и циркулярныхъ листовъ о выборахъ графа Румянцева, съ которыми онъ обратился по изданіи манифеста ко всѣмъ сословіямъ Малороссіи. Мы не останавливаемся на манифестѣ Екатерины II, такъ какъ его содержаніе, весьма замѣчательное по мыслямъ и духу для своего времени,

достаточно извѣстно всякому. Что же касается до Малороссіи, то тотчасъ по полученіи манифеста малороссійская коллегія распорядилась разослать его по всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, предписавъ при этомъ обнародовать его „во всѣхъ сотняхъ, хуторахъ, деревняхъ, даже до послѣдняго жительства". 27 февраля 1767 г., почти вмѣстѣ съ обнародованіемъ высочайшаго манифеста, по Малороссіи были распространены генералъ-губернаторомъ и его циркулярные листы въ поясненіе манифеста. Они были исполнены самыхъ благихъ желаній народнаго счастья, дышали горячимъ убѣжденіемъ и призывали малорусское общество къ исправленію накопившихся непорядковъ, злоупотребленій, неправосудія, разстройства народнаго хозяйства и вообще всего внутренняго строя Украйны, дѣйствительно давно нуждавшейся въ освѣженіи и обновленіи своей административной машины и законодательства. Правосудіе и добрый порядокъ [1]), писалъ въ своихъ листахъ Румянцевъ, обращаясь къ шляхетству, рыцарству, гражданству и земству—вотъ краеугольные камни къ достиженію человѣческаго благоденствія; поэтому, совѣтовалъ онъ, нужно воспользоваться предстоящимъ случаемъ и внимательно разыскать всѣ причины, вредящія общественному счастью, препятствующія точному исполненію законовъ и правильному теченію дѣлъ, безъ чего невозможно ни одно гражданское общежитіе. Необходимо—продолжалъ суровый реформаторъ Малороссіи—глубже всмотрѣться въ причины злоупотребленій, разстроившихъ порядокъ гражданскаго и воинскаго управленія, разстроившихъ правосудіе, торговлю, промыслы, земледѣліе и не только доведшихъ поселянъ до полнаго отвращенія къ своимъ занятіямъ, но и принудившихъ ихъ бросить свои имущества и даже удалиться изъ отечества. Подумайте—убѣждалъ далѣе Румянцевъ, повторяя въ этомъ случаѣ мысли своей государыни,—что въ основаніи всѣхъ государственныхъ законовъ должны лежать государственныя честь и слава, опирающіяся на общественное благосостояніе и правовой порядокъ, что первая законная забота хорошо устроеннаго государства должна состоять въ

[1]) Наказы, 185 стр.

томъ, чтобы доставлять всѣмъ гражданамъ возможность въ тишинѣ и спокойствіи пользоваться плодами своихъ трудовъ и занятій и что въ этомъ заключается прямая вольность гражданина, разумно понимающаго свои права и обязанности. Довольно обширный циркуляръ Румянцева, весь написанный въ вышеприведенномъ духѣ, по собственнымъ словамъ графа, былъ изданъ для малороссіянъ, „не въ предложеніи точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ“ и, кромѣ резюмированныхъ общихъ разсужденій, заключалъ въ себѣ еще повтореніе положеній „обряда“ о нравственныхъ качествахъ, какими должны были обладать предводители и депутаты. Эти избранники общества, по толкованію графа, должны быть настолько высоко и благородно настроены, чтобы дѣйствительно оказаться способными помышлять не о своихъ, а объ общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, чтобъ быть совершенно чуждыми пороковъ, „отъ которыхъ главное неустройство вездѣ взяло свое начало и послужило источникомъ къ лихоимству, презрѣнію своего ближняго и неистовству на своего подчиненнаго“. Въ заключеніе малороссійскій генералъ-губернаторъ высказывалъ желаніе, чтобы ввѣренный его управленію край явился достойнымъ соревнователемъ другихъ провинцій имперіи, въ возлагаемой на него миссіи и оставилъ бы своему потомству память златого для него времени царствованія Екатерины.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе циркуляра; посмотримъ теперь поближе, какъ встрѣтило его малорусское общество или, лучше сказать, его сословныя группы и какіе толки и сомнѣнія породило распространеніе въ Малороссіи манифеста и циркуляровъ. Вопросъ этотъ настолько важенъ для характеристики степени довѣрія малороссіянъ къ правительственной власти и вообще для уясненія отношеній украинцевъ къ идеѣ созванія представительнаго собранія, что мы не имѣемъ права пройти его молчаніемъ. Существуетъ въ нашей литературѣ взглядъ, высказанный авторомъ перваго изслѣдованія о „Малороссіи въ 1767 г.“,—г. Авсѣенкомъ, что манифестъ императрицы, вмѣстѣ съ циркулярными листами генералъ-губернатора, былъ встрѣченъ въ Украйнѣ съ неподдѣльною радостью; въ доказательство этого

г. Авсѣенко приводитъ краснорѣчивыя фразы малорусскихъ наказовъ съ цвѣтистыми и пышными выраженіями признательности и глубокой благодарности императрицѣ ихъ сочинителей. Мы, конечно, нисколько не думаемъ умалять радости малороссіянъ, вызванной появленіемъ манифеста, ни тѣмъ болѣе сомнѣваться въ преданности гуманной и просвѣщенной императрицѣ, но намъ кажется, что на основаніи однѣхъ торжественныхъ фразъ, значительная часть которыхъ должна быть отнесена на долю реторики, нельзя на дѣло смотрѣть исключительно глазами г. Авсѣенка и въ виду многихъ данныхъ, едва ли не слѣдуетъ усумниться, что радость малороссіянъ не была омрачена кое какими недоразумѣніями и страхомъ за ожидаемое будущее. Знаменитый русскій историкъ Соловьевъ, излагая въ 27 томѣ своей Исторіи выборы депутатовъ въ Малороссіи, приводитъ довольно много данныхъ, указывающихъ, что къ радости украинцевъ примѣшивались чувства совсѣмъ иного свойства. „Циркуляръ—говоритъ онъ—не произвелъ вполнѣ того дѣйствія, какого бы хотѣлось Румянцеву“. Въ письмѣ, отъ 2 марта 1767, года заимствуемъ мы у Соловьева, будущій кагульскій герой жаловался императрицѣ, что сочиненіе проекта новаго уложенія не производитъ въ высшихъ кругахъ Малороссіи того сочувствія и признательности, на которыя бы справедливо слѣдовало надѣяться, въ виду особеннаго благоволенія и заботъ монархини о своемъ народѣ. Многіе малороссіяне, по словамъ этого письма, до того вошли во вкусъ своевольства, что имъ всякій законъ и царскій указъ кажется ничѣмъ инымъ, какъ нарушеніемъ правъ и вольностей. Манифестъ 14 декабря 1766 г. вызвалъ именно это боязливое ощущеніе въ сердцахъ патріотовъ. „Зачѣмъ намъ тамъ быть, когда наши законы весьма хороши, восклицали обыкновенно малороссіяне—сообщалъ Румянцевъ императрицѣ—развѣ только для подтвержденія своихъ старинныхъ правъ и привилегій?“ Заботы о сохраненіи и подтвержденіи „вольностей“ болѣе всего волновали въ Малороссіи высшій кругъ, т. е. шляхетство, которое, не отдавая себѣ хорошо отчета, къ чему можетъ повести непреложное сохраненіе старины, сообщало свои опасенія простолюдинамъ и настраивало ихъ на тотъ же ладъ недовѣрія и не-

расположенія къ мѣропріятіямъ правительства. Безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ начатыхъ и ожидаемыхъ преобразованій и нововведеній чувство консерватизма особенно какъ то восторжествовало въ Малороссіи среди шляхетства, козачества, духовенства и отчасти горожанъ, т. е. среди всѣхъ сословій, къ которымъ обращался Румянцевъ съ своими циркулярами, и обнаружилось въ довольно опредѣленномъ теченіи въ сторону своего прошлаго. „Замѣчено—писалъ Румянцевъ по этому поводу императрицѣ—что многіе весьма ободрились и считаютъ прямо возможнымъ держаться старины; одни только горожане да простой народъ признаютъ милосердіе вашего императорскаго величества, благодаря различнымъ реформамъ, въ ихъ пользу введеннымъ; но тутъ же жалуются, что ихъ начальники, а особенно расплодившееся весьма шляхетство, всѣми силами имъ въ томъ препятствуютъ [1])". Румянцевъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, былъ правъ, указывая въ своихъ представленіяхъ императрицѣ, на старшину и шляхетство, какъ на классъ особенно возбуждавшій въ своихъ интересахъ консервативныя чувства украинскаго населенія. Встрѣченное на первыхъ порахъ дѣятельности нерасположеніе малорусскаго общества очень опечалило генералъ-губернатора и онъ еще не разъ обращался въ письмахъ къ Екатеринѣ съ ламентаціями, подобными вышеприведенной и сама императрица должна была успокаивать не въ мѣру волновавшагося правителя Малороссіи и совѣтовать ему не придавать особаго значенія безпокоившему его консервативному движенію шляхетства и козачества. Изъ всѣхъ сословій только одни горожане отнеслись болѣе или менѣе довѣрчиво и спокойно къ начинаніямъ правительства и надѣялись найти въ нихъ выходъ изъ тяжелаго состоянія полнѣйшей дезорганизаціи и подавленія другими классами своихъ сословныхъ интересовъ. Поэтому императрица въ отвѣтахъ на письма безпокоившагося Румянцева указывала ему, что поведеніе и образъ дѣйствій мѣщанъ могутъ дать добрый примѣръ остальнымъ сословіямъ и движеніе шляхетства и козачества должно будетъ значительно сократиться; но Румянцевъ

[1]) 27 т. Исторіи Россіи Соловьева.

не успокаивался. Его, воспитаннаго въ понятіяхъ строгой дисциплины и не вполнѣ ознакомившагося съ бытомъ Украйны, весьма поражали кривотолкованія, возникшія въ своеобразно настроенномъ краѣ. Дѣло—насколько можно видѣть изъ донесеній генералъ-губернатора—заключалось въ томъ, что „вельможи, старшины и шляхетство вездѣ различно толковали о манифестѣ. Одни говорили, что манифестъ до нихъ, малороссіянъ, имѣющихъ особые отъ Великороссіи законы, нисколько не касается; другіе, „ослѣпленные любовію къ своей землицѣ“, пронизировалъ Румянцевъ надъ украинскими патріотами, думали, что ихъ созываютъ въ коммиссію только какъ опытныхъ и ученыхъ юристовъ для совѣтовъ по сочиненію проекта новаго Уложенія для одной Великороссіи; третьи, наконецъ,—мы говоримъ о шляхетствѣ—руководствуясь сословнымъ гоноромъ и предразсудками, совсѣмъ отказывались отъ участія въ собраніяхъ и возмущались одной мыслью, что имъ придется сидѣть на ряду съ мужиками и мѣщанами. Были и такіе случаи, какъ въ Прилукахъ и другихъ городахъ, что „градскіе жители“ совсѣмъ отказались идти въ собраніе, а козацкіе старшины сплошь и рядомъ не участвовали въ городскихъ выборахъ, отказываясь подъ самыми ничтожными предлогами, въ родѣ обѣщаній отправиться на богомолье въ Ахтырку и пр. Неурядица, вызванная выборами депутатовъ, была такова, что Румянцевъ, несмотря на свой „терпѣливый и неборзкій“ характеръ—такимъ онъ рекомендовалъ себя въ письмахъ къ Екатеринѣ—принужденъ былъ, по его словамъ, ради точнаго исполненія манифеста и внушенія кривотолкователямъ здравыхъ мыслей, принять начальническій тонъ и объяснить „вралямъ“, что депутаты требуются отъ нихъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и отъ другихъ провинцій. Однако, несмотря на усилія малороссійскаго генералъ-губернатора, борьба съ обнаруженнымъ среди населенія „изумительнымъ своеволіемъ, доходившимъ до коварства“, была далеко не успѣшна, и лица, командированныя Румянцевымъ для присутствія и надзора за выборами депутатовъ, доносили ему о тѣхъ же еретическихъ мысляхъ и желаніяхъ малороссіянъ, какія ему уже приходилось слышать самому лично. Малороссійскій генералъ-губернаторъ все болѣе и болѣе убѣж-

дался въ своеволіи, коварствѣ и завзятомъ консерватизмѣ украинскаго народа и въ представленіи императрицѣ далъ слѣдующую характеристику малороссіянъ: „страннѣе всего—писалъ онъ—что эта небольшая частица людей инако не отзывается, что они изъ всего свѣта отличенные люди и что нѣтъ ихъ сильнѣе, ихъ храбрѣе, нѣтъ ихъ умнѣе и нигдѣ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, чтобы имъ годиться могло и все, что у нихъ есть, то лучше всего". На донесенія Румянцева Екатерина продолжала отвѣчать ему въ прежнемъ успокоительномъ духѣ: одобряя „тонъ начальничества", принятый ея вельможей, она вмѣстѣ съ тѣмъ выражала надежду, что „умоначертанія прежнихъ временъ" несомнѣнно исчезнутъ, такъ какъ она рѣшила не обращать вниманія на желанія „несходственныя съ общимъ добромъ", осуществленіе котораго, кстати сказать, понималось ею въ смыслѣ проведенія общихъ и однообразныхъ мѣръ государственнаго устройства и управленія безъ уваженія къ мѣстнымъ особенностямъ и историческимъ традиціямъ. Полагая за несомнѣнную истину, что исцѣленія общественныхъ язвъ на всемъ протяженіи обширнаго отечества можно достигнуть путемъ установленія общаго законодательства, построеннаго въ духѣ философіи энциклопедистовъ, императрица считала вздоромъ всякія желанія, противорѣчившія ея взглядамъ, и конечно, не могла раздѣлять стремленій малороссіянъ, отстаивавшихъ пункты Богдана Хмельницкаго и неизвѣстныя ей привилегіи „Жигимонта Августа". Екатерина,— абсолютная монархиня обширнѣйшаго государства—вѣрила и убѣждала въ томъ Румянцева, что вздорныя вожделѣнія малороссіянъ о своей старинѣ и вольности падутъ сами собой, такъ какъ малорусскіе депутаты, не желая быть осмѣянными предъ многолюднымъ собраніемъ, сами постыдятся своихъ требованій и откажутся отъ ихъ домогательства. Къ тому же, хотя и не безосновательно, но тѣмъ не менѣе ошибочно, императрица надѣялась на благодѣтельное вліяніе въ коммиссіи на депутатовъ нѣкоторыхъ умѣренныхъ наказовъ, въ родѣ черниговскаго, „въ которомъ—по ея словамъ—есть множество пунктовъ, кои честь дѣлаютъ сочинителямъ онаго". Впослѣдствіи мы убѣдимся, что благодѣтельное вліяніе, на которое

надѣялась Екатерина оказалось въ коммиссіи равнымъ нулю; это можно было предугадать уже и раньше, въ виду того, что большинство шляхетства не раздѣляло вообще мнѣній черниговцевъ, а нѣжинцы, напримѣръ, даже поставили въ вину своему депутату Селецкому то, что онъ совѣтовалъ слѣдовать наказу черниговцевъ и выставили это обстоятельство однимъ изъ мотивовъ къ избранію новаго депутата. Кромѣ того, изъ писемъ самого Румянцева видно, что за составленіе черниговскаго наказа въ Малороссіи возненавидѣли предводителя черниговскаго шляхетства—Безбородка; его упрекали въ недоброжелательствѣ своей отчизнѣ, а депутатъ черниговскій Михаилъ Скоропадскій заявилъ, что онъ его наказъ ему же сдастъ въ Москвѣ, такъ какъ онъ настолько теменъ, что онъ, Скоропадскій, едвали даже въ состояніи его понимать. Такимъ же неосновательнымъ оказалось и предположеніе императрицы, что пункты козацкихъ наказовъ сбавятъ многимъ спѣси; на дѣлѣ вышло, что козаки, хотя и были недовольны своей старшиной, тѣмъ не менѣе въ отношеніи своихъ политическихъ идеаловъ были за одно съ нею и тянули самимъ рѣшительнымъ образомъ вспять, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ лубенцы, прямо требовали возстановленія гетманскаго управленія. Козачество въ данномъ случаѣ стояло и обязано было стоять за шляхетскія требованія уже потому, что оно само добивалось признанія за нимъ правъ шляхетства, выдвинувшагося изъ той же козацкой среды волной историческихъ событій и роднаго ей по тѣлу и духу. Даже городское сословіе, самое непритязательное изъ всѣхъ и хлопотавшее главнымъ образомъ о снятіи съ него повинностей и налоговъ, и то оказалось въ коммиссіи солидарнымъ съ шляхетствомъ и козаками или, по крайней мѣрѣ, высказалось такимъ въ прошеніи, поданномъ на имя Екатерины отъ лица всѣхъ малороссійскихъ депутатовъ, такъ что добрый примѣръ горожанъ во время выборовъ депутатовъ не нашелъ себѣ подражанія во время засѣданій коммиссіи и горожане подчинились общему теченію своего времени и руководящему направленію и тону шляхетскихъ наказовъ. Почему-же, ставимъ мы вопросъ—шляхетство по преимуществу такъ недовѣрчиво и почти враждебно относилось къ мѣропріятіямъ пра-

вительственной власти и какія причины существовали для этого въ современной ему исторической обстановкѣ?

Уже въ циркулярахъ Румянцева, гласившихъ о слабости законовъ и расшатанности управленія, малороссійское шляхетство находило основательныя причины безпокоиться за цѣлость своихъ правъ и привилегій, такъ какъ строгій начальникъ малорусскаго края слишкомъ темными красками обрисовалъ состояніе управляемаго имъ края, отвѣтственность за которое во многомъ безъ сомнѣнія лежала на шляхетствѣ, такъ какъ оно, въ роли землевладѣльцевъ и козацкой администраціи, имѣло самое видное значеніе въ своемъ отечествѣ и практически имъ заправляло. Зная личные неодобрительные взгляды Румянцева на состояніе законовъ и общественнаго благоустройства Малороссіи, шляхетство нисколько не ошибалось, когда не падѣялось и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ найти поддержку своимъ вожделѣніямъ, такъ какъ по всему было видно, что новый замѣститель гетмана творилъ волю пославшей его государыни. Миссія Румянцева, какъ малороссійскаго генералъ-губернатора, заключалась въ реформированіи Малороссіи, въ обновленіи ея въ духѣ общерусскаго устройства и изъятіи изъ рукъ малороссійской старшины, составлявшей въ тоже время и ядро шляхетства, многихъ отраслей суда и управленія, присвоявшихся по вольному избранію въ должности. Реформами,—думалось императрицѣ, — можно будетъ достигнуть уничтоженія въ малорусскомъ народѣ своеволія, „доходящаго до коварства“, какъ выражался о немъ Румянцевъ, и втянуть Малороссію въ общерусское тягло и субординацію. Румянцевъ уже началъ свои опыты въ Малороссіи; они непріятно раздражали населеніе и болѣе всего, конечно, шляхетство, какъ слой наиболѣе развитой политически и лично заинтересованный въ исходѣ принятой относительно Украйны политики. Идея представительнаго собранія съ цѣлью составленія проекта Уложенія не могла не устрашать малороссійскихъ старшинъ и шляхетства: на всероссійскомъ собраніи депутатовъ могли какъ нельзя лучше вскрыться пороки общественнаго состоянія Украйны и небезгрѣшность въ этомъ отношеніи нашихъ старшинъ и шляхетства, злоупотребляв-

шихъ своимъ положеніемъ; по этому, заявляя, что законы малороссійскіе хороши и вполнѣ обезпечиваютъ добрый порядокъ и управленіе, шляхетство хлопотало ни о чемъ иномъ, какъ объ удержаніи своего вліятельнаго положенія, грозившаго поколебаться при обсужденіи малорусскихъ дѣлъ въ коммиссіи, особенно же въ виду того, что на малороссійскіе порядки и на командующій народомъ классъ уже давно была наброшена сильная тѣнь предъ правительствомъ; въ недавнее время эта тѣнь еще больше сгустилась подъ вліяніемъ записокъ Румянцева и Теплова „о непорядкахъ въ Малороссіи“ и шляхетскимъ вольностямъ, очевидно, приходилъ конецъ; наступало время широкой централизаціи и генералъ-губернаторовъ,—непосредственныхъ агентовъ императорской власти. Рѣшивъ преобразовать край по своему усмотрѣнію, Екатерина въ письмѣ къ Олсуфьеву, написанномъ вскорѣ по уничтоженіи гетманства и назначеніи Румянцева, высказала своему вельможѣ по этому поводу слѣдующія любопытныя мысли: „прибавить надлежитъ—писала она,—чтобы сколько возможно привести оный народъ къ тому, чтобы мужики съ мѣста на мѣсто не переѣзжали и разбирать и раздѣлить „le gouvernement militaire d'avec le civile souverainement confondu dans cette province, раздѣлить ихъ настоящія права съ тѣми, которыя они сами себѣ присвоили и во всемъ ему (т. е. генералъ-губернатору) должно имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ. Доходовъ никакихъ нѣтъ оттуда, но еще отъ селѣ имъ дается 48 тысячъ“ [1]).

Вотъ это то раздѣленіе настоящихъ правъ отъ самовольно себѣ присвоенныхъ и раздѣленіе гражданскаго и воинскаго управленій, находившихся въ силу избранія старшинъ „вольными голосами “въ рукахъ шляхетства, чрезвычайно безпокоило послѣднее, такъ какъ съ назначеніемъ на главныя должности коронныхъ чиновниковъ оно лишалось силы и власти, основанныхъ не на юридическомъ, а на фактическомъ положеніи шляхетства въ Малороссіи. Помимо этого, у шляхетства, рекрутировавшагося изъ старшины, было много и другихъ основаній опасаться коммиссіи Уложенія: за нимъ числилась масса злоупотребленій по

[1]) Семейство Разумовскихъ, Васильчикова, стр. 214.

скупкѣ и отнятію козачьихъ грунтовъ, земель и проч. угодій, по завладѣнію свободными, „коронѣ“ принадлежащими землями, по обращенію козаковъ въ посполитые и по многимъ другимъ дѣяніямъ, съ невыгодной стороны освѣщавшимъ шляхетство. Что касается козаковъ, то хотя ихъ несочувственное отношеніе въ коммиссіи было меньше, тѣмъ не менѣе они раздѣляли его съ шляхетствомъ изъ одной боязни потерять свои вольности и обратиться въ простыхъ солдатъ, о чемъ разглашала уже нѣсколько лѣтъ козацкая старшина на основаніи нѣкоторыхъ незначительныхъ фактовъ, въ родѣ неудачныхъ попытокъ Румянцева ввести строевую дисциплину въ козачьи полки и обязать козаковъ знаніемъ военныхъ артикуловъ. Козаки съ ужасомъ останавливались предъ перспективой солдатчины и уже были случаи, что они, не желая подчиниться строевой службѣ, самовольно расходились домой и приговаривались за это къ наказаніямъ кіями [1]). Не слѣдуетъ также забывать, что составленіе проекта новаго Уложенія для всей Россіи и замѣна имъ дѣйствовавшихъ въ Малороссіи правъ и обычаевъ грозили отнять у козаковъ ихъ важное право избранія себѣ старшинъ „вольными голосами“ и могли обратить „вольныхъ козаковъ“ въ безсловесную массу земледѣльцевъ... Кромѣ того, козаки съ неудовольствіемъ относились къ генеральной описи Малороссіи и, дѣйствительно, на каждую новую мѣру правительства смотрѣли, какъ на умаленіе своихъ вольностей.

Однако, каково бы не было настроеніе и недовѣріе малороссіянъ, но воля императрицы должна была исполниться, и Малороссія была поставлена въ необходимость приступить къ выборамъ депутатовъ и сочиненію наказовъ о своихъ нуждахъ и отягощеніяхъ. Согласно манифесту Екатерины, депутаты должны были быть избраны въ Малороссіи отъ всѣхъ свободныхъ ея сословій, кромѣ владѣльческихъ крестьянъ, число которыхъ по офицерской переписи 1764 г. достигло до 985,909 человѣкъ [2]), откуда слѣдуетъ, что самое многочисленное, наиболѣе отягощенное и вопіявшее къ справедливости сословіе, не имѣло въ коммиссіи голоса, не могло

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., октябрь, стр. 127.

[2]) Максимовичъ, т. I, стр. 549.

разсказать о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Это обстоятельство должно быть принято нами во вниманіе, такъ какъ отсутствіе наказовъ отъ посполитыхъ лишаетъ изслѣдователя возможности дать полный очеркъ всѣхъ вожделѣній малороссійскаго народа въ эпоху Екатерининской коммиссіи. Все остальное свободное населеніе Малороссіи—шляхетство, козаки, городскіе обыватели и запорожская Сѣчь—имѣли своихъ представителей въ коммиссіи: шляхетство и козаки по одному депутату отъ полка, горожане по одному депутату отъ города. Запорожье выставило отъ себя двухъ депутатовъ. Что касается до малороссійскаго духовенства, то оно, собственно говоря, хотя и не имѣло отъ себя отдѣльнаго депутата въ коммиссіи, но имъ, по требованію Синода, были представлены послѣднему чрезъ митрополита кіевскаго, епископовъ черниговскаго и переяславскаго и архимандритовъ кіево-печерскаго и межигорскаго „*обстоятельные пункты*“ относительно грунтовъ, маетностей и прочихъ „выгодностей“ малорусскаго духовенства и эти „пункты“ вполнѣ аналогичны наказамъ другихъ сословій. По личному росписанію графа выборы депутатовъ были назначены почти повсемѣстно на мартъ и начало апрѣля 1767 года; въ указанные въ росписаніи сроки все шляхетство, имѣющее въ данномъ полку „вотчины и помѣстья“, должно было собраться въ повѣтовый городъ для выбора себѣ предводителя, депутата и для сочиненія наказа. Городскіе обыватели собирались, конечно, каждый въ своемъ городѣ, и такъ какъ изъ горожанъ правомъ избирательнаго голоса пользовался каждый, кто имѣлъ въ городѣ „дѣйствительный домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыселъ“, то Румянцевъ приказалъ вносить въ списки городскихъ избирателей „всѣхъ жителей тѣхъ городовъ изъ шляхетства и козаковъ съ прочими гражданами, выключая однихъ владѣльческихъ людей и крестьянъ, и чтобъ въ собраніи всякъ по состоянію имѣлъ свое мѣсто“. Избраніе предводителей и депутатовъ отъ шляхетства и городовъ происходило по большинству голосовъ и въ общемъ собраніи всѣхъ правоспособныхъ членовъ данной сословной группы. Женщины и лица отсутствовавшія не имѣли въ выборахъ участія ни сами, ни чрезъ вѣрющія письма;

находившіеся же въ городѣ, но не присутствовавшіе сами лично, могли подать свой голосъ письменно. Для руководства дѣйствіями собранія шляхетство выбирало себѣ предводителя, а горожане городскаго голову, которые и управляли затѣмъ, подъ надзоромъ особо командированныхъ Румянцевымъ чиновниковъ, всей дальнѣйшей избирательной процедурой. Выборы козачьихъ депутатовъ были нѣсколько сложнѣе, такъ какъ въ виду сравнительной многочисленности козаковъ и ихъ разбросанности на большихъ разстояніяхъ они были двухстепенные: сначала каждая сотня избирала изъ своей среды нѣсколькихъ повѣренныхъ, обыкновенно отъ 3 до 10 человѣкъ, но не болѣе 100 человѣкъ отъ всѣхъ сотенъ даннаго полка; сотенные повѣренные снабжались отъ своихъ сотенъ наказами и прошеніями и, собравшись въ полковомъ городѣ, выбирали изъ своей среды повѣреннаго уже отъ всего полка, иначе сказать — депутата. Изложенный порядокъ избранія депутатовъ, примѣненный къ козакамъ по аналогіи съ однодворцами, вызвалъ неудовольствіе среди козачьяго сословія; всѣ козаки были унижены и оскорблены сравненіемъ ихъ съ однодворцами, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ прилучане и миргородцы, съ горечью замѣчали въ наказахъ, что ихъ выборы чинились не по обряду шляхетскихъ и просили о неисключеніи ихъ депутатовъ изъ числа шляхетскихъ. Въ дѣйствительности 2-хъ степенный способъ избранія депутатовъ не только былъ обиденъ для козаковъ тѣмъ, что сравнивалъ ихъ съ однодворцами, но еще имѣлъ и дѣйствительно свою дурную сторону въ томъ, что, пропуская народную волю чрезъ двойной фильтръ сотенныхъ и полковыхъ выборовъ, неминуемо подвергалъ ее значительнымъ искаженіямъ, неполнотѣ и затмѣнію.

Что касается Запорожья, то Румянцевъ сначала распорядился объ избраніи отъ Сѣчи только одного депутата, но потомъ въ виду представленія коша о томъ, что Запорожье заключаетъ въ себѣ народонаселенія болѣе, чѣмъ въ 2—3 полкахъ, и имѣетъ до 40 куреней и массу зимовниковъ, разрѣшилъ произвести выборъ 2-хъ или 3-хъ депутатовъ. Самый порядокъ избранія былъ такого рода, что каждый курень избиралъ отъ себя 5 представителей, уполномоченныхъ на избраніе депутата; всѣхъ

представителей, „довѣренныхъ отъ товарищества“ собралось въ пикурискомъ куренѣ 190 человѣкъ и по балатировкѣ выборъ палъ на бывшаго судью Косана, однако болѣзнь заставила его отказаться отъ представительства и на его мѣсто были избраны депутатами войсковой судья Головатый и атаманъ Корсунскаго куреня Скапа [1]).

О духовенствѣ мы уже сказали, что оно не было представлено въ коммиссіи, но въ виду его особаго положенія отъ великорусскаго ему было позволено доставить въ Синодъ „пункты“ о нуждахъ и мастностяхъ съ тѣмъ, чтобы они вошли въ общій наказъ Синода своему депутату; мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ составлялись пункты, но изъ того, что они подписаны кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ, архіепископами черниговскимъ и переяславскимъ, а также архимандритами и игумепами и всѣми малорусскими протопопами съ подвѣдомственнымъ имъ священствомъ, нельзя не заключить, что они содержали въ себѣ дѣйствительныя нужды чернаго и бѣлаго духовенства, а не измышленія его начальства. Всѣхъ депутатовъ отъ Малороссіи находилось въ коммиссіи 33 человѣка: отъ шляхетства и козаковъ было избрано по 11 человѣкъ, отъ горожанъ 10 и отъ Запорожья 2. Всѣ выборы, какъ мы сказали, происходили въ полковыхъ городахъ и послѣ торжественныхъ молебствій открывались избраніемъ предводителя и головы; послѣ этого чрезъ нѣсколько дней происходило новое молебствіе, предводитель или голова получали свои полномочія и по прочтеніи манифеста приступали къ выборамъ депутатовъ посредствомъ баллотировки большинствомъ голосовъ. Избранными могли быть не только лица, присутствовавшія на самыхъ выборахъ, но и бывшія въ отсутствіи. Такъ заочно былъ избранъ извѣстный въ коммиссіи депутатъ отъ лубенскаго шляхетства Григорій Полетика; „надворный совѣтникъ и морскаго шляхетнаго кадецкаго корпуса надъ ученіями главный инспекторъ“. По окончаніи выборовъ собраніе облекало полномочіями своихъ депутатовъ и приступало къ сочиненію самихъ наказовъ чрезъ посредство нѣсколькихъ уполномоченныхъ

[1]) Скальковскій. Ист. Нов. Сѣчи, ч. II, стр. 291.

на это лицъ, затѣмъ сочиненные наказы обсуждались въ общемъ собраніи и подписывались всѣми присутствовавшими. Разсмотрѣвши порядокъ—или, какъ тогда выражались, „обрядъ“—выбора депутатовъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ *теоріи* онъ въ достаточной степени обезпечивалъ населенію свободу избранія своихъ представителей; сочиненіе же наказовъ въ подготовительныхъ коммиссіяхъ [1]), обсужденіе ихъ въ собраніи и санкціонированіе всѣми избирателями также нельзя не признать порядкомъ, хорошо гарантировавшимъ населенію свободное и полное выраженіе своихъ нуждъ и желаній. Практика однако показала, что ни свободы выборовъ, ни непринужденности въ сочиненіи наказовъ и заявленіи своихъ нуждъ въ Малороссіи не было; какъ то, такъ и другое было довольно относительно и свобода въ выраженіи народной воли стѣснялась съ одной стороны довольно замѣтнымъ вмѣшательствомъ правительства, а съ другой происками и агитаціей шляхетства, вліявшаго на сочиненіе городскихъ и козачьихъ наказовъ. Въ виду этого намъ крайне интересно опредѣлить размѣры посторонняго вмѣшательства, дабы знать, насколько дѣйствительнымъ, плодомъ народныхъ желаній являются разбираемые нами наказы. Относительно роли правительства г. Авсѣенко высказалъ мнѣніе, что такъ какъ созывъ коммиссіи былъ актомъ свободнаго желанія и милости Екатерины, настроенной въ весьма либеральномъ и прогрессивномъ духѣ, то нельзя допустить, чтобы графъ Румянцевъ, которому хорошо были извѣстны намѣренія императрицы и вліяніе котораго преимущественно обнаруживалось при составленіи наказовъ, сталъ противодѣйствовать свободному выраженію тѣхъ желаній и стремленій малороссійскаго народа, которыя клонились къ его несомнѣнному благу [2]). Однако, съ приведеннымъ мнѣніемъ г. Авсѣенка едва ли можно вполнѣ согласиться; несмотря на его справедливое замѣчаніе, что созывъ коммиссіи былъ дѣйствительно актомъ свободной воли, а не вынужденныхъ обстоятельствами времени политическихъ комбинацій, у насъ есть положи-

---

[1]) Наказы, стр. 272.

[2]) Малороссія въ 1767 г. Авсѣенко, стр. 34

тельныя данныя, доказывающія весьма замѣтное вмѣшательство графа Румянцева и въ избирательную борьбу и въ сочиненіе наказовъ.

Теперь извѣстно, что онъ вмѣшивался въ выборы, кассировалъ ихъ, уничтожалъ въ наказахъ то, что пахло „умопачертаніемъ прежнихъ временъ“ и всячески старался, чтобы до слуха императрицы въ наказахъ не долетѣло чего-нибудь рѣзко и сильно напоминавшаго о старой гетманщинѣ. Относительно вмѣшательства правительственныхъ органовъ и вліянія ихъ на выборъ депутатовъ и сочиненіе наказовъ согласенъ и г. Латкинъ, авторъ недавно вышедшаго труда о законодательныхъ коммиссіяхъ въ XVIII вѣкѣ [1]), хотя онъ ошибочно полагаетъ, что число „рельефныхъ“ случаевъ вмѣшательства ограничивалось всего однимъ. Въ дѣйствительности правительственное давленіе измѣрялось не случаями, но было постояннымъ явленіемъ, „рельефные“ же случаи также считались болѣе, чѣмъ единицами. Приведемъ факты, заимствованные нами частью у того же Соловьева, частью же изъ самихъ наказовъ. Шляхетство повѣтовъ нѣжинскаго и батуринскаго, собравшись по циркуляру Румянцева въ полковой городъ, избрало себѣ предводителемъ отставнаго полковника Тарнавіота, а депутатомъ земскаго судью Л. Селецкаго и затѣмъ благополучно на время разъѣхалось. Собравшись затѣмъ снова для сочиненія наказа, шляхетство не минуло и обсужденія обѣщаній Екатерины II, отъ 10 ноября 1764 г. о сохраненіи вольностей малороссійскаго народа и пришло къ убѣжденію о необходимости избранія гетмана совокупно съ запорожскою Сѣчью; кривотолковательей, мечтавшихъ о гетманѣ и единеніи съ Сѣчью, было большинство, и когда депутатъ Селецкій не согласился присоединиться къ мнѣнію большинства, то шляхетство, ничтоже сумняся, выбрало себѣ другаго депутата, не находя Селецкаго способнымъ поддерживать въ коммиссіи не сочувственныя ему желанія своихъ избирателей. Не можетъ быть сомнѣнія, что шляхетство, избирая вмѣсто Селецкаго новаго депутата, осуществляло свое законное право имѣть отъ себя въ коммиссіи излюбленнаго

[1]) Стр. 243.

человѣка, помышляющаго не о своихъ, но объ общественныхъ нуждахъ и отягощеніяхъ, тѣмъ не менѣе Румянцевъ кассировалъ вторые выборы и безъ сомнѣнія не за нарушеніе „обряда“, а потому, что шляхетство проявило свою неблагонамѣренность, заговоривъ „о безразсудныхъ просьбахъ и желаніяхъ“ и выбравши во второй разъ депутатомъ главнаго виновника всѣхъ золъ, Долинскаго. Дѣло объ изложенномъ эпизодѣ было доведено до свѣдѣнія сената и противъ зачинщиковъ новыхъ выборовъ и мысли объ избраніи гетмана было возбуждено преслѣдованіе. Второй случай, когда дѣло дошло до сената, произошелъ въ г. Погарѣ съ городскимъ войтомъ Папасомъ, заявившимъ себя ярымъ поборникомъ старины и врагомъ нововведеній; но такъ какъ эпизодъ съ нимъ имѣетъ тѣсную прикосновенность къ городскими выборамъ, то мы и разскажемъ о немъ нѣсколько ниже, когда будемъ вести рѣчь объ антагонизмѣ, проявившемся среди малорусскихъ сословій.

О вмѣшательствѣ въ дѣла черниговскаго и стародубскаго шляхетства, хотя и по просьбѣ ихъ предводителей, сознается въ письмахъ къ Екатеринѣ и самъ генералъ-губернаторъ, говоря, что онъ помогъ предводителямъ уладить возникшія въ средѣ шляхетства несогласія. Особенную помощь Румянцевъ оказалъ черниговскому предводителю Безбородку, который чрезъ своего сына, находившагося при графѣ, неоднократно совѣтовался съ послѣднимъ и даже представлялъ ему пункты наказа, произведшаго въ своей окончательной отдѣлкѣ столь непріятное впечатлѣніе на украинцевъ и вызвавшаго неудовольствіе противъ его составителя—Безбородка. Близкимъ участіемъ, конечно, генералъ-губернатора, а не случайностью, слѣдуетъ объяснить, что черниговскій наказъ вышелъ, не въ примѣръ другимъ, написаннымъ въ правительственномъ духѣ и былъ одобренъ самой императрицей.

Помимо личнаго давленія Румянцева на выборы и сочиненіе наказовъ, въ немъ принимали надлежащее участіе командированные графомъ для присутствія на выборахъ чиновники, а также тѣ изъ шляхетскихъ предводителей, которые, питая *„великое всегда желаніе къ чинамъ, а особливо къ жалованью“*

стремились поддѣлаться подъ направленіе столичныхъ вѣяній и забѣгали предъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Были предводители, какъ напримѣръ, у стародубскаго шляхетства, земскій судья П. Искрицкій, который самъ изъ собственнаго усердія прилагалъ стараніе для очищенія наказовъ отъ „закоренѣлыхъ предразсужденій“ и съ горестью потомъ доносилъ Румянцеву, что его старанія не имѣли никакого успѣха, такъ какъ лицъ „одинаковыхъ съ нимъ сентиментовъ“ оказалось слишкомъ мало и онъ, уступая большинству, самъ принужденъ былъ подписаться подъ несочувственными пунктами. Естественно, что Румянцевъ, получивъ сообщеніе П. Искрицкаго, предписалъ предосудительный наказъ уничтожить и замѣнить его новымъ, очищеннымъ отъ всѣхъ прошеній, „кои несогласуются съ пользою настоящаго времени“. Второй наказъ въ предписанномъ духѣ былъ, конечно, составленъ, но замѣчательно, что несочувствіе къ нему было такъ велико, что предводитель едва провелъ его при помощи полковника князя Юрія Хованскаго, командированнаго къ выборамъ Изъ донесенія только что названнаго князя Румянцеву намъ также извѣстно, что при сочиненіи наказа стародубскими козаками онъ принималъ всѣ мѣры къ исключенію изъ него всего несогласнаго съ правительственными видами, но, по собственному признанію князя, козаки написали нѣкоторые пункты, не согласившись съ нимъ, и онъ никакъ не могъ преодолѣть ихъ упорства [1]). Если въ данномъ случаѣ побѣда осталась за козаками и упорство ихъ осталось несломленнымъ, то въ другихъ случаяхъ съ козаками поступали гораздо проще и короче: донесеніе полковника Милорадовича о козачьихъ выборахъ въ Черниговѣ объясняетъ намъ, что по приказу Румянцева козацкому депутату было вовсе запрещено принимать наказы сотенныхъ повѣренныхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ пишется „вовсе до нихъ не надлежащее“ и что эти наказы компонуются не ими, а старшинами. Хотя послѣднее замѣчаніе не лишено справедливости, тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого основанія думать, что козаки proprio motu не могли сочинить

[1]) Наказы, стр. 217.

наказовъ съ содержаніемъ „вовсе для нихъ не надлежащимъ“. Харьковскій южно русскій архивъ по счастью сохранилъ намъ нѣсколько наказовъ[1]), оставленныхъ, такъ сказать, за флагомъ и не попавшихъ въ коммиссію, изъ которыхъ по аналогіи можно убѣдиться, почему могло состояться запрещеніе графа принимать наказы сотенныхъ повѣренныхъ и въ чемъ заключалось содержаніе „вовсе до нихъ не надлежащее“. Наказы отъ бывшихъ мелкихъ городковъ, а нынѣ мѣстечекъ, каковы Мринъ, Борисполь, Гоголевъ, Олишевка, Носовка, Кабижча, Бобровица, Муровскъ, Кролевецъ и друг., были составлены не только не старшинами, но иногда противъ нихъ[2]), и тѣмъ не менѣе заключали въ себѣ массу „закоренѣлыхъ предразсужденій“, непріятно рѣзавшихъ генералъ-губернаторское ухо. Всѣ перечисленные нами городишки, обитаемые главнымъ образомъ козаками, въ одинъ голосъ заговорили о договорныхъ пунктахъ Богдана Хмельницкаго, просили объ утвержденіи ихъ на вѣчныя времена и заключали свои наказы смѣлыми надеждами, что при удовлетвореніи этихъ желаній несомнѣнно процвѣтутъ и они. „Есть-ли—писали олишевцы—вышеозначенные нужды исключить и за взятые въ арміи волы и фуры деньгами ихъ, олишевскихъ жителей, удовольствовать и *оставить ихъ на такомъ основаніи, какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ приступилъ подъ державу всероссійскую и утвержденныя статьи всероссійскими монархами въ непарушимой цѣлости, то тогда народъ города Олишевки могъ бы прійти въ цвѣтущее состояніе*“. Жители Муровска, высказавъ надежды и желанія совершенно однородныя съ предыдущими, заключали свои pia desideria почти словами олишевцевъ: „чаятельно, писали они, что при свободѣ отъ всякихъ выстаченій процвѣтетъ и г. Муровскъ“... Таковы, не ошибаясь, можно сказать, были наказы и сотенныхъ повѣренныхъ, запрещенные къ принятію ихъ козацкими депутатами. Наконецъ, нельзя не указать, какъ на стѣспе-

---

[1]) № 3071 Ю.-рус. архива.

[2]) Въ нихъ встрѣчается обвиненіе старшинъ въ закрѣпощеніи себѣ многихъ козаковъ въ вѣчные подданные, благодаря ревизіи 1764 года.

ніе правительствомъ свободы выраженія народныхъ желаній, на дѣйствія Святѣйшаго Синода, исключившаго изъ пунктовъ, представленныхъ отъ малороссійскихъ епархій, много самыхъ важныхъ и существенныхъ требованій. Извѣстно, что всѣ пункты малороссійскихъ епархій были раздѣлены Синодомъ на три категоріи: 1, пункты, одобренные имъ ко внесенію въ синодскій наказъ и переданные синодскому депутату для проведенія въ коммиссіи, 2, пункты, хотя и одобренные, но оставленные на личное усмотрѣніе депутата и 3, наконецъ, пункты, которые опредѣлено было „отставить". Къ числу послѣднихъ были отнесены пункты, наиболѣе рѣзко поражавшіе своими смѣлыми заявленіями объ особенномъ положеніи малороссійскаго духовенства, о необходимости избранія митрополита изъ природныхъ малороссіянъ вольными голосами, о дозволеніи ему безъ разрѣшенія Синода посвящать въ архіерейскій санъ, имѣть свою типографію, школы и пр.... Словомъ, Синодъ исключилъ изъ прошеній малороссійскаго духовенства все, что такъ или иначе клонилось къ децентрализаціи церковнаго управленія и имѣло въ виду хотя бы небольшую его самостоятельность и особенность для Украйны. И Румянцевъ, и Синодъ дѣйствовали въ этихъ случаяхъ, конечно, по указаніямъ самой императрицы, а каковы были ея указанія достаточно хорошо можно судить по инструкціи, данной Екатериной князю Вяземскому, гдѣ между прочимъ говорилось, что „Малая Россія, Лифляндія, Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, парушать оныя весьма непристойно было бъ, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупость. *Сіи провинціи, также смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привесть къ тому, чтобъ они обрусьли и перестали бъ глядѣть, какъ волки въ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, когда разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ*... Когда жъ въ Малороссіи *гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ и имя гетмановъ исчезло, не только бъ персона какая была произведена въ оное достоинство* [1]).

[1]) Соловьевъ, т. 26, стр. 39.

Выписанная нами цитата требуетъ никакихъ комментаріевъ и, на нашъ взглядъ, не оставляетъ сомнѣній, что при желаніи верховной власти изгладить изъ памяти малороссіянъ даже самое имя гетмана, нельзя было ожидать объективнаго отношенія къ выборамъ и со стороны ея органовъ.

Отмѣтивъ вмѣшательство правительственныхъ органовъ, важность котораго отрицать никто не рѣшится, скажемъ нѣсколько словъ и о вліяніи старшины, которое весьма естественно въ сочиненіи наказовъ было гораздо незначительнѣе, чѣмъ вліяніе правительства; извѣстные намъ случаи, когда старшины, перейдя предѣлы позволеннаго нравственнаго воздѣйствія, устраняли козаковъ отъ сочиненія наказовъ или даже захватывали его въ свои руки и вычеркивали изъ наказовъ все, что могло вредить ихъ интересамъ, доказываютъ, что такіе случаи не оставались необжалованными и доходили до свѣдѣнія генералъ-губернатора. Помимо этого, самъ Румянцевъ, заинтересованный въ томъ, чтобы наказы были свободны отъ „умоначертаній прежнихъ временъ“, не могъ оставлять незамѣченными ни самъ, ни чрезъ командированныхъ имъ лицъ, злоупотребленій старшины, клонившихся къ искаженію народной воли и затемнѣнію истинно козацкихъ желаній, нуждъ и отягощеній. И однако, несмотря на авторитетное заявленіе генералъ-губернатора, что старшина компонуетъ наказы козакамъ, мы встрѣтили всего нѣсколько случаевъ, когда козаки, дѣйствительно, остались недовольны дѣйствіями старшины и обжаловали ея злоупотребленія. Намъ думается, что еслибы такихъ случаевъ было больше, то они не остались бы неизвѣстными; если же козаки оставались довольны наказами, сочиненными старшиной, то слѣдовательно сочинители не передергивали истинныхъ желаній козаковъ и для насъ рѣшительно все равно, кѣмъ бы они ни были составлены. Самый видный случай притѣсненія козаковъ своей старшиной при сочиненіи наказовъ—имѣлъ мѣсто въ кременчугской и власовской сотняхъ миргородскаго полка [1]). Сущность дѣла, какъ

[1]) Наказы, 280.

видно изъ донесенія козаковъ обѣихъ сотенъ, заключалась въ томъ, что командующій Кременчугомъ ротмистръ Гавриловъ и власовской сотней поручикъ Бабичъ не только не допустили козаковъ съѣхаться въ Полтаву, но созвавши въ Кременчугъ, обманомъ продержали ихъ въ немъ болѣе 2-хъ недѣль и, не допустивъ до выборовъ, „сами собой съ другими еще имъ согласниками выбрали депутатомъ майора Козельскаго, а предводителемъ Гаврилова“, а ихъ, козаковъ, выгнали изъ Кременчуга, объявивъ, что они пропустили назначенное для выборовъ время. Другой очень характерный случай не столько злоупотребленія, какъ давленія старшины на козаковъ описанъ въ донесеніи ивапицкаго сотеннаго повѣреннаго Ивана Лисенка [1]). Этотъ повѣренный въ донесеніи своемъ графу, раскрывая закулисную сторону сочиненія наказовъ, жаловался, что другіе сотенные повѣренные „съ наущенія ли чьего, или сами отъ себя“ воспротивились внесенію въ наказы вопроса о скуплѣ козачьихъ земель и грунтовъ разными чиновниками и владѣльцами и „*купли той поставить не похотѣли*“. Подчеркнутая нами фраза указываетъ, что Лисенко имѣлъ основаніе думать, что нежеланіе сотенныхъ повѣренныхъ подпимать вопросъ о скуплѣ могло быть сдѣлано по чьему либо наущенію и, конечно, добавимъ мы, ни по чьему иному, какъ по наущенію старшины. Изъ того же донесенія видно что сотенные повѣренные „для учиненія генеральнаго наказа“ обращались къ полковому канцеляристу Пятигорскому и что онъ посылалъ ихъ за копіей дворянскаго наказа къ предводителю Максимовичу; Максимовичъ наказа не далъ, тѣмъ не менѣе Пятигорскій не отказался сочинить козакамъ наказъ, пропустивъ въ немъ пунктъ о скупленныхъ во всемъ прилуцкомъ полку земляхъ. Подобное приведенному обращеніе козаковъ за сочиненіемъ своихъ наказовъ къ лицамъ изъ своей старшины не могло, намъ кажется, обходиться безъ извѣстнаго ея вліянія и замѣчаніе Румянцева по этому поводу не лишено основанія; но гораздо многочисленнѣе и интереснѣе были случаи, происходившіе при городскихъ выборахъ и указывающіе на антагонизмъ существовавшій среди сословій.

[1]) Наказы, стр. 243.

Малороссійскіе города прошлаго вѣка, пользовавшіеся въ своемъ управленіи магдебургскимъ правомъ, составляли, какъ извѣстно, довольно пеструю смѣсь сословій съ противорѣчивыми другъ другу интересами и съ враждебными между собой отношеніями. Извѣстно, что по магдебургскому праву, сообщавшему муниципальное управленіе многимъ малороссійскимъ городамъ, истинно городскимъ сословіемъ въ послѣднихъ являлись мѣщане, управлявшіеся своимъ „*мѣскимъ правомъ*“ и, вѣдавшіеся магистратомъ, въ качествѣ главнаго городскаго учрежденія. Магдебургское право, даруя городу муниципалитетъ, въ тоже время обезпечивало исконнымъ его жителямъ, мѣщанамъ, право единственнаго владѣнія городскими „мѣскими“ землями, угодьями и проч. а также право единственнаго занятія промыслами, торговлей, винокуреніемъ, шинкарствомъ и проч., и ни шляхетство, ни козачество, составлявшіе поэтому чуждый городу элементъ, не имѣли права ни селиться на городскихъ земляхъ, ни участвовать въ городскихъ промыслахъ. Въ дѣйствительности, при упадкѣ городовъ и при развитіи козацкой администраціи, мѣщане вмѣсто первостепенной заняли подчиненную роль въ городахъ и были обижены поселившимся въ нихъ шляхетствомъ, старшиной и козаками, скупившими земли и захватившими, вопреки всякому праву, промыслы, торговлю и винокуреніе. Столкновеніе интересовъ различныхъ городскихъ сословій было полное и очевидное, такъ какъ шляхетство и козачество, присвоивъ себѣ привилегіи мѣщанъ, не несли въ то же время никакихъ гражданскихъ повинностей, отбывавшихся исключительно мѣщанами. При выборахъ городскихъ депутатовъ и особенно при сочиненіи наказовъ, гдѣ должны были участвовать всѣ городскіе жители, сословная розпь обнаружилась въ довольно сильной формѣ и геральный обозный Кочубей совершенно вѣрно замѣтилъ по этому случаю относительно Полтавы, что „интересы мѣщанъ совсѣмъ противны интересамъ воинскаго званія людей и потому уповательно трудно согласиться имъ будетъ сдѣлать одинакіе депутату наказы“ [1]). Достаточно упомянуть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ

[1]) Наказы, 286.

сословный антагонизмъ доходилъ до явно выраженной борьбы и вызывалъ затрудненія и безпорядки, приводившіе къ кассаціи и перебаллотировкамъ; умышленное же противодѣйствіе шляхетства выборамъ, нежеланіе участвовать въ нихъ и подписываться на составленныхъ горожанами наказахъ было обыкновеннымъ явленіемъ въ избирательной хроникѣ и при составленіи городскихъ наказовъ. Изъ наиболѣе рѣзкихъ случаевъ избирательной борьбы мы укажемъ здѣсь на имѣвшіе мѣсто въ Прилукахъ, Лубнахъ и Погарѣ.

Въ Прилукахъ [1]) противодѣйствіе шляхетства выразилось пассивнымъ образомъ: оно не пожелало участвовать въ избраніи горожанами головы и депутата и послѣдніе были выбраны одними только мѣщанами, вслѣдствіе чего выборы были кассированы и назначены вторичные уже при участіи шляхетства.

Румянцевъ, узнавши о поведеніи шляхетства во время городскихъ выборовъ, предписалъ прилуцкой полковой канцеляріи доставить ему списокъ неявившихся лицъ съ обозначеніемъ причинъ неявки каждаго и изъ этого не совсѣмъ полнаго списка оказывается, что вся прилуцкая старшина, какъ наличная, такъ и „абшитованная“, въ количествѣ 34 человѣкъ наиболѣе видныхъ представителей прилуцкаго общества не явилась на городскіе выборы по самымъ пустымъ и фальшивымъ предлогамъ, какъ напримѣръ „за приключившеюся болѣзнею“, „за отлучкою изъ дому“, „за отправленіемъ поминовенія“ или „отъѣздомъ для законныхъ нуждъ“ и проч. Назначеніе вторичныхъ выборовъ очень огорчило мѣщанъ и въ прошеніи, поданномъ на имя Румянцева по поводу кассаціи прежнихъ выборовъ, они жаловались, что уничтоженіе полномочій избраннымъ ими головѣ и депутату лишаетъ ихъ возможности представить свои нужды въ коммиссію и заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что новыми выборами, произведенными, слѣдовательно, совмѣстно съ шляхетствомъ, будутъ избраны излюбленные ими люди.

Точно такой же отказъ отъ участія въ выборахъ и отъ подписанія наказа случился и въ Стародубѣ [2]), гдѣ шляхетство

---

[1]) Наказы, стр. 231 и слѣд.

[2]) Наказы 213.

не пожелало подписаться подъ городскимъ наказомъ, потому что мѣщане выдвинули въ немъ прошеніе о подтвержденіи Стародубу магдебургскаго права, уничтожавшаго въ корнѣ всякое вліяніе на городскія дѣла козацкой администраціи и вообще шляхетства. Въ Лубнахъ [1]) также дѣло не обошлось безъ осложненій и перебаллотировки головы, избраннаго, какъ и въ вышеприведенныхъ случаяхъ, одними только „свободно посполитыми“ города Лубенъ безъ участія шляхетства. Выборы эти, какъ неправильные, конечно, были кассированы, но мѣщане со большимъ неудовольствіемъ приступали къ вторичнымъ, потому что не надѣялись „по своему маломочеству“ снова избрать головою войта Назарскаго и включить въ свой наказъ жалобы на захватъ начальнѣйшими людьми городскихъ земель, на лишеніе горожанъ „промысловъ и художествъ“ и на другія порабощенія и обиды [2]). Въ виду этихъ опасеній лубенскіе мѣщане просили подполковника Огарева не принуждать ихъ къ избранію того, о комъ, „не благоволятъ ихъ сердца“ и позволить имъ продолжать избраніе депутата и составленіе наказа подъ руководствомъ выбраннаго уже головы—войта Назарскаго; однако просьбы мѣщанъ не были уважены, нежеланіе производить вторичные выборы было сломлено угрозами и перспективой „наказанія кіями“ и новые выборы состоялись при подавляющемъ вліяніи шляхетства, хотя оно лично все таки не присутствовало, а прислало свои голоса; за то при сочиненіи наказа опасенія мѣщанъ сбылись вполнѣ: никто изъ нихъ не былъ допущенъ къ его составленію и старшины оборудовали это дѣло сами, поручивъ сочиненіе пяти своимъ же единомышленникамъ—„не для чего другаго,—рапортовалъ войтъ—какъ что оніе мѣщане о промыслахъ и рукодѣліяхъ, козаками и чиновниками отправляемыхъ, не отбувая гражданской повинности, такожъ о завладѣніи гражданской земли, о порабощеніи ихъ и о протчемъ, чиновникамъ и козакамъ неполезномъ, представленіе въ челобитну внесть намѣревали“, но шляхетство ихъ къ этому не допустило и жалоба внесена не была. Описанный нами

---

[1]) Наказы, 259 и слѣд.

[2]) Наказы, стр. 262.

случай служитъ лучшей характеристикой отношеній, существовавшихъ между шляхетствомъ и мѣщанами, хотя нужно замѣтить, что въ Лубнахъ произволъ шляхетства, совершенно устранившаго мѣщанство отъ составленія наказа, дошелъ до своего апогея и Румянцевъ, въ качествѣ коррективa къ городскому наказу, разрѣшилъ лубенскимъ мѣщанамъ подать отдѣльную челобитную о своихъ нуждахъ и за это лубенцы въ адресѣ, поданномъ графу, обѣщали пребывать „тщательными въ прославленіи его имени и добротъ предъ людьми и въ молитвахъ предъ Богомъ [1]).

На той же точно почвѣ сословной вражды разыгралась въ Погарѣ упоминавшаяся нами исторія съ его войтомъ Папасомъ [2]). Войсковой товарищъ и погарскій войтъ Григорій Папасъ, какъ видно изъ переписки по его дѣлу, съигралъ въ своемъ городѣ роль совершенно обратную лубенскому войту Петру Назарскому и, несмотря на то, что былъ однимъ изъ представителей городскаго муниципалитета, оказался сочувствующимъ шляхетству и козакамъ и раздѣляющимъ ихъ интересы. Нужно сказать, что городскимъ головою въ Погарѣ былъ избранъ нѣкій Денисъ Привaловъ, повидимому, сильно поддерживавшій интересы мѣщанства, а потому и столкнувшійся съ антиподомъ его шляхетствомъ; послѣднее, недовольное этимъ избраніемъ, а также и тѣмъ, что сочиненіе наказа было поручено городскому райцѣ, не замедлило выдвинуть предъ Румянцевымъ цѣлую серію обвиненій Дениса Привалова въ неисполненіи формъ и предписаній „обряда“, хотя въ сущности, насколько можно догадываться дѣло шло не столько объ этомъ, какъ о томъ, что Привaловъ, устранивъ шляхетство, принялся вершить всѣ дѣла, касавшіяся до сочиненія наказа „*съ самими простыми и неграмотными мѣщанами*“, и выбравъ для этой цѣли 5 городскихъ жителей, о которыхъ войтъ Папасъ съ недовольной козацкой старшиной доносилъ генералъ-губернатору, что „они не только сочинить наказа, но и простаго письма совершенно сдѣлать не могутъ“ и что избранный голова вообще

---

[1]) Наказы, 275.

[2]) Ibid., 221 и слѣд.

повергаетъ ихъ въ сомнѣніе, „какъ бы онъ къ произведенію такого великаго дѣла (т. е. сочиненію наказа) вовсе будучи не достаточенъ и безпорядоченъ въ тѣхъ своихъ сочиненіяхъ предосудительныхъ каковыхъ недѣльностей не повносилъ и тѣмъ гражданской общей прямой пользѣ вреда не приключилъ", т. е. прямѣе говоря, чтобы Денисъ Привалов̀ъ не внесъ чего либо противнаго шляхетско-козацкимъ интересамъ. Изъ отвѣта Привалова на доносъ Панаса оказывается, что въ Погарѣ. какъ и въ Стародубѣ, Прилукахъ, Лубнахъ и друг. городахъ, розпь между мѣщанами и воинскаго званія людьми дошла до того, что послѣдніе совсѣмъ отказались присутствовать въ церкви на молебствіи и во время присяги къ выборамъ городскаго депутата и не подписали ему полномочія, а когда дѣло дошло до слушанія наказа и челобитной, то между головою и войтомъ, державшимъ, по выраженію головы, единое согласіе съ шляхетствомъ, произошло формальное столкновеніе. Прежде всего Панасъ началъ съ того, что не допустилъ въ магистратъ къ сочиненію наказа Привалова съ 5 членами, выбранными для этого дѣла, и они всѣ принуждены были удалиться въ другое мѣсто; во вторыхъ, когда наказъ уже былъ сочиненъ и голова, при собраніи всего города, хотѣлъ приступить къ его объявленію, то Панасъ не только самъ не пожелалъ выслушать мѣщанскихъ desiderata, но чтобы и никого не допустить къ этому, замкнулъ магистратъ, и для открытія его голова принужденъ былъ обратиться къ содѣйствію бурмистра. Магистратъ былъ отпертъ, но самъ войтъ по прежнему отказался выслушать наказъ и удалился. Изъ дальнѣйшихъ строкъ отвѣта Привалова оказывается, что Панасъ во время всей избирательной процедуры проявилъ себя самымъ завзятымъ поклонникомъ старины и что онъ агитировалъ въ этомъ духѣ, „уговаривая повины не слушать, ни къ оной не склоняться и не смотрѣть ни на какіе сторонніе, страхи, сказуя, что новинѣ предъ стариною во многомъ стыдно и показаться: новина до того что въ старину сдѣлано не точію поправить, но и сдержать не можетъ" [1]). За эту агитацію Панасу, по представленію Румянцева, пришлось отвѣчать предъ сенатомъ,

[1]) Наказы, 224.

который разобравши дѣло, приказалъ произвести надъ нимъ слѣдствіе и судъ и чего онъ Панасъ окажется достойнымъ о томъ ему представить на усмотрѣніе. Чѣмъ окончилось дѣло о Панасѣ и какое ему назначилъ сенатъ наказаніе намъ неизвѣстно; но вообще случаи особеннаго давленія шляхетства на городскіе выборы не оставались незамѣченными и Румянцевъ прилагалъ всевозможное стараніе, чтобы дать мѣщанамъ возможность свободно высказывать свои нужды и отягощенія и даже предоставлялъ имъ для этого право непосредственной подачи ему челобитныхъ исключительно отъ своего сословія, помимо наказовъ, составляемыхъ обще съ шляхетствомъ и козаками. Вотъ въ общихъ чертахъ все, что мы нашли необходимымъ для будущаго изложенія сказать по поводу выборовъ депутатовъ и настроенія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи, а также по поводу волненія умовъ, вызваннаго въ украинскомъ обществѣ призывомъ къ сочиненію новаго Уложенія. Съ слѣдующей главы мы приступимъ къ изложенію содержанія самихъ наказовъ, представленныхъ въ коммиссію малороссійскими депутатами.

ГЛАВА II.

Шляхетство.

Изобразивши броженіе умовъ въ Малороссіи, мы перейдемъ къ обозрѣнію наказовъ отъ шляхетства, какъ наиболѣе виднаго сословія, съ желаніями котораго приходилось сообразоваться правительству въ своихъ предначертаніяхъ. Къ данныхъ наказовъ мы постараемся присоединять по каждому вопросу все, что говорилось шляхетскими депутатами и на засѣданіяхъ коммиссіи, но заранѣе предупреждаемъ читателя, что малороссіяне говорили въ коммиссіи довольно мало и оживлялись только тогда, когда рѣчь заходила объ ихъ краѣ, привилегіяхъ и вольностяхъ. Въ этихъ случаяхъ депутаты обыкновенно старались подчеркнуть предъ своими собратіями по коммиссіи, что они, малороссіяне, особый „благоприсоединившійся народъ“ и потому желаютъ пользоваться привилегированнымъ положеніемъ; но та-

кихъ моментовъ было немного, дѣла же Великороссіи и ея окраинъ вообще мало интересовали малороссіянъ, ибо не были имъ извѣстны. Что касается собственно шляхетства, то особенно замѣтное оживленіе въ его средѣ было вызвано чтеніемъ проекта о правахъ благородныхъ, и нѣсколько ораторовъ, говорившихъ по сему предмету, оставили намъ весьма обстоятельныя „мнѣнія“, но такъ какъ этихъ мнѣній немного, то намъ при характеристикѣ шлехетскихъ desiderata придется руководиться главнымъ образомъ наказами.

Обращаясь къ ихъ содержанію, необходимо прежде всего отмѣтить въ нихъ одну весьма яркую, проходящую красной нитью, черту—я имѣю въ виду страстныя и дѣятельныя хлопоты малороссіянъ остаться на томъ положеніи, „на какомъ Б. Хмельницкій со всѣмъ малороссійской націи корпусомъ подъ державу великороссійскую приступилъ“, при чемъ это желаніе не составляло особенности однихъ шляхетскихъ наказовъ, но являлось общимъ голосомъ всей Малороссіи, и не было ни одного наказа, гдѣ бы такъ или иначе не говорилось объ этомъ и гдѣ-бы прошлое малороссійскаго народа не выставлялось идеаломъ и для будущей общественной жизни Украины.

Не считая возможнымъ приводить здѣсь подлинныя прошенія по упомянутому предмету, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько ссылокъ для иллюстраціи, въ какомъ видѣ шляхетство различныхъ полковъ представляло себѣ подтвержденіе прежнихъ привилегій своего отечества въ новосочиняемомъ Уложеніи. Глуховцы и черниговцы просили, напримѣръ, чтобы Малороссія была оставлена при всѣхъ своихъ вольностяхъ и выгодахъ и чтобы онѣ для вѣчнаго храненія и исполненія были записаны въ проектируемое Уложеніе и помѣщены въ немъ на приличныхъ мѣстахъ; при этомъ черниговское шляхетство хлопотало еще объ исправленіи отечественнаго законодательства, справедливо находя его устарѣлымъ и указывая его слабыя стороны [1]); что же касается до глуховскаго, то оно, молило императрицу, объ утвержденіи малороссійскихъ вольностей новымъ „высокоматернимъ привилегіемъ“ и отдавало на ея волю все, что каса-

[1]) Наказы, стр. 13.

лось исправленія или измѣненія этихъ вольностей при внесеніи ихъ въ новосочиняемое Уложеніе [1]). Почти съ такими же просьбами мы встрѣчаемся и въ наказѣ отъ переяславскаго шляхетства, полагавшаго, что императрица сама измѣнитъ въ его привилегіяхъ только то, что найдетъ или неполезнымъ, или неприличнымъ состоянію современнаго общества, лично же переяславцы не находили нужнымъ измѣнять своихъ правъ и вольностей ни въ чемъ, кромѣ положеній Статута, касающихся особы государя, да законовъ о шляхетской службѣ, не отвѣчавшихъ, по мнѣнію переяславцевъ, просвѣщенному состоянію ихъ сословія [2]). Въ общемъ, всѣ три наказа соглашались, что вольности Малороссіи должны быть удержаны безусловно, но въ то же время они сознавались, что многое въ общественномъ строѣ Украины нуждается въ освѣженіи и поправкѣ и предоставляли это сдѣлать самой императрицѣ по ея волѣ и усмотрѣнію, но лишь съ сохраненіемъ главныхъ, коренныхъ особенностей Малороссіи. Если мы коснемся остальнаго шляхетства,—полковъ: лубенскаго, прилуцкаго, гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго,—то и въ его наказахъ встрѣтимся съ тѣми же ходатайствами, чтобы край малороссійскій былъ трактованъ въ новомъ Уложеніи по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ и по подтвержденнымъ пунктамъ, но, въ отличіе отъ раньше названныхъ наказовъ, мы не найдемъ въ нихъ рѣшительно никакихъ просьбъ объ обновленіи законовъ, или объ измѣненіи ихъ по усмотрѣнію верховной власти; исключенія въ этомъ случаѣ не было сдѣлано ни для одной части Л. Статута, который, по словамъ лубенскаго шляхетства, „малороссійскій народъ въ судахъ и расправахъ своихъ чрезъ 113 лѣтъ до нынѣ употребляетъ къ своему удовольству“ [3]). Солидарность взглядовъ шляхетства въ этомъ отношеніи была полнѣйшая, однако же самое смѣлое напоминаніе, какое только было сдѣлано шляхетствомъ о подтвержденіи ему вольностей, мы находимъ не въ наказахъ, а въ прошеніи всѣхъ малороссійскихъ депутатовъ, поданномъ чрезъ маршала Бибикова Екате-

[1]) Ibid., стр. 4.
[2]) Наказы, стр. 37.
[3]) Ibid., стр. 57.

рипѣ II, по прочтеніи въ коммиссіи проекта о правахъ благородныхъ, когда шляхетству къ прискорбію пришлось убѣдиться, что его привилегіи не только не нашли себѣ мѣста въ проектѣ, но совершенно были пройдены молчаніемъ. При такомъ оборотѣ дѣла депутаты, и главнымъ образомъ, конечно, шляхетскіе, взяли на себя смѣлость напомнить императрицѣ о томъ, „извѣстномъ всему міру обстоятельствѣ“, что малороссійскій народъ, свергнувши съ себя иго польской республики, добровольно присоединился къ московскому государству на томъ основаніи, чтобы ему оставаться вѣчно при всѣхъ своихъ вольностяхъ, правахъ, свободахъ и обыкновеніяхъ такъ, какъ онъ состоялъ подъ королями польскими и великими князьями литовскими, безъ всякаго нарушенія и отмѣны [1]), и что упущеніе въ проектѣ о правахъ благородныхъ привилегій малороссійскаго шляхетства составляетъ нарушеніе самаго важнаго договора. Это заявленіе, сдѣланное торжественно въ многолюдной коммиссіи отъ лица всѣхъ депутатовъ, представляло самое сильное выраженіе протеста малороссіянъ противъ игнорированія ихъ областныхъ особенностей и мы привели его, что бы подтвердить, что малороссіяне боролись противъ этого и молили императрицу не нарушать ихъ вольностей. Сохраненіе правъ и привилегій Украйны и ея шляхетства—вотъ основной фонъ всѣхъ прошеній и въ соотвѣтствіи съ нимъ расположены и другія желанія малороссійскаго шляхетства.

Каковы же были желанія и нужды шляхетства?

Прежде всего остановимъ свое вниманіе на вопросѣ спеціально сословнаго характера, составлявшемъ главный нервъ шляхетскихъ помышленій, — вопросѣ о дворянствѣ малороссійскаго шляхетства и объ уравненіи его въ правахъ съ великорусскимъ. На первый взглядъ просьбы шляхетства о признаніи его дворянствомъ могутъ показаться довольно странными. Хочется спросить, почему-же шляхетству, т. е. тому же малорусскому дворянству, утвержденному въ этомъ состояніи грамотами королей польскихъ и царей московскихъ, явилась нужда просить объ утвержденіи себя въ дворянствѣ? Какъ это могло случиться?

---

[1]) Ibid., 178.

Чтобы понять это явленіе, мы должны припомнить, что въ Малороссіи исконныхъ шляхетскихъ или дворянскихъ родовъ было очень мало, ими могла похвалиться развѣ только одна Сѣверщина; что же касается большинства остальныхъ родовъ, причислявшихъ себя къ шляхетству, то они были сравнительно недавняго происхожденія и только фактически пользовались положеніемъ „шляхетскаго стану людей“, но не имѣли на свое званіе никакихъ грамотъ, ни польскихъ, ни русскихъ, не говоря уже о родословныхъ книгахъ. Это въ сущности были *старые старшинскіе роды*, представители которыхъ тогда или ранѣе занимали извѣстные старшинскіе уряды, владѣли населенными крестьянами землями и другими угодьями; шляхетское званіе они основывали, за отсутствіемъ другихъ доказательствъ, на службѣ, своей или своихъ предковъ, и на пожалованіи отъ царей и гетмановъ деревнями и землями за особыя заслуги предъ отечествомъ, хотя въ дѣйствительности этихъ заслугъ часто и не было и пожалованіе производилось по другимъ побужденіямъ. Но достаточно-ли было, могутъ спросить, одной принадлежности къ старшинскому роду, чтобы считаться шляхтичемъ? На это мы замѣтимъ, что до присоединенія Малороссіи къ Россіи старшина, т. е. государственный чиновникъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхтичемъ, но не шляхетство давалось службой, а наоборотъ служба составляла право только лицъ шляхетскаго званія и никто другой не могъ ею пользоваться, съ измѣненіемъ же соціальныхъ отношеній въ Малороссіи, произведенныхъ козацкими войнами и воссоединеніемъ съ Россіей, измѣнились и многіе порядки. Прежде всего, важная перемѣна произошла въ томъ, что козацкая сабля разрушила весь прежній строй жизни; соціально-экономическія отношенія польско-шляхетскаго типа были разбиты, незначительная шляхта въ огромномъ большинствѣ случаевъ бѣжала за Днѣпръ и на развалинахъ панскихъ хозяйствъ возникла совсѣмъ другая, козацкая жизнь, пробивавшая себѣ русло въ предыдущіе годы. Завелся новый строй, новые порядки, новые обычаи; на уряды козаки стали избирать, конечно, не шляхетство, котораго послѣ его бѣгства за Днѣпръ было-бы слишкомъ недостаточно, а своихъ козацкихъ начальниковъ, стар-

шипъ, которые и сосредоточили въ своихъ рукахъ власть гражданскаго и воинскаго управленія. Затѣмъ далѣе, благодаря личнымъ заслугамъ, богатству, талантамъ и способностямъ однихъ предъ другими, изъ рядовъ простого козачества волной историческихъ событій стали выдвигаться извѣстные роды, въ которыхъ старшинская власть стала удерживаться по преимуществу и переходить изъ одного поколѣнія въ другое. Не вдаваясь въ обсужденіе причинъ этого обычнаго явленія преемственности власти, мы скажемъ, что далеко еще ранѣе разсматриваемаго времени въ Малороссіи образовалось довольно много старшинскихъ аристократическихъ родовъ, всплывшихъ, такъ сказать, на поверхность изъ рядовъ простого козачества; не всѣ они, конечно, занимали мѣста въ администраціи, но это и не было важно. Дѣло въ томъ, что не они, такъ ихъ предки занимали старшинскія должности и, пользуясь своимъ положеніемъ, сосредоточили въ своихъ рукахъ отчасти путемъ пожалованія, отчасти путемъ запмокъ, захвата и другихъ болѣе или менѣе законныхъ средствъ, многочисленныя земли, населивъ которыя посполитыми и обложивъ ихъ податьми и данями, старшинская аристократія достигла вполнѣ положенія „шляхетскаго стану людей“ и считала себя сама и сё считали другіе вполнѣ законнымъ шляхетствомъ, хотя у этого шляхетства и не было никакихъ документовъ о своемъ званіи, кромѣ голаго факта—привилегированнаго положенія и пользованія шляхетскими правами.

Конечно, лица, причислявшія себя къ шляхетству, не объясняли своей родословной съ такой откровенностью какъ мы, но утверждали, что они истинные потомки старой шляхты, но что ихъ грамоты и дипломы растеряны [1]) во время бывшихъ въ Малороссіи междоусобныхъ распрей и войнъ съ татарами, турками и поляками, и что ихъ шляхетское званіе достаточно доказывается уже принадлежностью ихъ къ старшинскимъ чинамъ и владѣніемъ населенными землями, ибо это въ древности составляло право только лицъ благороднаго происхожденія. Будемъ-ли мы вѣрить этому объясненію, или, зная о бѣгствѣ старой шляхты

[1]) Нак., 68.

за Днѣпръ, усумнимся въ его правдивости, однако фактъ тотъ, что у шляхетства екатерининскаго времени рѣшительно не доставало доказательствъ своего званія и это была первая причина, почему оно съ особою тщательностью обратило вниманіе на вопросъ о причисленіи себя къ дворянамъ, ибо едва-ли можно сомнѣваться, что заботы шляхетства были бы далеко меньше, если бы у него имѣлись дипломы или другіе документы о не предполагаемой, а дѣйствительной принадлежности его къ старымъ дворянскимъ родамъ. Мы это говоримъ потому, что нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы русское правительство, признававшее дворянство иностранныхъ выходцевъ, отказало бы въ этомъ своимъ подданнымъ, которыхъ оно обѣщало содержать при всѣхъ ихъ правахъ и привилегіяхъ.

Второй причиной особыхъ хлопотъ шляхетства объ уравненіи съ дворянствомъ могло быть, по нашему мнѣнію, убѣжденіе, господствовавшее въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, что въ Малороссіи нѣтъ дворянъ; такъ, напримѣръ, Сенатъ незадолго предъ этимъ подтверждая свое запрещеніе принимать малороссіянъ въ шляхетскій кадетскій корпусъ, объявилъ, что въ „Малой Россіи нѣтъ дворянъ“ и, конечно, сами малороссіяне не могли въ душѣ не сознаться, что объявленіе Сената съ формальной точки зрѣнія было вполнѣ основательно. Обращаясь по этому поводу къ наказамъ, мы въ прошеніи гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго шляхетства встрѣчаемся съ сознаніемъ, что за утратой родословныхъ документовъ, большая часть шляхетства узнается въ Малой Россіи не по документамъ, а по другимъ признакамъ, какъ-то: a) по владѣнію пожалованными землями, деревнями и др. угодьями, ибо это пожалованіе могло производиться только однимъ прирожденнымъ и заслуженнымъ шляхтичамъ, b) по службѣ въ военныхъ, гражданскихъ и земскихъ чинахъ, ибо въ эти должности могли выбираться только лица изъ знатнаго шляхетства, c) по происхожденію отъ знатныхъ чиновниковъ, ибо потомки ихъ должны пользоваться тѣми же правами, что и дѣйствительные чиновники и, наконецъ, d) незначительная часть по дипломамъ и другимъ документамъ. Изъ соображенія представленныхъ шляхетствомъ внѣшнихъ призна-

ковъ принадлежности къ благородному сословію такимъ образомъ оказывается, что признаки эти довольно многочисленны и крайне растяжимы и что кругъ шляхетства не былъ очерченъ какими либо опредѣленными рамками, почему нельзя не согласиться съ Сенатомъ, что дворянъ, какъ сословія, въ Малороссіи не было. Въ томъ, что шляхетское званіе многихъ малороссійскихъ фамилій не было точно установлено, а иныхъ даже возбуждало сомнѣніе среди самихъ малороссіянъ, можно убѣдиться изъ письма Румянцева къ Екатеринѣ, въ которомъ онъ доносилъ ей, что не обошлось ни одно собраніе безъ того, чтобы одинъ не укорялъ другаго въ самозванномъ шляхетствѣ, и чтобы раздраженные противники не вели генеалогіи даже самознатнѣйшимъ вельможамъ отъ мѣщанина или отъ жида; „уличаемо было—продолжалъ графъ—что и по нѣсколько разъ свои имена нѣкоторые по необходимостямъ и обстоятельствамъ мѣняли; нерѣдко смертное убійство и другіе пороки здѣсь примѣшивались“ [1]). Оставляя въ сторонѣ сарказмъ Румянцева, нельзя не согласиться съ нимъ, что такъ какъ условія принадлежности къ шляхетству были очень эластичны, то нерѣдко шляхетскимъ правомъ въ Малороссіи пользовались на ряду съ заслуженными и извѣстными родами и лица совершенно темнаго происхожденія, ничѣмъ себя не выказавшія и, разумѣется, объ утвержденіи въ дворянствѣ хлопотали одинаково тѣ и другіе. До этого вожделѣннаго момента наша шляхта не могла себя чувствовать спокойной, несмотря даже на видимое безучастное отношеніе правительства къ положенію вещей ею завоеванному. И дѣйствительно, хорошо ей живется теперь, но кто знаетъ,—пройдетъ годъ, два, и верховная власть можетъ лишить ее благодеяствія, капля по каплѣ ею созидавшагося впродолженіе цѣлаго столѣтія, точно такъ, какъ она лишила Малороссію гетмана и другихъ привилегій. Уже не разъ русское правительство обращало вниманіе на слишкомъ обильную и щедрую раздачу гетманами войсковыхъ маетностей въ ущербъ казнѣ и интересамъ войска; о разграбленіи коронныхъ земель въ самое послѣднее время говорили и Тепловъ, и Румян-

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос. т. 27, стр. 47.

цевъ въ своихъ запискахъ о неустройствахъ въ Малороссіи; Румянцевъ, вообще недружелюбно относившійся къ старымъ порядкамъ въ Малороссіи, еще добавлялъ императрицѣ, что болѣе 300 селъ и деревень, не исключая и городовъ, принадлежавшихъ коронѣ, разошлись путемъ злоупотребленій въ частную собственность. Шумъ, поднятый Тепловымъ и Румянцевымъ, о разграбленіи казенныхъ земель не имѣлъ бы, конечно, никакого значенія въ вопросѣ о дворянствѣ шляхетства, если бы послѣднее само не связало владѣнія землей, деревнями и т. д. съ шляхетскимъ званіемъ и не поставило бы послѣднее условіемъ для перваго, такъ что при возвращеніи разграбленной собственности въ казну многія лица потеряли-бы и самыя права на шляхетское званіе. Естественно, при такомъ взглядѣ могло случиться, что при такой неувѣренности и нетвердости своего положенія вопросъ объ уравненіи шляхетства, какъ оно выражалось, въ честяхъ и славѣ съ великороссійскимъ дворянствомъ составлялъ для него вопросъ жизни и смерти: если его претензія на дворянство не возбудитъ никакихъ пререканій и будетъ удовлетворена верховной властью, т. е. вся масса претендентовъ будетъ побилитована, то его будущее спасено и обезпечено; если жъ благородство малороссійскаго шляхетства будетъ заподозрѣно и не найдетъ себѣ опоры въ проектируемомъ Уложеніи, то будущее его сомнительно и неизвѣстно.

Теперь понятно, почему составители наказовъ, не входя въ подробное разсмотрѣніе правъ и преимуществъ шляхетства, прежде всего поставили на видъ вопросъ о пріобщеніи его къ россійскимъ побилямъ. На ряду съ этимъ наказы хлопотали также объ уравненіи воинскихъ малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими и о непредпочтеніи однихъ предъ другими. Побилитація и уравненіе въ чинахъ — это два спеціально шляхетскихъ, сословныхъ желанія и ходатайства и онѣ составляютъ самое живое мѣсто во всѣхъ наказахъ, прошеніяхъ и устныхъ заявленіяхъ депутатовъ, говорившихъ въ коммиссіи. Здѣсь кстати можно напомнить, что ходатайства объ уравненіи чиновъ не были уже первыми; еще гетм. Разумовскій [1]) и ранѣе

[1]) „Кіевская Старина“, 1883 г., № 7. Прошеніе о возстановл. стар. правъ въ Малороссіи.

его малороссійская старшина хлопотали объ уравненіи въ чинахъ и о распространеніи на малороссіянъ дѣйствія табели о рангахъ, что въ свою очередь повело бы къ развитію въ Малороссіи личнаго и потомственнаго дворянства. Слѣдовательно, вопросъ о чинахъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ для многихъ и вопросомъ о дворянствѣ, но, къ прискорбію нашихъ чинолюбцевъ, ихъ просьбы остались безъ всякой резолюціи и екатерининская законодательная коммиссія представила весьма удобный случай, чтобы снова заговорить о своемъ излюбленномъ предметѣ. И, дѣйствительно, наказы всѣхъ полковъ наполнены прошеніями о томъ, чтобы малороссійскіе чины „уравнить классами противъ великороссійскихъ“.... и „чтобы малороссійскіе чиновники могли пользоваться и онымъ съ ними уравненіемъ *и презираемы быть не могли*“. Гадяцкое, полтавское, миргородское, а также и другихъ полковъ шляхетство, кромѣ прочихъ мотивовъ уравненія чиновъ, выставляло на видъ еще и то обстоятельство, что, благодаря неравенству чиновъ, малороссіяне во всѣхъ случающихся коммиссіяхъ всегда бываютъ отъ великороссіянъ „презираемы“ и „упослѣжаемы“ и узнаютъ отъ нихъ обиду и многія огорченія. Этотъ мотивъ взятъ весьма вѣрно. Жалобами малороссіянъ на великороссійскихъ чиновниковъ, свысока третировавшихъ малороссійскихъ старшинъ и ихъ чины, дѣйствительно, можно было завалить нѣсколько коммиссій и уравненіе чиновъ могло-бы послужить нѣкоторой преградой къ пренебрежительному отношенію великорусскихъ чиновниковъ къ малороссійскимъ. Не имѣя нужды вдаваться здѣсь въ объясненіе причинъ, почему возникло предпочтеніе однихъ чиновъ предъ другими, мы должны сказать, что оно началось довольно рано, вскорѣ по возсоединеніи, и росло вмѣстѣ съ паденіемъ самостоятельности Украйны. Спѣсь и заносчивость великорусскихъ чиновниковъ были, такъ сказать, прямо пропорціональны упадку внутренней жизни и правителей Малороссіи, не сдерживавшихъ въ должной мѣрѣ обидчиковъ. Сами малороссіяне, видя невниманіе верховной власти къ ихъ чинамъ на томъ основаніи, что чины давались не ею, а получались по выборамъ, стали относиться къ нимъ съ недовѣріемъ и охотно лѣзли въ великорусскіе штатскіе и военные чиновники.

Такимъ образомъ, обезцѣненіе малороссійскихъ чиновъ шло съ двухъ сторонъ и достигло такого состоянія, что, по словамъ наказовъ, самый простой великорусскій офицеръ считалъ себя въ правѣ высокомѣрно обращаться съ знатными старшинами и оскорблять ихъ національныя чувства. Поэтому, ходатайства объ уравненіи въ чинахъ начали поступать отъ малороссіянъ довольно рано и нельзя сказать, чтобы само правительство не чувствовало этой необходимости. Такъ депутатъ Политика въ примѣчаніи къ своему представленію въ коммиссію сообщалъ [1]), что Коллегія иностранныхъ дѣлъ въ 1733 г., Правит. Сенатъ въ 1756 г. и Коммиссія о дворянской вольности въ 1763 г. подали свои мнѣнія объ уравненіи чиновъ, „хотя-бы и съ уничтоженіемъ противъ бывшаго при Петрѣ Великомъ счисленія“. О томъ же хлопоталъ въ 1764 г. и гетманъ Разумовскій въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи; малорусскій народъ—писалось въ прошеніи—въ бытность Малой Россіи подъ Польшею имѣлъ полное равенство съ коронными и литовскими чиновниками и для него не были закрыты первѣйшія должности, соединенныя съ сенаторскимъ достоинствомъ; съ присоединеніемъ къ московскому царству малороссіяне также содержались, согласно своимъ правамъ и достоинствамъ, т. е. гетманы считались въ первыхъ классахъ и жаловались въ бояре (Брюховецкій), а полковники—въ стольники. Съ введеніемъ Петромъ I табели о рангахъ малороссіяне остались въ невыгодномъ для своего честолюбія положеніи, такъ какъ въ табели ничего не было упомянуто ни о гетманѣ, ни объ остальной малороссійской старшинѣ и, что всего обидпѣе, въ ней не было даже указано, въ какомъ соотношеніи съ ея чинами должны находиться чины, существовавшіе въ Малороссіи. Послѣдствіемъ этого было то, что офицеры самыхъ низшихъ чиновъ стали считать за право, „чтобы преимущество брать надъ знатною малороссійскою старшиною за то только, что нѣтъ никакого понятія, какъ имъ считаться съ великороссскими чинами“.

Изъ сказаннаго нами о связи между службой въ старшинскихъ чинахъ и правами на шляхетское или дворянское званіе можно, я думаю, догадаться, какимъ образомъ относились шля-

[1]) Наказы, 176.

хетскіе депутаты къ извѣстному спору въ коммиссіи между поборниками дворянства по происхожденію или крови и „по чину". Такъ какъ однимъ изъ главныхъ основаній къ „положенію во дворянство" потомки малороссійскихъ чиновъ выставляли ревностную службу своихъ предковъ, а для многихъ изъ служивших государственная служба была, пожалуй, единственнымъ вѣрнымъ путемъ къ полученію дворянства, то всѣ шляхетскіе депутаты и высказались за дарованіе дворянства чрезъ полученіе чина. Демократизмъ малороссійскаго шляхетства сходился въ этомъ случаѣ съ демократизмомъ табели о рангахъ, проводившей чрезъ свои ступени въ среду благородныхъ всякаго подлаго человѣка; пріятно вспомнить, что украинскіе депутаты не обнаружили по этому предмету никакихъ колебаній и нисколько не сокрушались, что пріобрѣтеніемъ дворянства по службѣ будетъ „уподляться" самое дворянское сословіе. Мы не встрѣтили также въ мнѣніяхъ депутатовъ и того желанія нѣкоторыхъ великорусскихъ дворянъ, чтобы среда самого дворянства была расколота на двѣ отдѣльныя части—одну дворянъ по крови, другую дворянъ по чину, и вообще мнѣнія малороссіянъ по этому вопросу отличались большою трезвостью. Для примѣра мы можемъ указать на рѣчь гадяцкаго депутата Мотониса, возражавшаго защитникамъ кровнаго дворянства. Каждое поколѣніе дворянъ—говорилъ онъ—имѣло свое начало, съ тѣмъ различіемъ, что одни получили дворянство „чрезъ заслуги и добродѣтели" раньше, а другіе позже; но похвальныя качества людей должны возводить ихъ въ благородство всегда, т. е. одинаково теперь, какъ и прежде, и это есть ничто иное, какъ возмездіе за заслуги, подобно тому, какъ наказаніе есть возмездіе за преступленія и злодѣянія. Подлаго, съ точки зрѣнія Мотониса, у государя не должно быть никого; всякій землевладѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ честенъ и знатенъ своими трудами, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ; подлы только тѣ, кто, имѣя дурныя свойства, занимаются дурными дѣлами и нарушаютъ общественное спокойствіе. Развивая свою мысль далѣе, Мотонисъ находилъ, что Петръ I введеніемъ табели о рангахъ не сдѣлалъ ничего новаго противъ своихъ предковъ, такъ какъ и раньше

его чины приносили дворянскую честь и достоинство и поэтому онъ находилъ, что чиновники имѣютъ полное право на возведеніе въ дворянство, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы оно не было въ тягость государству и согласовалось съ потребностями государственной службы [1]) Къ мнѣнію Мотониса единодушно присоединились и остальные малороссійскіе депутаты, а извѣстный своимъ патріотическимъ настроеніемъ Политика, раздѣляя точку зрѣнія Мотониса, заявилъ, что правами благородныхъ должны пользоваться не только кровные дворяне, но „такожъ и всѣ тѣ, кои до окончанія сего проекта (т. е. проекта о правахъ благородныхъ) получили воинскіе и гражданскіе, съ дворянствомъ сопряженные чины“ [2]). Причинъ тому Политика находилъ много: во 1-хъ, по его мнѣнію, государи вольны жаловать въ чины, влекущіе за собою дворянство, и было бы предосудительно ихъ слову выключить изъ числа дворянъ всѣхъ, получившихъ это званіе чрезъ службу, ибо этимъ были бы обижены всѣ, кто, не будучи дворяниномъ, достигъ чиновъ и пріобрѣлъ себѣ на этомъ правѣ недвижимыя имѣнія. Во вторыхъ, становясь на юридическую точку зрѣнія, Политика доказывалъ, что право новыхъ дворянъ есть родъ привилегій, а таковыя не отнимаются безъ какихъ либо преступленій и, наконецъ, полученіе дворянскаго достоинства только тамъ стараются сдѣлать затруднительнымъ, гдѣ очень много дворянъ, въ Россіи же, по мнѣнію докладчика, ихъ весьма недостаточно и кромѣ того опытами доказано, „что тѣ монархіи сильнѣе и безопаснѣе, которыя по мѣрѣ пространства своего имѣютъ довольное число дворянъ, потому то сей родъ людей первая и сильнѣйшая подпора престолу“. Защищая дворянство „по чину“, Политика однако считалъ необходимымъ предоставить право пожалованія имъ не высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, дающимъ чины, а одному только государю, такъ какъ достиженія извѣстнаго чина въ его глазахъ еще недостаточно, чтобы стать дворяниномъ. Чинъ есть только условіе, но государь имѣетъ факультативное право сдѣлать или не сдѣлать кого либо дворяниномъ, хотя бы къ тому и существовали всѣ формальныя основанія. Что касается

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. IV, стр. 170.

[2]) Тотъ же Сборникъ т. 32, стр. 347.

нобилитаціи наличной массы шляхетства, то въ пользу ея, кромѣ указаній на заслуги предковъ и награжденіе ихъ чинами, въ наказахъ особенно часто встрѣчаются ссылки на пожалованіе малороссіянъ деревнями, землями, мельницами и пр., что, по мнѣнію составителей наказовъ, само по себѣ уже даетъ право считаться наравнѣ съ дворянами, „ибо не одно имя дворянина, представляетъ Политика, но больше того помѣстья и отчины, жалуемыя за службу къ отечеству, составляли въ прежнія времена прямое дворянское достоинство; между малороссійскимъ шляхетствомъ и россійскимъ дворянствомъ различіе состояло только въ одномъ имени, т. е. что россійскіе заслуженные люди жалованы были въ дворяне и другіе чины съ помѣстьемъ и отчинами, а малороссійскіе въ старшины съ тѣмъ же“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта аналогія Политики вполнѣ правильна и что наличность жалованныхъ деревень могла бы служить лучшимъ правовымъ основаніемъ для провѣрки законности претензій лицъ, хлопотавшихъ о дворянствѣ, но слабая сторона этого основанія состояла въ томъ, что при царствовавшей въ Малороссіи долгіе годы анархіи и волненіяхъ жалованныя грамоты многихъ были утрачены и къ концу XVIII вѣка было бы крайне трудно опредѣлить, у кого изъ малороссіянъ земли дѣйствительно жалованныя, а у кого скупленныя или захваченныя. Выйти изъ такого затрудненія можно было только признавъ всѣ старшинскіе роды, владѣющіе землями, дворянскими, конечно, къ большому ихъ удовольствію.

Какъ поступило по означенному вопросу русское правительство мы скажемъ немного ниже, теперь же посмотримъ, какъ думало шляхетство устроить внутреннюю организацію своего сословія, хотя, къ сожалѣнію, мы должны признаться, что обладаемъ по этому вопросу болѣе чѣмъ скромными данными. Существенное содержаніе всѣхъ наказовъ по этому предмету исчерпывается просьбами шляхетства объ учиненіи всѣмъ знатнымъ фамиліямъ, получившимъ дворянство отъ королей польскихъ, а также всѣмъ чиновникамъ, служащимъ и отъ службы уволеннымъ, а также и тѣмъ лицамъ, чьи предки вѣрно служили въ чинахъ военныхъ и штатскихъ, „*именного списка*“—„къ дости-

женію прославленія и въ чинахъ равенства". Учиненіемъ этого списка, или иначе геральдическихъ книгъ, составители наказовъ полагали: во 1-хъ, устранить на будущее время сомнѣнія о шляхетскомъ званіи малороссійскихъ родовъ и пресѣчь злоупотребленія, происходящія отъ неправильнаго присвоенія его „простонародными", не имѣющими за собою никакихъ заслугъ и преимуществъ, и во 2-хъ, дать малороссійскому шляхетству „твердое мѣроположеніе", т. е. утвердить его сословную честь на пристойной степени и мѣстѣ, ибо, разсчитывали составители, разъ разряды или „порядочныя" книги будутъ заведены, то кругъ шляхетства точно установится, сомнѣнія о „породѣ" его устранятся сами собой и въ будущемъ уже не будетъ мѣста для повторенія тѣхъ печальныхъ явленій прошлаго, когда заслуги и военныя доблести шляхетства не только оставались безъ всякаго возмездія со стороны верховной власти, но и само сословіе подвергалось отъ великороссійскихъ чиновниковъ явному пренебреженію и лишенію слѣдуемой ему славы и чести.

Кромѣ общаго желанія всѣхъ наказовъ учредить для малороссійскаго шляхетства герольдію, нѣкоторыми изъ нихъ было выражено еще стремленіе создать изъ шляхетства болѣе или менѣе замкнутую сословную группу. Таковы, напримѣръ, были желанія черниговцевъ, просившихъ, чтобы никому постороннему, не внесенному въ шляхетскіе списки не было бы позволено покупать шляхетскихъ земель и угодій прежде чѣмъ покупатель не будетъ принятъ въ шляхетское сообщество по докладу г. губернатора общимъ всего шляхетства и его предводителя опредѣленіемъ [1]). Стремясь этимъ путемъ ограничить доступъ въ шляхетское сословіе, черниговцы, а съ ними переяславцы, выразили также желаніе имѣть свой особый для сословныхъ нуждъ органъ и съ этою цѣлью просили обратить временную должность предводителей въ постоянную и точнѣе опредѣлить ихъ права и обязанности по представительству мѣстныхъ интересовъ дворянскихъ обществъ предъ верховной властью. Это разумное желаніе малороссіянъ нашло себѣ сильную поддержку въ велико-

[1]) Наказы, стр. 16, 43.

русскихъ и финляндскихъ наказахъ, исполненныхъ того же рода прошеній, и даже, можно сказать, болѣе подробно въ этомъ отношеніи разработанныхъ [1]); что касается другихъ желаній въ смыслѣ внутренняго устройства шляхетскаго сословія, то таковыхъ болѣе въ наказахъ не имѣется и мы, покончивъ съ этимъ вопросомъ, коснемся теперь того, какимъ образомъ согласить выраженное малороссійскимъ шляхетствомъ тяготѣніе къ децентрализаціи и самобытности съ его же стремленіемъ къ „сообществу и объединенію въ одинъ корпусъ“ съ великорусскими дворянами. Не противорѣчитъ ли одно другому? Мы ставимъ этотъ вопросъ потому, что нѣкоторые изслѣдователи, какъ г. Авсѣенко, а за нимъ и г. Латкинъ, основываясь на иныхъ мѣстахъ наказовъ, трактовавшихъ о дружбѣ и единеніи съ великорусскими дворянами, пытаются доказать, что въ малорусскомъ обществѣ XVIII вѣка отсутствовали стремленія не только къ національной, съ чѣмъ согласны и мы, но и къ провинціальной обособленности, чего уже никакъ нельзя допустить въ виду массы указаній прямо противоположнаго характера. По мнѣнію г. Авсѣенко, содержаніе, тонъ и характеръ наказовъ „ясно и неопровержимо свидѣтельствуютъ, что въ малороссійскомъ шляхетствѣ XVIII вѣка не существовало никакихъ стремленій къ національной или даже провинціальной самобытности“, что шляхетство, хотя и сознавало свою отдѣльность отъ русскаго дворянства, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремилось не только сравняться въ сословныхъ правахъ и привилегіяхъ, но слиться съ нимъ дружественно и единодушно [2]) Того же мнѣнія держится и г. Латкинъ въ своемъ трудѣ „Законодательныя коммиссіи въ XVIII вѣкѣ“ [3]); но насколько это мнѣніе основательно и заслуживаетъ довѣрія можно судить по рѣчамъ малороссійскихъ ораторовъ, говорившихъ о проектѣ о правахъ благородныхъ, и по прошенію, поданному

---

[1]) Финляндское дворянство ходатайствовало о дозволеніи ему чрезъ каждые 3 года имѣть съѣздъ въ Выборгѣ подъ дирекціей своего предводителя „гдѣ бы о всѣхъ дворянскихъ установляемыхъ порядкахъ разсуждать и для апробаціи въ высшее мѣсто, куда будетъ повелѣно, поднести могли“.

[2]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 году, стр. 55.

[3]) Латкинъ. Зак. Ком. въ XVIII вѣкѣ. стр. 235

депутатами по обсужденіи проекта въ Коммиссіи, такъ какъ въ нихъ всего лучше открывается, каковы были истинныя намѣренія малороссіянъ и какъ далеки они были отъ приписываемыхъ имъ желаній стать подъ эгиду одного нивеллирующаго закона. Особенно это выяснилось при обсужденіи 43-го пункта проекта, гласившаго, „что всѣми, изложенными въ проектѣ правами никто не можетъ въ Россіи пользоваться, кромѣ россійскихъ благородныхъ“. Этотъ пунктъ, упоминавшій только объ одномъ россійскомъ дворянствѣ и ни однимъ словомъ не обмолвившійся о существованіи другаго (малороссійскаго, лифляндскаго и пр.), вызвалъ среди представителей забытаго дворянства сильное волненіе и страхъ за цѣлость своихъ правъ и преимуществъ; тѣ самые депутаты, которые привезли наказы объ уравненіи себя въ честяхъ и преимуществахъ съ русскимъ дворянствомъ и о присовокупленіи себя „въ сообщество единого закона“, теперь заговорили въ совершенно иномъ тонѣ. Недовольство редакціей 43-го пункта проекта было общее. Депутатъ повѣтовъ козелецкаго и остерскаго, Золотницкій, выслушавъ этотъ пунктъ, находилъ, напримѣръ, необходимымъ измѣнить его такимъ образомъ, что преимуществами, изложенными въ проектѣ о правахъ благородныхъ, должно пользоваться одно великорусское дворянство что же касается до малороссійскаго, лифляндскаго и эстляндскаго, то оно остается „въ *разсужденіи ихъ мѣстъ на прежнихъ правахъ и привилегіяхъ*“. Но если кто изъ нихъ будетъ въ великороссійской службѣ или будетъ имѣть свои владѣнія въ Великой Россіи, тотъ въ разсужденіи сего пользуется уже и сими преимуществами великороссійскаго дворянства [1]). Съ мнѣніемъ Золотницкаго согласились всѣ депутаты не только шляхетскіе, но отъ городовъ и козаковъ; энергичнѣе же всѣхъ къ этому дѣлу отнесся Политика, взявшій на себя трудъ, собравши во едино всѣ привилегіи шляхетства, представить ихъ въ коммиссію и доказать, что сочиненный проектъ не можетъ удовлетворить желаній малороссійскаго шляхетства, такъ какъ заключаетъ въ себѣ, „великія несходства и недостатки“ въ сравненіи съ

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 32, стр. 206.

ихъ правами. Въ весьма интересномъ и замѣчательномъ по своему содержанію мнѣніи [1]) упомянутый ораторъ объяснялъ коммиссіи, что особыя преимущества малороссійскаго шляхетства заключаются прежде всего въ томъ, *что ему послѣ высочайшей власти должно принадлежать все правленіе дѣлъ въ Малороссіи*, а именно: „право устанавливать, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о поддержаніи оныхъ". За этой основной привилегіей Политика указалъ еще и на другія, болѣе или менѣе важныя, какъ-то: внутреннее самоуправленіе, основанное на свободѣ избранія старшинъ безусловно изъ природныхъ малороссіянъ, полную независимость шляхетства въ вопросахъ о наложеніи и снятіи податей и повинностей, свободу шляхетскихъ имѣній отъ военныхъ постоевъ, налоговъ, поборовъ и др. повинностей и такъ далѣе. Что касается личныхъ льготъ малороссійскаго шляхетства, то Политика напомнилъ собранію депутатовъ, что по малороссійскимъ правамъ шляхетскаго стану люди пользуются неприкосновенностью своей личности и жилища, въ силу чего ни одинъ шляхтичъ, имѣющій помѣстье, не можетъ быть арестованъ и лишенъ свободы иначе, какъ по суду, исключая случаевъ задержанія in flagrante delicto, и что даже самые уголовные преступники не могутъ быть взяты изъ шляхетскаго дома безъ согласія хозяина. Затѣмъ Политика перечислилъ и другія привилегіи шляхетства, при чемъ большинство изъ нихъ было экономическаго характера, какъ напримѣръ,—беззапретная и безконтрольная эксплоатація шляхетскихъ имѣній, рудниковъ, соленарень и пр., право безпошлинной торговли внутри и внѣ государства, свободный въѣздъ въ казенные лѣса, ловъ въ нихъ звѣрѣй, а въ рѣкахъ и озерахъ рыбы и т. д., такъ что въ существенныхъ чертахъ Политикой были перечислены всѣ желанія шляхетства. Мы пропустили, впрочемъ, еще одну привилегію малороссійскаго шляхетства, на которую обратилъ вниманіе и Политика, и проектъ о правахъ благородныхъ,—это свободный выѣздъ шляхетства въ чужіе края для житья, службы и наукъ, безъ всякаго препятствія со стороны правительства, но и приведенныхъ уже заявленій Зо-

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 36, стр 355.

лотницкаго и Политики, достаточно, чтобы судить, насколько правильно понимаютъ гг. Авсѣенко и Латкинъ вопросъ объ единеніи малороссійскаго шляхетства съ великорусскимъ дворянствомъ и объ отсутствіи у перваго изъ нихъ „провинціальной обособленности“. Замѣчательная черта: при обсужденіи въ коммиссіи 43 пункта проекта на ряду съ шляхетскими депутатами принимали участіе и козацкіе; они горячо поддерживали желанія шляхетства относительно измѣненія редакціи 43-го пункта и дѣлали это на томъ основаніи, „что всѣ прежніе договоры и соглашенія во время благоприсоединенія М. Россіи къ россійской имперіи дѣлаемы были съ общаго всѣхъ чиновъ согласія“... и что „симъ благополучнымъ единствомъ и до нынѣ М. Россія утверждалась и управляема была“. Но особенно значительную поддержку оказали малороссійскому шляхетству лифляндскіе и эстляндскіе депутаты, также домогавшіеся сохраненія своихъ льготъ и привилегій, ибо 43-й пунктъ проекта поставилъ ихъ въ одинаковое съ малороссіянами положеніе. Подъ конецъ обсужденія въ коммиссіи проекта соединенными силами всѣхъ недовольныхъ депутатовъ ихъ домогательства настолько выяснились и такъ явно противорѣчили намѣреніямъ императрицы, что она рѣшила прекратить на будущее время всякіе разговоры по этому предмету и 9 сентября 1768 года маршалъ Бибиковъ заявилъ коммиссіи, что она, за силою 15 ст. Обряда, „не должна ни въ чемъ иномъ упражняться, кромѣ того для чего учреждена“ и что малороссійскіе, лифляндскіе и эстляндскіе депутаты незаконно заявили въ коммиссіи желанія объ изъятіи ихъ изъ общероссійскихъ законовъ, такъ какъ это единственно должно зависѣть отъ власти самой монархини, но не коммиссіи, почему и всѣ замѣчанія и мнѣнія депутатовъ по этому поводу не только не могутъ быть внесены въ проектъ будущихъ законодательныхъ работъ, но даже не могутъ быть приняты въ коммиссію и ему, Бибикову, ничего не остается, какъ возвратить ихъ авторамъ, оставивъ только тѣ, которыя не касались запретныхъ вопросовъ.

Нечего говорить, что рѣчь Бибикова была рѣшительнымъ ударомъ для малороссійскихъ депутатовъ. Тотчасъ послѣ нея они подали императрицѣ свое извѣстное прошеніе о томъ, что проектъ,

прочитанный въ коммиссіи, совершенно не соотвѣтствовалъ ихъ ожиданіямъ и что при такомъ направленіи дѣла они не падѣются достигнуть отъ коммиссіи удовлетворенія своихъ просьбъ и нуждъ и ждутъ ихъ разрѣшенія исключительно отъ ея императорскаго величества [1]), которая услышитъ ихъ мольбы *и утвердитъ всякому чину его вольности*. На нашъ взглядъ достаточно ознакомиться въ подлинникѣ съ означеннымъ прошеніемъ, чтобы убѣдиться, что малороссійское шляхетство никогда серьезно не желало „сливаться“ въ одно цѣлое съ великорусскимъ дворянствомъ и ревниво оберегало свои традиціонныя привилегіи, желая расширить ихъ въ томъ же польскомъ духѣ, но не въ духѣ сочиненнаго проекта, и самымъ заявленіямъ наказовъ объ объединеніи мы не можемъ придавать другаго смысла, какъ стремленіе шляхетства занять въ русскомъ государствѣ положеніе ничѣмъ не низшее великороссійскихъ дворянъ, сравняться съ ними въ „чести и славѣ“, „быть допущеннымъ во всѣ для дворянства учрежденныя науки и достоинства“ [2]) и изъ безпорядочной массы организоваться въ сословіе столь же высоко стоящее и уважаемое, какимъ шляхетство было въ Литвѣ и Польшѣ. Что идеалы малороссійскихъ депутатовъ, ихъ настроеніе и желанія были, именно, старо-польскіе, старо-шляхетскіе, а не великорусскіе—это достаточно рельефно иллюстрировано въ мнѣніи лубенскаго депутата Политики, объявившаго, что правленіе дѣлъ въ Малороссіи должно зависѣть послѣ государя единственно отъ шляхетства, которому предоставлено право „установлять, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о подтвержденіи ихъ“. Послѣ просьбъ шляхетства о нобилитаціи другими, занимавшими важное мѣсто въ наказахъ, были просьбы, касавшіяся шляхетскаго землевладѣнія. Переходя къ нимъ, мы должны сказать, что вся сущность этихъ просьбъ заключалась въ стремленіи шляхетства добиться дарованія себѣ подтвердительныхъ грамотъ и крѣпостей на владѣемыя имъ земли, хутора, деревни, мельницы, рыбныя ловли и пр. маетности, остававшіяся въ боль-

---

[1]) Наказы, стр. 178.

[2]) Наказы, 68.

шинствѣ случаевъ не закрѣпленными за ихъ владѣльцами надлежащимъ образомъ и потому допускавшими противъ себя многочисленные споры и сомнѣнія въ отношеніи добросовѣстности владѣнія или пріобрѣтенія. Нужно добавить, что вопросъ, объ укрѣпленіи шляхетству и вообще всякому „чину“ людей его земель и угодій, поднятый безусловно всѣми наказами, занималъ интересы не только одного шляхетства, но и другихъ сословій потому, что съ разрѣшеніемъ его долженъ былъ быть положенъ предѣлъ и всѣмъ аграрнымъ затрудненіямъ и спорамъ, развившимся на почвѣ чрезвычайно запутанной и темной исторіи малороссійскаго землевладѣнія; съ разрѣшеніемъ этого вопроса, т. е. съ пожалованіемъ подтвердительныхъ грамотъ, каждый чинъ, каждое сословіе, каждое лицо надѣялись, наконецъ, достигнуть положительныхъ, непоколебимыхъ правооснованій своей собственности и полагали вывести свое землевладѣніе на настоящую, прямую дорогу, гдѣ не будетъ уже мѣста ни спорамъ и тяжбамъ различныхъ владѣльцевъ между собою, ни заподозрѣваніямъ другъ друга въ незаконныхъ пріобрѣтеніяхъ, ни, наконецъ, опасеніямъ и тревогамъ предъ правительствомъ о разоблаченіи имъ многихъ весьма предосудительныхъ мѣстъ въ исторіи шляхетской земельной собственности. Что касается, собственно, шляхетства, то оно было заинтересовано въ этомъ вопросѣ болѣе другихъ не только потому, что его владѣнія были обширнѣе, но и потому, что средства, которыми они были сосредоточены въ шляхетскихъ рукахъ не отличались легальностью и возбуждали подозрѣнія самихъ собственниковъ. Дѣйствительно, стоитъ только вспомнить, что среди бывшихъ въ распоряженіи шляхетства средствъ скопленія земельной собственности считались: недозволенная занимка казенныхъ земель, присвоеніе земель, опредѣленныхъ на старшинскіе уряды, захватъ и незаконная скупля у маломощныхъ козаковъ, т. е. такія, о предосудительности которыхъ достаточно свидѣтельствуетъ само названіе. Въ итогѣ, какъ бы мы ни разсматривали шляхетское землевладѣніе и какъ бы мы ни объясняли мотивы, заставившіе просить о дарованіи подтвердительныхъ грамотъ, нельзя не прійти къ заключенію, что со стороны юридической шляхетское землевладѣніе вполнѣ напоминало собой положеніе

самого шляхетства, какъ сословія, ибо характерической чертой того и другаго въ историческомъ освѣщеніи является полнѣйшее отсутствіе на извѣстное право формальныхъ документовъ и вообще господство надъ правомъ факта, т. е. то неуравновѣшенное и неустановившееся состояніе сословныхъ и экономическихъ отношеній, которое вообще характеризуетъ молодые государственные организмы, гдѣ юридическія отношенія еще не вылились въ строгія нормы и не запечатлѣлись въ законѣ.

Мы разобрали уже, откуда возникли сомнѣнія „о породѣ шляхетства“, теперь необходимо, хотя бы вскользь, посмотрѣть, откуда возникли упомянутыя нами спорность шляхетскаго землевладѣнія, отсутствіе должныхъ формальныхъ крѣпостей и неувѣренность, наконецъ, самыхъ собственниковъ въ своей собственности. Разумѣется, мы не можемъ ждать отъ наказовъ обсужденія этого вопроса съ должной откровенностью и объективностью, такъ какъ шляхетство являлось заинтересованной въ этомъ дѣлѣ стороной, желавшей по возможности обѣлить недостатки своего положенія; поэтому, напримѣръ, наказы совсѣмъ не сознаются въ незаконномъ характерѣ многихъ шляхетскихъ владѣній, но ссылаются лишь на независѣвшую отъ воли шляхетства утрату имъ жалованныхъ грамотъ, крѣпостей и другихъ документовъ во время бывшихъ въ Малороссіи войнъ и безпорядковъ, и этими безпорядками и утратами стараются объяснить все дѣло необоснованности малороссійскаго землевладѣнія. Впрочемъ, черниговскій наказъ [1]) къ этому объясненію присовокупилъ и то, что отсутствіе у шляхетства подтвердительныхъ грамотъ на пожалованныя ему отъ гетмановъ земли и деревни иногда можетъ быть объясняемо и не утратой ихъ, а тѣмъ, что онѣ вовсе не были получены своевременно, такъ какъ полученіе ихъ было сопряжено съ хлопотами и расходами, не всегда доступными пожалованнымъ лицамъ отчасти въ силу ихъ бѣдности, отчасти же въ силу господствовавшихъ внутри страны безпокойствъ и волненій. Итакъ, по той или другой причинѣ, черниговскій наказъ признавалъ, что на часть земель шляхет-

[1]) Наказы, стр. 16.

ство не имѣло у себя никогда никакихъ подтвердительныхъ грамотъ, мы же съ своей стороны добавимъ, что права на земли, розданныя гетманами старшинамъ не отличались особой надежностью не только по отсутствію подтвердительныхъ грамотъ, но и потому, что самая раздача земель нерѣдко являлась актомъ гетманскаго произвола и нарушеніемъ царскихъ указовъ и на имѣнія, добытыя такимъ образомъ, русское правительство смотрѣло весьма подозрительно. Уже въ инструкціи Измайлову, приставленному къ гетману Скоропадскому, Петръ I повелѣлъ гетманамъ ни давать, ни отнимать земель безъ царскаго на то соизволенія, за усердную же службу гетманы могли назначать земли съ общаго согласія генеральной старшины и по представленію объ этомъ государю. Однако, уже Д. Апостолъ не стѣснялся этимъ закономъ и раздавалъ земли, села и деревни по своему усмотрѣнію, такъ что, когда послѣ его смерти князю Шаховскому было предписано разсмотрѣть всѣ села и деревни, розданныя противно указамъ и возвратить ихъ въ прежнее вѣдомство, то такихъ земель по разслѣдованію оказалось цѣлое множество. Тѣмъ не менѣе правительство какъ-то медлило рѣшительными мѣрами и даже много лѣтъ спустя Румянцеву въ его запискѣ о неустройствахъ въ Малороссіи снова пришлось доказывать, что всѣ почти села и деревни, принадлежащія „коронѣ“, состоятъ въ партикулярныхъ владѣніяхъ и что расхищеніе ихъ по рукамъ произошло безъ всякихъ подтвердительныхъ грамотъ, ибо, по язвительному замѣчанію Румянцева, „трудно было таковыя конфирмаціи и испрашивать, одно, что можетъ быть и заслугъ при этомъ не доставало, а другое, что по чрезвычайности удержаться бы и давно велѣно было“ [1]). Изъ записки Румянцева явствовало, да это и не было новостью для самого правительства, что значительная часть земель, причислявшихся наказами къ пожалованнымъ, никогда таковыми не были, но составляли войсковую собственность и были расхищены старшинами и населены помѣщиками „къ лучшему прибытку государства“ посполитыми крестьянами. Дѣлалось это

[1]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 150.

старшинами подъ видомъ обычной занимки вольныхъ земель, но въ сущности по праву сильнаго и потому, что центральная власть не могла подробно вникать въ экономическія отношенія Малороссіи и на злоупотребленія въ этой области смотрѣла сквозь пальцы; однако же, естественно, что это обстоятельство еще не дѣлало занимки войсковыхъ земель законною и не освобождало занимщиковъ отъ необходимости исходатайствовать на свои займы подтвердительныя грамоты, т. е. иначе сказать отреченіе государства отъ своей собственности, безъ чего всегда можно было ожидать, что занятыя земли снова будутъ отобраны въ казенную собственность. Правда, до послѣдняго времени примѣровъ такого отобранія земель въ Малороссіи не было, но вотъ незадолго до созванія коммиссіи, какъ сообщаетъ черниговскій наказъ, нѣкоторыя владѣнія, „утвержденныя малороссійскому народу подъ именемъ займищъ“, стали подвергаться безпокойствамъ и многія изъ нихъ были отписаны въ казенное вѣдомство, что вызвало, конечно, среди малорусскаго общества большую сенсацію, ибо при отсутствіи точнаго разграниченія между землями, захваченными у короны и правильно пріобрѣтенными, владѣльцы ихъ одинаково рисковали и тѣми, и другими.

Если, такимъ образомъ, ни занимка, ни гетманскія пожалованія, какъ неправильныя, не могли давать малороссіянамъ спокойнаго и безспорнаго права собственности на ихъ имѣнія, то о деревняхъ, хуторахъ и пр., захваченныхъ старшинами подъ видомъ опредѣленныхъ на уряды, и говорить уже нечего, такъ какъ они были явно незаконно нажитыя; но казалось бы, что вполнѣ правовымъ характеромъ должны, по крайней мѣрѣ, отличаться земли и имѣнія, пріобрѣтенныя куплею и другими возмездными способами, и что просьбы объ ихъ укрѣпленіи новыми подтвердительными грамотами дѣло совершенно излишнее; однако у шляхетскаго землевладѣнія и здѣсь была своя ахиллесова пята, такъ какъ шляхетство въ теченіи долгихъ лѣтъ скупало въ свои руки земли и дворы ни въ какомъ случаѣ не подлежавшія отчужденію, а именно—казенные и съ 1739 года козацкіе. Относительно первыхъ, Тепловъ писалъ [1]), что старшина подъ видомъ

[1]) Кулишъ. Зап. о Южн. Р., т. II. стр. 179.

свободныхъ войсковыхъ неправильно раскупила принадлежавшіе казнѣ государя посполитые дворы съ землями и самыми мужиками и доказывалъ это тѣмъ, что по ревизіи послѣ гетмана Скоропадскаго такихъ дворовъ было болѣе 40 тыс., до гетмана Разумовскаго ихъ было роздано правительствомъ не болѣе 3 тыс., а между тѣмъ Разумовскій въ свое гетманство засталъ неразобранныхъ дворовъ не болѣе 4 тыс., остальные же попали въ руки старшины, хотя она и отрицала этотъ фактъ, заявляя, что посполитые посходили съ своихъ дворовъ въ Польшу. Что касается вторыхъ, т. е. козацкихъ земель, то въ 1739 году Анна Ивановна, въ виду сильнаго ихъ сокращенія и вреда для козачьей службы, запретила козакамъ продавать свои земли, тѣмъ не менѣе при господствѣ старшинскаго самовластья продажа и покупка ихъ продолжалась, хотя и безъ надлежащихъ актовъ, (если таковые не поддѣлывались только заднимъ числомъ до изданія ограничивающаго закона), но очевидно, что и такія пріобрѣтенія, какъ незаконныя, совершенныя вопреки царскому указу, должны были еще болѣе чѣмъ другія нуждаться въ подтвердительныхъ грамотахъ, утверждающихъ ихъ за тѣмъ кто купилъ. Такимъ образомъ изъ сдѣланнаго нами анализа выясняется, что просьбы наказовъ объ укрѣпленіи грамотами шляхетскаго землевладѣнія были вызваны его характеромъ и имѣли въ виду прекращеніе споровъ и безпокойствъ, происходившихъ отъ неимѣнія на земли, дворы, деревни и другія имѣнія формальныхъ актовъ укрѣпленія; въ этихъ же точно цѣляхъ шляхетство просило также указать особымъ межевщикамъ и землемѣрамъ „размѣрять и обмежевать его земли и утвердить каждому помѣщику его помѣстье вѣчно и наслѣдственно въ родъ обоего пола [1])“. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ наказахъ встрѣчаются также просьбы о положительной отмѣнѣ указа Анны Ивановны 1739 г. и о дозволеніи шляхетству по старому покупать у козаковъ грунты, земли, мельницы и пр., такъ какъ отъ такой продажи не можетъ послѣдовать вреда для козачьей службы и такъ какъ „сходственно то будетъ съ правами малороссійскими“.

[1]) Наказы, стр. 17, 26, 57.

Мы сказали о „положительной“ отмѣнѣ указа 1739 года потому, что отчасти онъ былъ уже отмѣненъ Разумовскимъ, дозволившимъ козакамъ продажу своихъ грунтовъ не полностью, а въ части, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы этимъ предупредить переводъ козаковъ въ посполитые, ибо козакъ, продавшій свой грунтъ полностью, но оставшійся на немъ жить, долженъ былъ отдавать повинность своему владѣльцу наравнѣ съ посполитыми и, слѣдовательно, выходилъ изъ рядовъ козачества.

Вмѣстѣ съ вопросомъ о землевладѣніи удобно теперь же разсмотрѣть, что было высказано въ наказахъ и коммиссіи относительно посполитыхъ крестьянъ, населявшихъ шляхетскія земли, и взглянуть каковы были въ этомъ отношеніи тенденціи малороссійскаго шляхетства въ вѣкъ наибольшаго развитія рабовладѣльческихъ понятій и инстинктовъ. Хотя стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что вопросъ о томъ или иномъ положеніи владѣльческихъ посполитыхъ составлялъ для владѣльцевъ ихъ, т. е. шляхетства, вопросъ чрезвычайной важности, тѣмъ не менѣе мы должны заявить, что онъ весьма слабо былъ разработанъ наказами и только говорившіе въ коммиссіи ораторы бросили намъ кое какія отрывочныя разъясненія, вызванныя происходившими дебатами. Въ существенныхъ чертахъ содержаніе наказовъ по интересующему насъ вопросу состояло въ просьбахъ шляхетства о сохраненіи его посполитыхъ подданныхъ на правахъ и обыкновеніяхъ „предшествовавшихъ временъ“ и объ уменьшеніи и болѣе правильной раскладкѣ возложенныхъ на нихъ денежныхъ и патуральныхъ повинностей; весьма удивительно также, что ни въ одномъ наказѣ не было выражено желанія запретить посполитымъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто, чего такъ жадно еще недавно добивались малороссійскіе старшины и шляхетство въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи. Не имѣя основанія думать, что шляхетство вообще не желало интересоваться положеніемъ своихъ подданныхъ, ибо этому противорѣчатъ и естественный смыслъ, и заявленія, сдѣланныя въ коммиссіи, мы объясняемъ скромность наказовъ тѣмъ, что составители ихъ считали лишнимъ

обращать вниманіе представительнаго собранія на знакомство съ экономическими отношеніями шляхты и посполитыхъ.

Да и къ чему это? могли думать составители наказовъ. Не лучше-ли вообще просить о подтвержденіи своихъ правъ и законовъ и о сохраненіи посполитыхъ на положеніи предшествовавшихъ временъ, ибо далѣе шляхетство само съумѣетъ установить свои отношенія къ подданнымъ и потребовать отъ нихъ надлежащаго послушанія и повинностей? Мы думаемъ, что шляхетству, дѣйствительно, нечего было много распространяться о своихъ подданныхъ такъ какъ просьбами о сохраненіи ихъ на положеніи „предшествовавшихъ временъ“ оно выражало все, а идти дальше этихъ временъ и требовать большаго было совершенно излишне даже въ глазахъ самыхъ ярыхъ поборниковъ шляхетскихъ интересовъ. Дѣйствительно, „предшествовавшія времена“ давали полную свободу владѣльцамъ распоряжаться въ экономическомъ отношеніи личностью своего подданнаго; подданные же обязаны были отдавать своему владѣльцу надлежащее послушаніе и повинности, а если „какое гдѣ подъ какимъ видомъ отъ подданныхъ противъ владѣльцевъ ослушаніе и преступство показалось, за то всякому владѣльцу подданнаго своего по разсмотрѣнію наказывать вольно, а въ криминальныхъ дѣлахъ въ подлежащіе суда отсылать должно [1]). „Это такая свобода, что даже Политика не счелъ возможнымъ требовать большаго и заявилъ только, что шляхетство, по силѣ правъ малороссійскихъ, должно пользоваться судомъ и расправой надъ своими подданными и не допускать чужаго вмѣшательства въ свои отношенія. Весьма интересные дебаты относительно посполитыхъ крестьянъ возникли въ коммиссіи, когда извѣстный депутатъ отъ Хоперской крѣпости, Алейниковъ, высказалъ мнѣніе, что малороссійской старшинѣ должна быть воспрещена покупка новыхъ крестьянъ, а купленные ранѣе должны быть отписаны на императрицу въ виду того, что они терпятъ притѣсненія, вызывающія грабежи, разбои и пр., и что, кромѣ того, скупая крестьянъ, старшина приводитъ рядовыхъ козаковъ въ крайнее убожество [2]).

[1]) Права, по которымъ судятся мал. нар. стр. 52.

[2]) Сб И. Р. Ист. Общ. т. VIII, стр. 214

Мнѣніе Алейникова вызвало среди шляхетскихъ депутатовъ большую сенсацію; возражавшій на него депутатъ отъ шляхетства батуринскаго и нѣжинскаго повѣтовъ, Божичъ, отвѣчалъ, что заявленіе Алейникова о положеніи посполитыхъ совершенно несправедливо, что Алейникову неизвѣстны ни настоящее устройство Малороссіи, ни права Лит. Статута, по силѣ которыхъ украинское шляхетство имѣетъ власть какъ заводить на своихъ земляхъ новыя селенія, такъ и свободно отчуждать ихъ и что только пріобрѣтеніе недвижимости иностранцами стѣснено извѣстными ограниченіями. Особенно же Божичъ ставилъ коммиссіи на видъ то обстоятельство, что за отмѣной въ 1728 году указа, запрещавшаго великороссіянамъ покупать въ Малороссіи земельную собственность, въ ней сильно развились великорусскіе помѣщики и весьма замѣтно стѣснили козаковъ и посполитыхъ. Этимъ возраженіемъ, Божичъ, очевидно, хотѣлъ отнести часть брошеннаго его сословію обвиненія на самихъ великорусскихъ помѣщиковъ; что же касается козаковъ, то онъ утверждалъ, что они не могутъ жаловаться на обиды отъ старшинъ, такъ какъ сами имѣютъ наравнѣ съ нею грунты и земли и пользуются тѣми же шляхетскими правами и что объ обидахъ старшинами козаковъ въ Малороссіи ничего не слышно. Съ тою же убѣжденностью о довольствѣ владѣльческихъ подданныхъ своей судьбой говорилъ по другому поводу и депутатъ отъ переяславскаго шляхетства, Забѣла [1]), взявшій на себя трудъ возражать депутату отъ екатерининской провинціи, скромно выступившему на защиту правъ посполитыхъ... Екатерининскій депутатъ предложилъ установить для малороссійскихъ крестьянъ такой порядокъ, чтобы они изъ семи дней недѣли—2 посвящали себѣ, 2 помѣщику, 2 государству (т. е. отбывали повинности), а 7-ой день отдавали Богу и, кромѣ того, въ виду выгодъ бѣднѣйшихъ помѣщиковъ онъ предложилъ ограничить свободу перехода крестьянъ наложеніемъ штрафа на помѣщиковъ, принимающихъ крестьянъ безъ всякаго вида отъ надлежащаго начальства. Какъ ни скромны были предложенія екатерининскаго депутата, но За-

[1]) Сб. И. Р. Ист. Общ. т. 32 стр. 520.

бѣла въ своемъ возраженіи удивлялся дерзости непрошеннаго реформатора и, ссылаясь на высочайшіе указы, просилъ оставить поселянъ на прежнихъ основаніяхъ, такъ какъ они всѣмъ довольны и счастливы подъ покровительствомъ владѣющаго ими шляхетства.

Насколько же шляхетству вообще были чужды желанія измѣнить правовое положеніе своихъ поддапныхъ, мы можемъ сослаться на прошеніе миргородскаго, гадяцкаго и полтавскаго шляхетства, гдѣ, среди другихъ одобрительныхъ замѣчаній о возстановленіи Елизаветой Петровной старинныхъ правъ въ Малороссіи, съ удовольствіемъ подчеркивался даже непріятный для шляхетства указъ императрицы о возвращеніи малороссійскому народу свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто „во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ малороссійскихъ, въ книгѣ Статута изображенныхъ“ [1]). Совершенно невѣрнымъ и безосновательнымъ поэтому является замѣчаніе г. Латкина, что указъ 3 мая 1783 года, отнявшій у малороссійскихъ крестьянъ право перехода и поставившій ихъ въ условія крѣпостной зависимости, былъ отвѣтомъ императрицы на хлопоты южно-русскихъ шляхетскихъ наказовъ, ибо такихъ хлопотъ не было, хотя съ своей стороны мы не отрицаемъ, что шляхетство всегда добивалось установить болѣе прочную власть надъ поспольствомъ и въ эпоху коммиссіи болѣло этимъ недугомъ. Весьма любопытно, что высказанные въ наказахъ взгляды относительно перехода крестьянъ стояли въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ воззрѣніями шляхетства, выраженными въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи: въ то время какъ составители наказа отъ миргородскаго, полтавскаго и гадяцкаго шляхетства находили (совершенно правильно), что свободный переходъ крестьянъ, по силѣ Статута, составляетъ ихъ право, не далѣе какъ въ 1764 г. старшина и шляхетство, на основаніи якобы тѣхъ же правъ и въ сходство ихъ изданныхъ сеймовыхъ установленій, ратовали предъ императрицей, что малороссійскіе мужики не должны имѣть никакой вольности въ свободномъ съ мѣста на мѣсто переходѣ,

[1]) Наказы, стр. 63.

кромѣ случаевъ увольненія ихъ самими помѣщиками и что ни въ пунктахъ Хмельницкаго, ни другихъ гетмановъ вольный переходъ мужикамъ не дозволенъ, а усвоенъ ими въ нарушеніе закона и вслѣдствіе бывшихъ въ Малороссіи безпорядковъ, способствовавшихъ крестьянамъ во избѣжаніе повинностей переходить отъ одного владѣльца къ другому или даже записываться въ козаки. Отмѣченное нами измѣненіе во взглядахъ шляхетства весьма выгодно отличаетъ наказы отъ „прошенія“ и это тѣмъ болѣе для насъ пріятно, что такъ какъ свобода перехода крестьянъ имѣла интересъ не только шляхетскій, но и общегосударственный, и подвергалась порицанію со стороны такихъ видныхъ государственныхъ дѣятелей, какъ Румянцевъ и Тепловъ [1]), то шляхетству ничего не стоило присоединить свой голосъ къ голосамъ порицателей и оно могло разсчитывать на полное удовлетвореніе своихъ желаній. Между тѣмъ шляхетство этого не сдѣлало и въ этомъ его заслуга.

Второй симпатичной чертой наказовъ нужно назвать еще отсутствіе въ нихъ фальшивыхъ жалобъ на обпищаніе шляхетства вслѣдствіе приписки мужиковъ въ козачье званіе. Потому-ли, что жалобы эти могли повлечь за собой противоположныя указанія объ обращеніи козаковъ въ посполитые, о скуплѣ ихъ грунтовъ и къ другимъ непріятнымъ разоблаченіямъ, или по другимъ причинамъ, но въ наказахъ нѣтъ ничего похожаго на то и возмутительное и курьезное заявленіе „прошенія“ 1764 года, что отъ зачисленія мужиковъ въ козаки шляхетство прійдетъ въ упадокъ, „а съ нимъ на послѣдокъ и вся Малая Россія опустѣетъ“.

Если такимъ образомъ шляхетскіе наказы высказались противъ внесенія повшествъ въ права посполитыхъ и противъ правительственной регламентаціи повинностей, отбываемыхъ въ пользу шляхетства, то совершенно иначе отнеслись наказы къ вопросу о повинностяхъ, отбываемыхъ въ пользу государства, и высказали въ этомъ отношеніи весьма много заботъ и старапій, направленныхъ главнымъ образомъ къ уменьшенію повинностей, къ сложенію недоимокъ, измѣненію способовъ взиманія и рас-

---

[1]) Кулишъ Зап. о Ю. Р., т. II, стр. 194.

кладокъ податей и пр. Основнымъ желаніемъ шляхетства относительно государственныхъ повинностей, какъ съ лица, такъ и съ имущества его самого и его подданныхъ, было выставлено въ наказахъ возвращеніе къ началу льготъ шляхетства предъ другими сословіями, льготъ мало извѣстныхъ великорусскимъ порядкамъ, покоившимся на полномъ подчиненіи личности со всѣмъ ея животомъ государству. Шляхетство, въ сходство своихъ правъ и привилегій, просило прежде всего, чтобы, кромѣ личной свободы отъ всѣхъ повинностей, были также свободны отъ нихъ и принадлежащія ему земли, и по этому случаю Г. Политика приводилъ на память коммиссіи, что въ старое время, когда малороссіяне находились „подъ короною польскою“, то они платили только „на знакъ подданства“ всего 2 польскихъ гроша съ влохи, т. е. самый ничтожный налогъ съ количества равнаго почти 20 дес.; во-вторыхъ, тотъ же Политика, говоря о 9 ст. проекта о правахъ благородныхъ, предлагалъ ее редактировать такимъ образомъ, что благородные не только сами не подлежатъ обложенію податьми, „но и дворовые ихъ люди изъемлются отъ оныхъ“, какъ на примѣръ такого завиднаго положенія благородныхъ Политика указалъ на положеніе лифляндскаго дворянства, удержавшаго въ цѣлости свои феодальные порядки [1]). Въ отношеніи обложенія собственно подданныхъ главныя заботы шляхетства вращались на злобѣ дня того времени, на „повоустановленномъ г. Румянцевымъ, взамѣнъ прежнихъ консистентскихъ дачъ, рублевомъ окладѣ“, успѣвшемъ обнаружить въ теченіе недолгаго времени своего существованія массу неудобствъ и для подданныхъ, и для ихъ помѣщиковъ. Рублевый окладъ, о тягостяхъ котораго трактовали наказы, былъ введенъ Румянцевымъ на смѣну существовавшихъ до него консистентскихъ дачъ, т. е. взамѣнъ натуральнаго довольствованія провіантомъ и фуражемъ квартировавшихъ въ Малороссіи великорусскихъ войскъ, такъ какъ тяжесть натуральнаго содержанія консистентовъ, при злоупотребленіи великорусскихъ чиновниковъ, составляла вопіющее зло, страшное бремя для Малороссіи и требовала настоятельныхъ

[1]). Сб. Р. И. И. Об. 32 т., 317 стр.

измѣненій. Румянцевъ взялся за это дѣло и консистентскія дачи замѣнилъ прямымъ окладомъ по 1 р. 2 к. съ каждой жилой хаты; но новоизобрѣтенный имъ окладъ не только не спялъ съ малороссіянъ давившаго ихъ бремени и не распредѣлилъ его болѣе равномѣрно, но создалъ новыя неудобства съ явнымъ отягощеніемъ однихъ крестьянъ и владѣльцевъ въ пользу другихъ, и этимъ положеніемъ вещей была недовольна вся Малороссія. Дѣло въ томъ, что обложеніе 1 р. 2 коп. каждой крестьянской хаты, независимо отъ его абсолютной тягости, имѣло еще тотъ недостатокъ, что избранный имъ предметъ обложенія—хата—давалъ чрезвычайно неопредѣленную величину при распредѣленіи податной тягости, такъ какъ хата, сама по себѣ, еще не указывала на доходы ея хозяина, а между тѣмъ рубль одинаково взимался „отъ каждой избы безъ разбора, съ бѣдныхъ и имущественныхъ, съ подсосѣдковъ и наемныхъ людей, не исключая и тѣхъ, кои сошли въ безвѣстныя мѣста“ (Наказы, 41), или, какъ говоритъ лубенскій наказъ, „что одного рубля платитъ мужикъ тотъ, который имѣетъ у себя имущество отъ 100 до 500 руб. и тотъ послѣдній подсосѣдокъ, который едва-ли имѣетъ у себя имѣнія на 60 к.“ [1]). На послѣднее обстоятельство и обращали вниманіе всѣ наказы, основательно указывая, что среди обложенныхъ рублевымъ окладомъ есть масса подсосѣдковъ, не имѣющихъ не только земли для покрытія ея доходами налоговъ, но неимѣющихъ даже одежды и еле спискивающихъ себѣ пропитаніе [2]), и что обложеніе такихъ безземельныхъ, проводящихъ свой вѣкъ по чужимъ хатамъ, является не только несправедливымъ въ отношеніи людей земельныхъ, но даже превышающимъ ихъ податную способность. Составители черниговскаго наказа при этомъ заявляли, что единственный коррективъ, имѣющійся въ рукахъ помѣщиковъ для уравненія обложенія—это распредѣленіе податнаго контингента пропорціонально имуществу крестьянъ, но и онъ не всегда можетъ примѣняться съ успѣхомъ, такъ какъ иногда и все имѣніе помѣщика состоитъ изъ нищихъ

[1]) Наказы, стр. 50

[2]) Ibid., 5.

людей, несостоятельныхъ къ уплатѣ [1]). Послѣдствіемъ неравномѣрнаго отягощенія подданныхъ у различныхъ помѣщиковъ было бѣгство крестьянъ къ тому помѣщику, у котораго было легче, который самъ могъ заплатить рублевый окладъ и потомъ медленно выбирать его въ теченіе года; разумѣется, что практиковать это могли только богатѣйшіе помѣщики и къ нимъ то и стекались крестьяне. Богатые помѣщики богатѣли еще больше, бѣдные бѣднѣли; само же поспольство, попадая къ богатому шляхетству, хотя временно и отдыхало, освобождаясь отъ правительственныхъ взысканій, но вмѣстѣ съ тѣмъ прочно закрѣплялось за владѣльцами и своими руками затягивало на себѣ петлю. Во всякомъ случаѣ рублевый окладъ былъ невыгоденъ для большинства шляхетства; отсюда жалобы, что онъ незаконно наложенъ на малороссіянъ не только въ нарушеніе пунктовъ Б. Хмельницкаго и привилегій Сигизмунда 1569 г. о невзиманіи болѣе 2-хъ грошей съ наволоки земли, но и въ отмѣну обѣщанія Петра I „о невзиманіи ни единого пенязя въ свою казну изъ М. Россіи“. Жалобы сопровождались различнаго рода просьбами. Глуховцы ходатайствовали о томъ, чтобы рублевый окладъ взимался въ полномъ размѣрѣ только съ тяглыхъ людей, имѣющихъ земли, а съ неимѣющихъ—только въ половинномъ размѣрѣ, и чтобы болѣе съ нихъ какъ съ движимаго, такъ и недвижимаго имѣнія никакихъ сборовъ не собиралось [2]). Черниговцы, въ общихъ выраженіяхъ, просили расположить рублевую повинность безъ отягощенія народа [3]); переяславцы указывали на отсутствіе у народа денегъ и упадокъ земледѣлія и просили понизить рублевый окладъ до размѣровъ прежней конспистентской подати, а также освободить отъ него наемныхъ людей, не занимающихся ни хлѣбопашествомъ, ни промыслами и проживающихъ на владѣльческомъ пропитаніи и одѣяніи [4]). Лубенцы хлопотали даже о совершенной отмѣнѣ рублеваго оклада и замѣнѣ его повинностью

---

[1]) Ibid., стр. 19.
[2]) Наказы, стр. 6.
[3]) Ibid , 19.
[4]) Ibid. 42.

смѣшанной формы: патуральной въ мѣстахъ расположенія войскъ и денежной въ остальныхъ мѣстахъ и т. д. [1]).

Къ числу такихъ же заботъ въ области податнаго обложенія нужно отнести и попеченія шляхетства о сложеніи недоимокъ съ его подданныхъ и объ освобожденіи малороссіянъ отъ патуральныхъ повинностей, какъ-то: строенія линій, засѣкъ, крѣпостей, содержанія военныхъ постоевъ, участія въ великорусскихъ войскахъ для исправленія обязанностей погонщиковъ воловъ и пр., словомъ, объ освобожденіи отъ „всѣхъ работъ, нарядовъ и поборовъ“, ставшихъ съ приснопамятныхъ ладожскихъ работъ истиннымъ бичемъ для Малороссіи [2]). Въ послѣднее время (1756 г.) бремя упадавшихъ на малороссіянъ тягостей особенно чувствовалось потому, что въ эпоху семилѣтней войны шляхетству и козакамъ пришлось выставить для русской арміи 8 тыс. человѣкъ погонщиковъ изъ посполитыхъ съ волами и фурами, причемъ за этотъ нарядъ правительство не заплатило ни единой копѣйки. Что касается недоимочной суммы, весьма занимавшей вниманіе наказовъ, то она начала скопляться за Малороссіей съ 1735 г., т. е. со времени введенія конскистентскихъ дачъ и росла съ каждымъ годомъ; лубенцы, заявляя о необходимости ея сложенія, указывали, что за отдаленностью времени многіе изъ обывателей, на которыхъ числилась недоимка, успѣли умереть или безвѣстно переселиться, и въ настоящее время взиманіе несправедливо производится съ наличныхъ шляхетскихъ подданныхъ, сидящихъ на земляхъ испедшихъ посполитыхъ и нисколько неповинныхъ въ ихъ недоимкахъ, и что самыя земли, на которыхъ сидятъ подданные, принадлежатъ владѣльцамъ, которые, „такова платежа чинить за свое добро ни по какимъ законамъ не обложены“ [3]). Кромѣ этого соображенія, въ пользу прощенія недоимокъ шляхетствомъ обыкновенно приводились и такого рода причины, какъ частые недороды хлѣба, падежи скота, общій упадокъ земледѣлія и дурное состояніе края

---

[1]) Ibid., 52.
[2]) Ibid, 20.
[3]) Ibid., 51.

въ экономическомъ отношеніи, достигшее такой степени, что многіе изъ обывателей „не только что недоимки, но и настоящей дачи оплачивать чѣмъ не имѣютъ и лишаются съ женами и дѣтьми и самыя дневныя пищи“ [1]).

Если мы допустимъ, что экономическое состояніе Малороссіи представлено наказами въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ, то тѣмъ не менѣе приведенныя ими соображенія, а также хотя бы слабыя представленія о томъ, какъ взыскивались въ прошлыя времена недоимки, намъ кажутся вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ, что числившаяся на Малороссіи недоимка была дѣйствительно выше ея податныхъ способностей и жалобы на ея обременительность не были фальшивыми, а истинными заботами объ экономическомъ положеніи своего края.

Не менѣе горячо, чѣмъ къ недоимкамъ, отнеслись наказы и къ вопросу объ отмѣнѣ въ Малороссіи военныхъ постоевъ,— этой самой непріятной натуральной повинности, дававшей поводы къ многочисленнымъ жалобамъ и нареканіямъ малороссіянъ на великорусскихъ начальниковъ. Извѣстно, что квартированіе великорусскихъ войскъ въ Украинѣ началось съ первыхъ же дней „возсоединенія“; но сначала русское правительство помѣщало свои гарнизоны не во всѣхъ городахъ Малороссіи, а только въ тѣхъ, гдѣ указывала военная необходимость, впослѣдствіи же, благодаря внутреннимъ безпорядкамъ, а отчасти и гетманамъ, заботившимся не о родинѣ, а о себѣ, великорусскія войска стали наводнять Украину, а во время шведской войны, измѣны Мазепы, войны съ турками и послѣ нея они сдѣлали изъ Украйны положительно военный лагерь. Малороссія, за исключеніемъ краткаго времени царствованія Анны Ивановны, постоянно содержала у себя на квартирахъ, въ городахъ и селеніяхъ, 8 драгунскихъ полковъ съ полевою аптекою. Если въ наше время военные постои не обходятся безъ многихъ непріятностей для мѣстныхъ обывателей и безъ извѣстной доли деморализаціи населенія, то въ прошломъ вѣкѣ эти темныя стороны постоевъ были еще замѣтнѣе, ибо, при слабости закона и

[1]) Ibid., 51.

торжествѣ произвола, военные начальники распоряжались по своему усмотрѣнію въ Малороссіи и отъ нихъ одинаково терпѣли всѣ, отъ знатныхъ старшинъ до послѣднихъ подсосѣдковъ. Нужно сказать, что по грамотѣ Петра I отъ 1721 года было запрещено требовать квартиры „въ М. Россіи у заслуженныхъ особъ, полковниковъ, у сотниковъ и протчей старшины“ [1]), между тѣмъ эта грамота соблюдалась такъ слабо, что отводъ квартиръ въ домахъ шляхетства сталъ, по словамъ переяславскаго наказа, „главнымъ основаніемъ къ приведенію ихъ въ крайнее изнуреніе и несостояніе къ службѣ ея и. величества, отъ чего въ г. Переяславѣ почти всѣ дома знатнѣйшіе пришли въ крайнее опустѣніе“ [2]). Эта-то причина и заставила сочинителей всѣхъ наказовъ просить Екатерину II о подтвержденіи Малороссіи льготной петровской грамоты, отъ возстановленія дѣйствія которой,—говорили они,—„шляхетство восчувствуетъ совершенную выгоду и покой“. Иные же наказы выражали желаніе, чтобы шляхетскія деревни были также освобождены отъ военныхъ постоевъ и чтобы войска были переведены изъ нихъ въ города для развитія въ послѣднихъ торговли и промысловъ съ одной стороны, и для устраненія того невыгоднаго положенія вещей, что остающіеся въ деревняхъ войска, „не имѣя гдѣ что купить, остаются на довольствѣ хлѣбомъ и прочимъ у обывателей“—съ другой.

Мы не будемъ далѣе входить въ подробности болѣе мелкихъ желаній шляхетства въ сферѣ вопросовъ податнаго характера или касаться разсмотрѣнія такихъ обычныхъ натуральныхъ повинностей, какъ: „выставленіе“ подводъ, воловъ, погонщиковъ, строеніе засѣкъ, крѣпостей, линій и другихъ работъ.

Въ этой области ничего нельзя сказать другого, какъ то, что эти повинности, весьма необходимыя для Россіи, были крайне тяжелы для Малороссіи и въ частности для шляхетства, такъ какъ, изнуряя посполитыхъ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ подрывали и благосостояніе шляхетскихъ хозяйствъ, содержимыхъ руками по-

---

[1]) Наказы, 28.

[2]) Ibid, 46.

сполитыхъ. Весьма естественно поэтому, что всѣ нужды шляхетства, заявленныя въ этой области, вращались на отмѣнѣ податей и повинностей и на обращеніи вспять къ тому времени, когда шляхетство пользовалось полнѣйшей въ этомъ отношеніи свободой, или лучше сказать, когда строй государственной жизни носилъ частно-правовой характеръ и задачи государственнаго управленія были крайне просты и несложны. Конечно, это было очень давно, это были времена „Жигимонта Августа“, двумя вѣками отдѣлявшіяся отъ разсматриваемой нами эпохи Екатерины Великой; за это время Малороссіи пришлось пережить очень много, она перемѣнила подданство и Россіей была выведена на совершенно иную дорогу политической жизни, чѣмъ то было при королях польскихъ. По возсоединеніи задачи Великороссіи стали вмѣстѣ съ тѣмъ и задачами Малороссіи, такъ какъ политическое объединеніе обѣихъ сторонъ было полное; между тѣмъ шляхетство какъ бы не хотѣло этого понимать, требуя для себя и своихъ посполитыхъ различнаго рода льготъ въ то жгучее время, когда Россія доводила до напряженія свои силы, стараясь занять въ Европѣ выдающееся положеніе, расширить свои границы, укрѣпить могущество.

Не отрицая нисколько за шляхетствомъ права на защиту своихъ привилегій, мы тѣмъ не менѣе не можемъ сочувствовать ему, когда оно пыталось защищать привилегіи, явно отжившія свой вѣкъ и уступившія мѣсто другому порядку вещей; мы не можемъ сочувствовать и тому, что шляхетство въ данномъ случаѣ, не изыскивая раціональныхъ средствъ помочь экономическому состоянію своей страны, прямо обратило свои взоры на два вѣка назадъ и тамъ въ погребенной старинѣ искало программу для будущаго, какъ будто два вѣка оно прожило подъ стекляннымъ колпакомъ и не измѣнилось ни въ какомъ отношеніи; просить о свободѣ отъ всѣхъ повинностей, какъ дѣлали наказы, это значило закрывать глаза на дѣйствительность, а не серьезно разрѣшать наболѣвшій вопросъ.

Поэтому мы и находимъ, что, хотя нужды и отягощенія шляхетства въ разсмотрѣнной нами сферѣ, были заявлены наказами вполнѣ основательно и разумно, но средства и мѣры,

предложенныя ими къ улучшенію, были не практичны. По изложеніи нуждъ и желаній шляхетства экономическаго характера намъ остается перейти къ той части наказовъ, гдѣ шла рѣчь о недостаткахъ во внутреннемъ устройствѣ, судѣ и управленіи Малороссіи и гдѣ намѣчались способы и мѣры ихъ устраненія; но мы должны сказать, что эта часть оказалась самою слабою и что, несмотря на совѣты, данные Румянцевымъ, точно и серьезно обсудить причины упадка и общественныхъ недуговъ Малороссіи, составители наказовъ мало отвели имъ мѣста и оставили въ тѣни истинныя потребности своей современности, а многіе наказы такъ кратко и бѣгло коснулись самыхъ первостепенныхъ и жгучихъ вопросовъ, что приходится удивляться и недоумѣвать, какъ шляхетскіе представители могли пройти молчаніемъ мимо язвъ соціальныхъ, требовавшихъ исцѣленія, и ограничились въ такихъ случаяхъ общими фразами о подтвержденіи Малороссіи пунктовъ Б. Хмельницкаго. Сопоставляя въ этомъ отношеніи содержаніе наказовъ съ прошеніемъ о возстановленіи старинныхъ правъ, мы находимъ, что ни по глубинѣ изученія, ни по силѣ критики дѣйствительныхъ недостатковъ соціально-политическаго устройства Малороссіи, ни наконецъ, по самой разработкѣ и изложенію вопросовъ этого рода большинство наказовъ не могутъ сравняться съ прошеніемъ, и не хочется вѣрить, чтобы мысли въ нихъ высказанныя, были выраженіемъ всего, надъ чѣмъ задумывались и волновались лучшіе люди Малороссіи, такъ были во многихъ случаяхъ поверхностны, отрывисты и лишены всякой идеи о прогрессѣ заявленія наказовъ о внутреннихъ недостаткахъ Малороссіи.

Мы не рѣшаемся въ точности опредѣлить, откуда проистекала слабость наказовъ въ вышеупомянутыхъ вопросахъ, но полагаемъ, что здѣсь господствовали различнаго рода причины: во первыхъ, не нужно забывать, что у малороссіянъ, особенно у тѣхъ, которымъ были выгодны старые порядки, господствовало убѣжденіе, что коммиссія созывается Екатериной исключительно для составленія Уложенія для одной Великороссіи; что малороссіянамъ, поэтому, нечего входить въ большія подробности относительно своихъ нуждъ, а стоитъ только просить, чтобы „край

малороссійскій былъ трактованъ въ новосочиняемомъ Уложеніи по своимъ правамъ и привилегіямъ". Во вторыхъ, несомнѣнно, что разъ шляхетство заявило себя съ ультра-консервативной стороны, поборникомъ старо-польскаго режима и просило о сохраненіи пунктовъ Б. Хмельницкаго, то не въ его интересахъ было подрывать свои просьбы указаніями на недостатки и критикой порядковъ своей родины. Къ тому же слѣдуетъ прибавить, что разбросанное по захолустьямъ шляхетство не всегда могло въ краткій срокъ хорошо ознакомиться съ возложенной на него задачей и тщательно вникнуть въ коренныя причины многихъ сложныхъ явленій общественной жизни, такъ какъ несомнѣнно, что открыть слабыя стороны государственнаго механизма, отрѣшившись отъ личныхъ выгодъ и симпатій, гораздо труднѣе, чѣмъ просить о нобилитаціи и разныхъ льготахъ.

Однако, какъ ни скупы были наказы на объясненія, но изъ разсѣянныхъ въ нихъ тамъ и сямъ замѣчаній намъ необходимо возстановить картину хотя бы главныхъ вожделѣній шляхетскаго сословія. Посмотримъ прежде всего, много-ли и что именно было сказано наказами въ пользу реформированія внутренняго устройства Малороссіи?

Большинство шляхетства нашло мало причинъ заявить неудовольствіе на современное устройство Малороссіи, но если находило его несостоятельнымъ, то не потому, чтобы оно устарѣло, а напротивъ потому, что оно измѣнилось въ сравненіи съ старинной къ худшему. Эту мысль въ особенности сильно отстаивало и развивало прошеніе, поданное въ коммиссіи всѣми депутатами отъ Малороссіи; изъ наказовъ же только одинъ черниговскій составлялъ исключеніе и весьма отчетливо проводилъ идею, совершенно противоположную прошенію, что несоотвѣтствіе старыхъ законовъ и формъ правленія съ обстоятельствами текущаго времени составляетъ главное зло Малороссіи; что въ ней существуетъ „видъ правленія, который трудно сообразить съ предписаннымъ въ правахъ" и что „правительство и обряды Малороссіи, изъ разныхъ смѣшанныхъ видовъ составленные, съ великимъ противу правъ нынѣшняго дѣлъ состоянія несходствомъ, худо соотвѣтствуютъ благоучрежденію, отъ котораго все

счастіе народа зависитъ“ [1]). Конечно, ничего нельзя возразить противъ заявленія черниговскаго наказа, ибо строй Малороссіи, одной ногой опиравшійся на весьма древнее, унаслѣдованное отъ Польши законодательство, измѣненное самобытными козацкими порядками и обыкновеніями, а другой и, главнымъ образомъ, на многочисленные несистематизированные указы и распоряженія русской верховной власти, дѣйствительно, пришелъ въ такое хаотическое состояніе, что трудно было сказать, на основаніи какихъ законовъ и обрядовъ вершится „правленіе дѣлъ въ Малороссіи“. Трудно повѣрить, но это фактъ, что въ Малороссіи одновременно должны были сосуществовать и неотмѣненное публичное право Л. Статута, и привилегіи королей польскихъ, и некодифицированные козацкіе „права и обычаи“, и пункты Б. Хмельницкаго и послѣдующихъ гетмановъ и, наконецъ, масса царскихъ грамотъ, указовъ, правительственныхъ распоряженій и пр., т. е. пестрая амальгама наслоявшихся другъ на друга законовъ, безъ всякой логики, связи и смысла. Едва-ли кто можетъ сомнѣваться, что при такомъ безпорядкѣ, противорѣчіи и хаосѣ законовъ ни одинъ изъ нихъ не могъ примѣняться, какъ слѣдуетъ, и что, поэтому, страна управлялась не законами, а начальниками, совершенно съ ними незнакомыми, но руководившимися собственнымъ усмотрѣніемъ и указами правительства, *ad hoc* изданными. Это было тѣмъ легче, что та *козацкая* Малороссія, которая присоединилась къ московскому государству, и въ самый моментъ присоединенія держалась не на точныхъ законахъ, а на козацкихъ „обыкновеніяхъ“, далеко не соотвѣтствовавшихъ письменному законодательству, дѣйствовавшему при польскомъ режимѣ и на бумагѣ подтвержденному московскими царями. Такое положеніе вещей окажется совершенно естественнымъ, если вспомнить, что присоединившаяся Малороссія вызвана была къ жизни борьбою съ прежними началами и присоединилась къ Великороссіи въ самый разгаръ борьбы, когда еще не было времени выработать свои юридически точные порядки и формы жизни; Великороссія же, пользуясь внутренней неуря-

[1]) Наказы, 10, 11.

дицей Малороссіи, ея слабостью и своей силой, не замедлила отклонять малорусскіе порядки въ выгодную для себя сторону. Такимъ образомъ, изъ столкновенія традицій польскаго режима и законодательства, малорусскихъ козацкихъ правъ и обычаевъ съ великорусскими законами и образовался тотъ безобразный „видъ правленія“, который, по мягкому выраженію черниговскаго наказа, „трудно сообразить съ предписаннымъ въ правахъ“. Это было весьма важное зло въ Малороссіи; вторымъ же не менѣе крупнымъ являлось смѣшеніе гражданскаго и воинскаго управленій, т. е. полугражданскій—полувоенный бытъ Малороссіи, пережившій, такъ сказать, самъ себя и совершенно несоотвѣтствовавшій мирнымъ задачамъ своего времени. На это несоотвѣтствіе указывали всѣ наказы и его признавала сама Екатерина.

Нужно замѣтить, что смѣшеніе сферъ воинскаго и гражданскаго управленій составляло одно изъ проявленій козацкихъ „обыкновеній“ во внутренней жизни Украйны; оно возникло, когда старый польско-шляхетскій строй былъ разрушенъ козацкою саблею и на мѣсто его стала новая Малороссія, раздѣленная на полки и сотни и получившая военное, козацкое устройство, благодаря тому настроенію времени, что всякій стремился стать вольнымъ козакомъ, т. е. воиномъ. Малороссія, въ смыслѣ военныхъ и административныхъ округовъ, получила тогда военное дѣленіе на полки и сотни; во главѣ ея гражданскаго и военнаго правительства стоялъ гетманъ и генеральная старшина, избранные вольными голосами всего народа; за генеральной старшиной слѣдовала полковая и сотенная, вѣдавшая полковое и сотенное управленіе во всѣхъ его отрасляхъ и направленіяхъ. Дѣла гражданскія и воинскія, судебныя и административныя, не исключая и фиска, словомъ, управленіе страной во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ духовнаго, соединилось въ это время въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ, т. е. гетмана, генеральной, полковой и сотенной старшины съ низшими ихъ органами. Соединеніе это на первыхъ порахъ существованія всякаго неразвитаго политически общества является самымъ естественнымъ; таковымъ оно было и для Малороссіи, пока въ ней бурлили новые, прежде молчавшіе

слои населенія, политически неразвитые и мало культурные, но нечего говорить, что это соединеніе является тормазомъ прогресса, разъ оно устанавливается на болѣе продолжительное время, дѣлается достояніемъ системы государственнаго управленія. Между тѣмъ съ Малороссіей это именно и случилось: несмотря на полное успокоеніе внутреннихъ силъ, несмотря на мирный образъ жизни малороссіянъ и значительное оформленіе ихъ соціальныхъ отношеній, несмотря на эти и другіе факторы развитія,— сліяніе gouvernement militaire съ gouvernement civile продолжало существовать въ Малороссіи въ полной силѣ, нисколько, конечно, не удовлетворяя потребностямъ малороссіянъ, развитыхъ болѣе чѣмъ вѣковымъ вліяніемъ гражданскаго существованія. Недостатки такого положенія вещей давно сознавались лучшими украинскими патріотами, и въ наказахъ, а особенно въ прошеніи, поданномъ въ коммиссію всѣми депутатами, нашли себѣ многихъ порицателей, хлопотавшихъ о возвращеніи къ порядкамъ, бывшимъ до „возсоединенія“, когда управленіе страной дѣлилось, по выраженію просителей, между чиновниками и шляхетствомъ. Такимъ образомъ, малороссіяне, прожившіе болѣе столѣтія подъ протекціей московскаго государства, только въ 1767 году прозрѣли и увидѣли, что существующій у нихъ порядокъ вовсе не тотъ, какой имъ былъ гарантированъ, что они живутъ вовсе не по своимъ правамъ и привилегіямъ и „что учрежденіе сходственныхъ съ правами и привилегіями малороссіянъ есть одна изъ главнѣйшихъ общихъ нуждъ“. Въ названномъ прошеніи депутаты объясняли, что просимое учрежденіе должно состоять въ томъ, чтобы гражданскія и земскія дѣла были управляемы и судимы по своимъ, воинскія по своимъ, а мѣщанскія по своимъ давнимъ правамъ и обыкновеніямъ, особо избранными изъ мѣстныхъ шляхтичей, мѣщанъ и козаковъ лицами и чтобы одни дѣла никогда не были смѣшиваемы съ другими, „ибо отъ сего смѣшенія дѣлъ произошли всѣ непорядки и нестроенія въ М. Россіи, т. е. когда гетманы властію своею присвоили однимъ войсковымъ чиновникамъ всѣ дѣла и верховную апеляцію, взяли себѣ и тѣмъ отняли у шляхетства власть гражданскаго и земскаго управленія, власть, которая по нашимъ правамъ почи-

тается главною и вышнею воинской и въ которой шляхетство подтверждено при подданствѣ Б. Хмельницкаго и послѣ онаго чрезъ нѣкоторое время при опой состояло. Ваше величество положили уже сему основаніе всемилостивѣйшимъ возобновленіемъ подкоморскихъ и земскихъ судовъ; но сіи не могутъ быть дѣйствительные, есть ли главное правительство не на такомъ будетъ основаніи и не по тѣмъ правиламъ будетъ дѣйствовать, какъ и оные“ [1]). Подобныя же рѣчи о нестроеніяхъ, происходящихъ отъ умаленія власти и силы шляхетства и отъ соединенія въ однихъ органахъ предметовъ управленія, раздавались и раньше. Такъ, въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, на собраніи малороссіянъ въ одномъ изъ угловъ Черниговщины, неизвѣстный ораторъ доказывалъ, что разложеніе порядковъ Малороссіи произошло отъ того, что умалилась власть и сила шляхетства, а возросла и и почти все себѣ присвоила воинская сила [2]), а немного позже, въ 1764 году, малороссійская старшина и шляхетство въ своемъ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ также утверждали, что смѣшеніе воинскихъ дѣлъ съ гражданскими совершенно не разумно и нежелательно, ибо гражданскія дѣла „совсѣмъ другія учрежденія и порядки имѣютъ, нежели воинскія, и слѣдовательно съ оными никогда мѣшаться не должны“.

Такимъ образомъ, вопросъ о раздѣленіи властей стоялъ довольно ясно и въ представленіяхъ самихъ малороссіянъ и въ предначертаніяхъ правительства; но гораздо сложнѣе и сомнительнѣе былъ вопросъ объ усиленіи или возвращеніи власти шляхетству, власти узурпированной, по словамъ прошенія, гетманами въ пользу военныхъ чиновниковъ, ибо шляхетству предстояло здѣсь выяснить возстановленіемъ же какого „главнаго правительства“ въ Малороссіи оно полагаетъ возвратить себѣ эту узурпированную власть? Точныхъ разъясненій по этому предмету въ наказахъ не имѣется и, можетъ быть, потому, что это относилось къ числу вопросовъ, неразрѣшенныхъ къ обсужденію, что же касается общихъ намековъ, то шляхетство и здѣсь, какъ всегда,

---

[1]) Наказы, 182.

[2]) „Кіевская Старина“, 1882 г., октябрь, стр. 122.

глухо указывало на реституцію пунктовъ Б. Хмельницкаго, т. е. на то правительство, плоды дѣятельности котораго оно само осуждало. Въ пользу возстановленія гетманскаго уряда, если помнитъ читатель изъ первой главы, высказалось шляхетство нѣсколькихъ повѣтовъ на подготовительныхъ собраніяхъ по сочиненію наказовъ; диссонансомъ въ этомъ отношеніи являлся только черниговскій наказъ, упоминавшій о власти генералъ-губернатора. Но вообще вопросъ о „главномъ правительствѣ“ Малороссіи, въ виду молчанія многихъ наказовъ, мы считаемъ невыясненнымъ; можно съ увѣренностью только говорить, что какое бы ни было правительство, но шляхетство желало, чтобы представители его были избраны вольными голосами [1]) и чтобы власть правительства была ограничена шляхетскимъ участіемъ. Въ прошеніи, поданномъ въ коммиссіи, депутаты писали по этому поводу, что „внутреннія учрежденія, какъ-то: наложеніе податей, поборовъ, высылки на работы и прочія, чинимыя главнымъ правительствомъ *безъ согласія* нашего, служатъ также къ крайней обидѣ и отягощенію; ибо таковыя учрежденія по привилегіямъ нашимъ *должны дѣлаемы быть* и дѣланы были въ прежнія времена, *съ общаго согласія шляхетства и всѣхъ чиновныхъ людей на радахъ*, а въ дѣлахъ важнѣйшихъ требовано было согласіе и отъ другихъ чиновъ, какъ-то отъ мѣщанъ и козаковъ, и въ таковыхъ случаяхъ, когда и грамоты отъ предковъ вашего и. величества къ гетману присылаемы были, то всегда въ оныхъ предписывано, чтобы онъ, гетманъ, дѣлалъ таковыя внутреннія учрежденія и распоряженія на радѣ съ согласія старшинъ, войска и всего посполитства и чтобъ оныя не могли быть къ отягощенію и разоренію малороссійскаго народа и всегда была каждому уѣзду свобода на таковыя учрежденія соглашаться и представлять гетману и радѣ, что то или другое учрежденіе будетъ служить къ народному отягощенію“ [2]). Не безъинтересно вспомнить, что о томъ же участіи шляхетства въ дѣлахъ управленія были просьбы въ про-

[1]) Лубенцы просили, наприм., подтвердить имъ вольности, „по коимъ дозволено бы было по прежнему обыкновенію выбирать вольными голосами въ градскіе земскіе и воинскіе чины изъ между себя“.

[2]) Наказы, 183.

шеніи о возстановленіи старинныхъ правъ; въ немъ малороссіяне хлопотали о дозволеніи имъ однажды въ годъ, въ опредѣленное время, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, имѣть сеймы или генеральныя рады, какъ для общихъ постановленій, такъ и для совѣтовъ о нуждахъ народа, возникающихъ къ и. величеству, съ тѣмъ, чтобы новыя постановленія и дѣла, разрѣшенныя на этихъ сеймахъ, не имѣли силы до конфирмаціи ихъ верховной властью [1]). Сопоставляя стремленія шляхетства, выраженныя имъ въ двухъ прошеніяхъ, а также имѣя въ виду *поддержанное всѣми депутатами* мнѣніе Политики, „что правленіе дѣлъ въ Малороссіи послѣ государя должно зависѣть единственно отъ шляхетства", мы приходимъ къ несомнѣнному убѣжденію, что шляхетство хлопотало, во-первыхъ,—достигнуть самоуправленія и занять примирующее въ Украйнѣ положеніе, и во-вторыхъ, поддержавши совѣщательныя народныя собранія, какъ-то рады или сеймы, ограничить ими власть высшихъ правительственныхъ учрежденій Малороссіи, каковы бы они не оказались. Мѣщанству и козачеству прошеніе депутатовъ также отводило роль, но значительно меньшую, чѣмъ шляхетству; мѣщане и козаки имѣли созываться къ участію въ совѣтахъ только по дѣламъ особой важности, обыкновенные же, заурядные вопросы должны были разрѣшаться шляхтой и старшинами.

Очертивши общія, руководящія желанія шляхетства въ области внутренняго устроенія, обратимся теперь къ недостаткамъ, усмотрѣннымъ шляхетствомъ въ судѣ, уголовныхъ законахъ и отдѣльныхъ сферахъ управленія, и посмотримъ, какія мѣры оно предлагало къ ихъ устраненію.

Что касается суда, то всѣ наказы высказали удовольствіе по поводу возстановленія въ Малороссіи стараго судоустройства, т. е. судовъ земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ, и просили объ ихъ сохраненіи на будущія времена въ такомъ же видѣ, какъ они существуютъ, за немногими исключеніями [2]). Нужно

[1]) „Кіевская Старина", 1883 г., іюнь.

[2]) Прилуцкое шляхетство просило: „дабы по означеннымъ правамъ книги Статута намъ и на будущія времена въ учрежденныхъ по ея и. величества указу судахъ, на то по тѣмъ же правамъ выбираемыхъ судей судится подтверждено было". Наказы, стр 26. Въ такомъ же духѣ была просьба и лубенскаго шляхетства.

разъяснить, что реформа малороссійскаго судоустройства совершилась въ 1763 году по ходатайству гетмана Разумовскаго; вся Малороссія была раздѣлена на 20 повѣтовъ и въ каждомъ изъ нихъ для гражданскихъ дѣлъ былъ учрежденъ земскій судъ, открывавшій свои засѣданія трижды въ годъ: отъ Богоявленія до Пасхи, отъ св. Троицы до іюля и отъ октября до Рождества. Судья, подсудокъ и земскій писарь, составлявшіе судъ, выбирались вольными голосами изъ повѣтоваго шляхетства; такимъ же образомъ для уголовныхъ дѣлъ были установлены въ каждомъ полку суды гродскіе, полковникъ въ нихъ былъ предсѣдателемъ. Подкоморскіе суды были учреждены спеціально для дѣлъ поземельныхъ. Реформа 1763 года была привѣтствована всей Малороссіей, какъ первый шагъ къ раздѣленію гражданскаго и земскаго управленія отъ воинскаго; къ ней, какъ видно изъ прошенія депутатовъ, отнеслись съ большимъ сочувствіемъ, довѣріемъ и надеждами, чѣмъ и объясняется, что въ наказахъ не было другихъ просьбъ, кромѣ подтвержденія возстановленнаго судоустройства Л. Статута. Но не слѣдуетъ однако думать, что реформа 1763 года отличалась полнотой и законченностью: во первыхъ, она не возстановила „Трибунала“, т. е. высшаго судебнаго мѣста для разрѣшенія апелляціонныхъ жалобъ, приносимыхъ на рѣшенія судовъ земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ, а продолжавшій существовать для этой цѣли в. г. судъ не соотвѣтствовалъ духу остальной реформы; во-вторыхъ, какъ справедливо замѣтилъ черниговскій наказъ, реформа оставила безъ вниманія то обстоятельство, что суды земскіе и гродскіе, согласно Л. Статуту, были предоставлены только одному шляхетству, между тѣмъ по указу 1763 г. объ учрежденіи этихъ судовъ, подъ ихъ компетенцію подпали и козаки на томъ основаніи, что между ними и шляхетствомъ не было положено различія въ отношеніи общаго управленія. Незаконченность реформы составляла во всякомъ случаѣ ея слабую сторону: объ этомъ замѣтило и прошеніе депутатовъ въ краткихъ выраженіяхъ, „что земскіе и гродскіе суды не могутъ быть дѣйствительны, если главное правительство не на такомъ основаніи и не по тѣмъ же правиламъ дѣйствовать будетъ, какъ и оные“; что же касается уравненія козаковъ съ

шляхетствомъ въ отношеніи подсудности, то недостатокъ въ этомъ могло видѣть, конечно, только шляхетство, зараженное понятіями о сословности и желавшее ее видѣть даже тамъ, гдѣ должна бы дѣйствовать полная равноправность и равенство; но къ счастью, мы не можемъ назвать въ числѣ враговъ общаго для шляхетства и козаковъ суда никого, кромѣ черниговскаго шляхетства, да еще Политики, выставившаго положеніе—„что благородный долженъ судиться благороднымъ или по крайней мѣрѣ при депутатѣ отъ благородныхъ“.

Въ сферѣ процессуальнаго права намъ необходимо еще подчеркнуть весьма симпатичное желаніе черниговскаго шляхетства ввести у себя словесные суды для скорѣйшаго разрѣшенія маловажныхъ споровъ и тяжбъ. Указывая на это желаніе, нельзя не вспомнить, что словесные суды исключительно по торговымъ дѣламъ малороссійскаго купечества уже существовали недолгое время при гетманѣ Разумовскомъ, но въ 1758 году, по его ходатайству, были закрыты, какъ не пользовавшіеся сочувствіемъ малороссіянъ, недовольныхъ подчиненіемъ въ нихъ судьямъ—великороссамъ, ихъ нравамъ и обычаямъ; тѣмъ не менѣе этотъ неудачный прецедентъ не остановилъ черниговцевъ и они ходатайствовали о словесномъ судопроизводствѣ, находя, что оно освободитъ хотя мелкія дѣла отъ излишней волокиты и судебной канцелярщины. Хорошо извѣстно, что бумажное судопроизводство, особенно до 1763 года, не могло удовлетворить даже скромныхъ требованій относительно быстроты процесса; неясность и неопредѣленность законовъ еще болѣе способствовала тому, что стороны, не довольствуясь рѣшеніями первой инстанціи, проводили свои дѣла по безконечнымъ мытарствамъ и бывали случаи, какъ справедливо указывалъ въ своей запискѣ Тепловъ,—что пустые процессы объ отнятіи плети у козака или захватѣ гусей продолжались 8—16 лѣтъ; такъ что словесное судопроизводство принесло бы во многихъ случаяхъ несомнѣнную пользу.

Просьбы объ учрежденіи словесныхъ судовъ поступили также и отъ великорусскихъ дворянъ, они предлагали, подобно малороссіянамъ, дозволить имъ избирать изъ своей среды въ

каждомъ станѣ одного словеснаго судью для разбора небольшихъ, но не терпящихъ отлагательства дѣлъ, какъ напр., запашка чужой земли, увозъ сжатаго хлѣба, порубка лѣса и пр.; но существенное различіе между проектированными малороссійскимъ шляхетствомъ и великорусскими дворянами словесными судами заключалась въ томъ, что по проекту великороссіянъ на суды возлагались обязанности совершенно административнаго и полицейскаго характера, какъ-то заботы по содержанію дорогъ, раскладка повинностей, предупрежденіе грабежей, разбоевъ и пр. преступленій, что рѣшительно было несовмѣстно съ обязанностями независимаго, совѣстнаго судьи. Къ счастью, типъ суда со смѣшанными административными функціями не былъ принятъ во вниманіе императрицей и она при реформѣ губернскихъ учрежденій провела неизвѣстное великорусскимъ наказамъ раздѣленіе судебной и административной власти. Въ области матеріальнаго права нѣкоторые изъ шляхетскихъ наказовъ обратили свое вниманіе на суровые уголовные законы Лит. Статута и просили сдѣлать въ нихъ соотвѣтствующія измѣненія; но замѣчательно, что малороссійское шляхетство не обнаружило въ этомъ случаѣ тяготѣнія къ особымъ льготамъ въ области уголовщины и не страшилось, какъ нѣкоторые великорусскіе дворяне, мысли, что отъ „излишней къ нимъ строгости, каковая можетъ случиться отъ не различія наказаній, оно можетъ лишиться знатныхъ мыслей, которыя чрезъ долгое время родители въ нихъ тщились вложить“; напротивъ, наказъ черниговскаго шляхетства желалъ равенства всѣхъ предъ уголовной отвѣтственностью, возмущался несправедливостью въ этомъ отношеніи Л. Статута, полагавшаго, напримѣръ, (16 арт. 11 разд.) за убійство простаго человѣка, совершенное шляхтичемъ, наказаніе несоизмѣримо низшее, чѣмъ въ обратномъ случаѣ. Такой законъ, заявлялъ наказъ, „можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные и особливо достоинства шляхетскаго непріобрѣтшіе стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства“ [1]).

Другіе наказы совсѣмъ оставили этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія, и только Политика да депутатъ отъ козаковъ мирго-

[1]) Наказы, 11.

родскаго полка, Тимофеевъ, заявили въ засѣданіи коммиссіи, что дворяне должны быть свободны отъ тѣлесныхъ наказаній, пока за преступленія не лишены дворянства. Въ общемъ, содержаніе наказовъ въ области судебной можно суммировать въ желаніи шляхетства видѣть довершенной реформу 1763 года, съ вольнымъ избраніемъ изъ своей среды судей и въ смягченіи карательной системы дѣйствовавшаго въ Малороссіи Л. Статута. Въ этомъ выводѣ намъ интересны двѣ чрезвычайно поразительныя черты: во-первыхъ удивляетъ, что Малороссія чрезъ 113 лѣтъ жизни подъ новымъ подданствомъ не только не усовершенствовала и не развила своего исконнаго судопроизводства, но настолько его исковеркала и испортила, что въ 1763 году весьма обрадовалась, когда ей возвратили старые суды Л. Статута, а въ 1767 году она, въ наказахъ, ничего почти серьезнаго не требовала, кромѣ сохраненія существующаго, по указу 1763 г., судоустройства. Здѣсь мы наблюдаемъ поразительный случай регресса, объясняемаго тѣмъ, что послѣ козацкихъ побѣдъ на сцену малорусской жизни выступили менѣе культурные слои населенія, и хотя они, эта новая Малороссія, хлопотали постоянно предъ русскимъ правительствомъ о сохраненіи своихъ правъ и обычаевъ и правительство на бумагѣ никогда не отказывало въ подтвержденіи, но, правду сказать, объ стороны плохо понимали, что они дѣлали и Кистяковскій справедливо по этому случаю замѣтилъ, „что Малороссія сама измѣнила судопроизводство Л. Статута *въ то время, когда она хлопотала* объ оставленіи правъ и звычаевъ стародавнихъ, выдавая новое судоустройство какъ за такое, которое было на этихъ правахъ основано, и не замѣчая разницы между нимъ и старымъ“.

Вторая черта въ томъ, что наказы, кромѣ черниговскаго, оставались довольны матеріальнымъ правомъ Л. Статута, какъ будто бы составителямъ ихъ не было извѣстно, что право Л. Статута оффиціально было признано самими малорусскими правителями устарѣлымъ и что надъ обновленіемъ его и сведеніемъ всѣхъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, правъ давно уже (съ 1728 г.) работала особая коммиссія, результатомъ дѣятельности которой были „Права, по которымъ судится малорос. народъ“.

Въ данномъ случаѣ насъ удивляетъ, что наказы совершенно не обратили вниманія на этотъ законодательный трудъ своихъ же юристовъ, а просьбами о сохраненіи Л. Статута они какъ бы признали полнѣйшую его негодность или, быть можетъ, что еще постыднѣе, выказали совершенное незнакомство съ нимъ. Такимъ образомъ, весьма важный и полезный трудъ по сведенію и обновленію малороссійскаго законодательства, по странной иронiи судьбы, не нашелъ въ свою защиту въ наказахъ ни единаго слова, а напротивъ они высказались за сохраненіе уже ранѣе осужденнаго права!

Остается еще коснуться теперь крайне интересныхъ данныхъ относительно желанія шляхетства расширить средства образованія для своего юношества; къ чести шляхетства, скажемъ, что оно было исполнено самыхъ благихъ намѣреній поставить надлежащимъ образомъ у себя дѣло образованія и дать своимъ дѣтямъ возможность безъ выѣзда въ заграничныя школы и университеты или великорусскія училища обучаться дома всѣмъ наукамъ, необходимымъ для частной жизни и для государственной дѣятельности.

Просьбы объ улучшеніи образованія въ Малороссіи заставляютъ насъ сказать здѣсь, что положеніе его въ прошломъ вѣкѣ было крайне незавидно и не только не могло удовлетворить жажды малороссійскаго юношества къ свободнымъ наукамъ, но не было даже въ состояніи дать ему самыхъ скромныхъ познаній, ибо уровень образованія по возсоединеніи Малороссіи и сами образовательныя средства не увеличились, а уменьшились и пришли въ упадокъ. Образованіе въ 18-мъ вѣкѣ, какъ и при блаженной памяти П. Могилѣ, оставалось въ рукахъ лицъ духовнаго званія и носило церковно-схоластическій характеръ; юношество, за отсутствіемъ свѣтскихъ училищъ, начинало обыкновенно свое образованіе дома отъ какого-нибудь дьячка или блуждающаго учителя; затѣмъ дѣти болѣе зажиточныхъ фамилій отправлялись для обученія высшимъ наукамъ въ черниговскую или переяславскую семинаріи и въ кіевскую академію.

Что касается Великороссіи, то хотя тамъ состояніе образованія было также незавидно, но тѣмъ не менѣе она имѣла у

себя нѣсколько дворянскихъ училищъ и шляхетскихъ корпусовъ съ профессіональнымъ направленіемъ, куда малороссіяне попадали съ большимъ трудомъ, такъ какъ сенатъ подтвердилъ не принимать малороссіянъ въ шляхетскій корпусъ, „поелику де въ М. Россіи нѣтъ дворянъ“. Въ послѣднее время великороссіяне пріобрѣли новое образовательное учрежденіе съ открытіемъ московскаго университета и изъ учениковъ малороссіянъ успѣли стать ихъ учителями. Украинцы плакались на безотрадное положеніе своего просвѣщенія: до послѣдняго времени—писали черниговцы—на воспитаніе юношества въ Малороссіи не было обращено почти никакого вниманія, въ силу чего за отсутствіемъ порядочныхъ воспитательныхъ домовъ и училищъ образованіе получаютъ только дѣти достаточныхъ семей, имѣющихъ средства отправить дѣтей въ С.-Петербургъ, Москву и чужіе края; несостоятельныя же фамиліи вынуждены отказывать себѣ въ этой необходимой потребности и оставляютъ своихъ дѣтей расти безъ всякаго развитія и часто въ тягость обществу. Еще хуже этого, судя по наказамъ, обстояло дѣло женскаго образованія, ибо если юношество могло учиться въ чужихъ краяхъ, то для дѣвушекъ это средство было совершенно невозможно и поэтому „женскій полъ былъ также оставленъ безъ надлежащаго призрѣнія и ученія“. Для устраненія недостатковъ отъ отсутствія образованія, а также въ виду того, „что безъ добраго воспитанія нельзя быть искуснымъ и храбрымъ военачальникомъ, мудрымъ государственнымъ служителемъ, справедливымъ судьею гражданамъ общества“, черниговцы просили учредить въ Малороссіи дворянскій корпусъ, въ которомъ бы малороссійскимъ дворянамъ можно было бы изучить все, что полезно благородному человѣку въ военной и гражданской службахъ [1]). Тотъ же черниговскій, а также и переяславскій наказы хлопотали еще объ учрежденіи для женскаго пола особаго дома воспитанія съ тѣмъ, что бы въ немъ, по усмотрѣнію императрицы, преподавались необходимыя для женщинъ науки.

Что касается высшаго образованія или, какъ выражались наказы, обученія высшимъ наукамъ, „которыми ученые люди

[1]) Наказы, 14.

государственной и собственной каждаго пользѣ въ домостроительствѣ и прочемъ жизни человѣческой нужнымъ служить могутъ", то оно также было предметомъ заботъ шляхетства и черниговцы, глуховцы и переяславцы хлопотали объ учрежденіи въ Малороссіи своего университета; они надѣялись, что извѣстная своими заботами о просвѣщеніи и либерально настроенная Екатерина сочувственно отнесется къ мысли объ учрежденіи университета въ Малороссіи и даруетъ ему привилегіи, подобно тому, какъ это было сдѣлано польскими королями для академій львовской, краковской и кіевской. Переяславское шляхетство, прося объ учрежденіи въ Малороссіи университета, находило, что наиболѣе подходящимъ для него мѣстомъ можетъ быть г. Переяславъ, какъ „не послѣдній между малороссійскими городами" и какъ пользующійся исторической извѣстностью; а на содержаніе университета переяславцы совѣтовали употреблять таможенные доходы, получаемые въ Малороссіи. Однако, сколь ни пріятны стремленія шляхетства къ просвѣщенію, но мы не можемъ утаить, что ни одинъ изъ наказовъ не шелъ далѣе непосредственныхъ заботъ объ образованіи своего сословія и что требованія шляхетства по этому вопросу стояли ниже, чѣмъ въ прошеніи 1764 г. Во первыхъ, въ 1764 году старшины и шляхетство находило нужнымъ учредить въ Малороссіи 2 университета и нѣсколько гимназій съ типографіями для печатанія гражданскихъ и духовныхъ книгъ; одинъ изъ университетовъ предполагалось учредить въ Кіевѣ, на мѣстѣ Кіево-Братскаго монастыря, изъ котораго монахи должны быть выведены, такъ какъ, по замѣчанію прошенія, при основаніи кіевскихъ школъ тамъ не было монастыря, а одно только братство; второй университетъ просители полагали завести въ Батуринѣ, а гимназіи въ тѣхъ городахъ, которые они сами сочтутъ наиболѣе способными. Во вторыхъ, существенное отличіе наказовъ отъ прошенія по вопросу объ учрежденіи учебныхъ заведеній состояло и въ томъ, что проектируемые прошеніемъ университеты и гимназіи должны были служить вообще „пользѣ малороссійскаго народа", между тѣмъ наказы ясно требовали *шляхетскихъ* корпусовъ, подобно великороссійскому дворянству. Сословность въ

образованіи—черта совершенно новая для Малороссіи: старыя греко-латинскія школы не различали сословій и въ нихъ одинаково находили себѣ пріютъ дѣти знатной старшины, шляхетства, духовенства, козаковъ и даже посполитыхъ. Теперь шляхетство, ради выдѣленія себя изъ остальной массы, заявило претензію на заведеніе для себя особыхъ корпусовъ для юношества и воспитательныхъ домовъ для дѣвицъ и въ этихъ вожделѣніяхъ вполнѣ присоединялось къ великорусскимъ дворянамъ, не представлявшимъ себѣ обученія дѣтей иначе, какъ въ школахъ, доступныхъ одному дворянству. Впрочемъ, мы должны оговориться въ томъ смыслѣ, что наше шляхетство вовсе не желало сдѣлать образованіе монополіей своего сословія; оно стремилось только обезпечить своимъ дѣтямъ воспитаніе на счетъ государства, а въ остальномъ умывало руки, хотя и не отрицало права остальныхъ сословій заводить свои учебныя заведенія, такъ какъ, говорилъ депутатъ Золотницкій, заведеніе училищъ не можетъ быть предметомъ преимущества дворянъ [1]).

Послѣ сказаннаго нами о просвѣщеніи прибавимъ еще нѣсколько словъ по поводу заявленій наказовъ относительно свободы торговли и промысловъ и учрежденія дворянскаго банка. Обращаясь къ первому, необходимо замѣтить, что въ Екатерининской коммиссіи вопросъ о свободѣ торговли понимался вовсе не въ современномъ смыслѣ этого слова „laissez faire, laissez passer“, а только въ смыслѣ расширенія права занятія торгомъ и на другія сословія, кромѣ купеческаго, которому торгъ и промыслы были присвоены, какъ профессія, и ограждены закономъ отъ посягательства другихъ сословій, подобно тому, какъ владѣніе крѣпостными людьми было дозволено одному дворянству. Между тѣмъ послѣднее, поднявши въ коммиссіи вопросъ о торговлѣ, находило, что занятіе ею не должно составлять исключительно права купеческаго сословія, а должно быть предоставлено и дворянамъ, и это требованіе вызвало оживленныя препія между купечествомъ и дворянами. Что касается Малороссіи, то ея положеніе въ этомъ было нѣсколько иное: во первыхъ, въ

[1]) Сб. Им. Рус. Ист. Об. т. 36, стр. 306.

пей не было раздѣленія занятій по сословіямъ, ибо Статутъ давалъ полную свободу изобрѣтательности каждаго и, во вторыхъ, самый вопросъ о торговлѣ и промышленности не имѣлъ въ ней такого значенія, какъ въ Великороссіи, ибо Малороссія—страна земледѣльческая, торговля ея была слаба, а промышленность ограничивалась обработкой льна, пеньки, шерсти и пр. и добываніемъ желѣза, селитры, а въ особенности Малороссія была извѣстна винокуреніемъ. Этимъ достаточно объясняется, что на вопросъ о торговлѣ и промыслахъ шляхетство мало обратило вниманія, но въ принципѣ оно стояло за полнѣйшую ихъ свободу и черниговскій наказъ, напримѣръ, хлопоталъ, дабы шляхетству было предоставлено право торговли и вывоза всѣхъ своихъ произведеній за границу [1]); другіе наказы съ явнымъ неудовольствіемъ высказались противъ обложенія торговли какими-бы то ни было пошлинами и противъ установленія ихъ на соль и вино „для прибытку государства“ [2]) больше же всего въ наказахъ поступило прошеній о дозволеніи свободнаго винокуренія и безпошлинной торговли виномъ, при чемъ это право разсматривалось, какъ возмездіе за безплатную службу шляхетства государству. Объ учрежденіи въ Малороссіи банковъ, по примѣру открытыхъ въ то время въ Москвѣ и Петербургѣ, встрѣчались просьбы въ наказахъ черниговскомъ и переяславскомъ; въ нихъ шляхетство жаловалось, что за отсутствіемъ банковъ оно вынуждено закладывать свои имѣнія за большіе проценты и тѣмъ разорять ихъ или даже доводить до продажи, и что неимѣніе въ оборотѣ свободныхъ капиталовъ лишаетъ его возможности распространять въ малороссійскомъ краѣ „коммерцію и промыслы“ и препятствуетъ увеличенію богатства. Въ виду этого, оно просило учрежденія для себя банковъ на такомъ основаніи, „какъ оный въ Россіи для дворянъ заведенъ“, и предлагало проценты съ оборотовъ отдавать на содержаніе „воспиталищъ и училищъ, яко благое и полезное всей имперіи дѣло [3])“.

---

[1]) Наказы, стр. 18.

[2]) Ibid., стр. 6. и Сб. Р. И. И. Общ., т. 32, стр. 316.

[3]) Наказы, стр. 22, 45.

Теперь намъ предстоитъ закончить нашъ очеркъ нѣсколькими замѣчаніями, касающимися недостатковъ, усмотрѣнныхъ въ состояніи и устройствѣ военныхъ силъ въ Малороссіи. Казалось-бы, что при полувоенномъ состояніи быта Украины вопросъ этотъ долженъ бы занять вниманіе многихъ наказовъ, на дѣлѣ жъ только черниговскій наказъ довольно вяло и поверхностно коснулся этого живаго и крайне важнаго предмета; онъ находилъ, что наличное состояніе козацкой службы, ея организаціи и порядковъ настолько плохо, что не можетъ удовлетворить благороднымъ стремленіямъ шляхетства служить на военномъ поприщѣ и научаться военному дѣлу, и что за неимѣніемъ въ Малороссіи другого рода войскъ шляхетству приходится бросать козацкіе полки и поступать въ великорусскую армію. Разбирая затѣмъ причины дурнаго состоянія козачьей службы, черниговскій наказъ, минуя дѣйствительныя и главныя, наиболѣе важной изъ нихъ выставилъ ни что иное, какъ „безпорядочное не по старшинству и заслугамъ, но общимъ выборомъ и усмотрѣніемъ властей производство въ чины и назначеніе на должности“, въ силу чего лучшіе люди коснѣютъ въ однихъ чинахъ, а незаслуженные похищаютъ лучшія должности и козаки приходятъ въ безпорядокъ и упадокъ. Наказъ не указывалъ, какія необходимы мѣры къ исправленію козачьей службы, но хлопоталъ, чтобы служба шляхетства была обращена „въ болѣе порядочную, званію приличную и государству прочнѣйшую, дабы шляхетство, начиная въ такихъ полкахъ служить отъ нижнихъ чиновъ и восходя по ступенямъ могло учинять себя достойными охранителями имперіи и полезными гражданами общества“ [1]). Въ итогѣ, слѣдовательно, заботы черниговцевъ сводились не къ улучшенію состоянія козачьихъ войскъ, а къ наиболѣе правильному и законному производству въ чины и назначенію на должности. Черта довольно характерная, какъ свидѣтельство эгоистическихъ и мелочныхъ побужденій шляхетства!

Стараясь быть по возможности краткими, мы изложили почти всѣ нужды и желанія исключительно шляхетскаго, сослов-

[1]) Наказы, 15.

наго характера, имѣвшія, на нашъ взглядъ, наиболѣе выдающееся значеніе и характеризующія наиболѣе выпукло сословныя тяготѣнія конца 18 вѣка; можно бы еще упомянуть о разсѣянныхъ въ различныхъ наказахъ мелкихъ замѣткахъ, не имѣвшихъ особой важности, а также желаніяхъ, касавшихся всѣхъ сословій, какъ напр., отмѣнѣ генеральной описи, коммиссіи для разбора жалобъ малороссіянъ на великорусскихъ чиновниковъ и проч., но мы не дѣлаемъ этого, надѣясь заняться ими при разборѣ наказовъ отъ другихъ сословій, теперь же взглянемъ, что было сдѣлано Екатериной въ удовлетвореніе заявленныхъ шляхетствомъ прошеній.

О томъ, какъ разрѣшился вопросъ о децентрализаціи и были-ли подтверждены Малороссіи пункты Б. Хмельницкаго и привилегіи королей польскихъ—говорить много нечего. Отвѣтъ извѣстенъ.

Настоящая Малороссія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что рука Екатерины направила Украину совсѣмъ не той дорогой, которой желало идти инертное шляхетство. Отъ козачины, гетманскаго режима, самобытныхъ порядковъ не осталось и тѣни. Мечты и помышленія шляхетства объ отдаленной старинѣ съ ея радами и сеймами, съ избраніемъ начальниковъ вольными всѣхъ чиновъ голосами не получили никакого осуществленія. Послѣ созыва коммиссіи автономія Украйны не только не возросла и не окрѣпла, но совсѣмъ пала, а власть генералъ-губернатора расширилась еще болѣе. Шляхетству малорусскому было отказано въ желаніи создать изъ Украйны status in statu, но что касается затѣмъ болѣе умѣренныхъ желаній, то оно во многомъ получило удовлетвореніе.

Прежде всего, конечно, любопытно знать, какъ разрѣшился вопросъ о нобилитаціи малороссійскаго шляхетства? Желанія южно-русскаго шляхетства, говоритъ г. Латкинъ по этому поводу, были уважены императрицей и тремя мѣрами, совершено объединеніе его въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ: образованіемъ 3-хъ малороссійскихъ губерній въ 1782 году южно-русскому шляхетству было предоставлено въ выборѣ чиновъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ право, какое учрежденіемъ о губерніяхъ (въ 1775 г.) даровано русскому дворян-

ству; указомъ 3 мая 1783 года, лишившимъ малороссійское поспольство права свободнаго перехода, и жалованной грамотой 1785 г., *распространенной и на малороссійское шляхетство*". По вопросу о нобилитаціи нужно присовокупить, что волей императрицы малорусское шляхетство было легализировано и въ составъ его вошли всѣ чины генеральной старшины, а изъ полковой—полковники, обозные, есаулы, хорунжіе, полковые и городскіе судьи и сотники. Для разбора малороссійскаго дворянства и составленія родословныхъ книгъ въ томъ же году были образованы коммиссіи, но работы ихъ не отличались добросовѣстностью и, благодаря злоупотребленіямъ и подкупамъ, многіе простые козаки и крестьяне попали въ дворяне, купивъ себѣ чрезъ евреевъ у поляковъ подложныя свидѣтельства о принадлежности къ небывалымъ польскимъ фамиліямъ.

Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г., распространеннымъ въ 1782 г. и на Малороссію, желанія шляхетства относительно мѣстнаго управленія также получили до извѣстной степени удовлетвореніе; не были, само собой разумѣется, уважены желанія такого крайняго направленія, какого держался Политика и солидарные съ нимъ наказы, но административное управленіе уѣздомъ, судъ и земское хозяйство были, если не всецѣло, то въ значительной мѣрѣ переданы въ руки дворянъ, которые въ силу этого заняли господствующее положеніе въ государствѣ и низвели остальные классы до положенія служебныхъ органовъ.

Между тѣмъ учрежденіе 3-хъ малороссійскихъ губерній вовсе не было желанной шляхетству реформой въ смыслѣ порядка внутренняго управленія; уничтоженіе гродскихъ, земскихъ и магистратскихъ судовъ и замѣна ихъ судами съ устройствомъ, установленнымъ учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г., также не отвѣчало вожделѣніямъ шляхетства, стремившагося развить возстановленное Разумовскимъ судоустройство до состоянія, намѣченнаго Л. Статутомъ.

Впрочемъ, малороссійскіе законы—Л. Статутъ и Магдебургское право—до поры до времени были оставлены, въ качествѣ дѣйствующихъ, но уваженіе имъ было сдѣлано потому, что не представлялось возможнымъ замѣнить ихъ великорусскимъ

правомъ, изображавшимъ полнѣйшій хаосъ и весьма устарѣлымъ.

Сдѣланное Екатериной для Малороссіи въ области просвѣщенія также оставляло желать много лучшаго. Достаточно сказать, что ни одинъ изъ университетовъ, о которыхъ хлопотало шляхетство, открытъ не былъ, шляхетскіе корпуса, гимназіи и воспитательные для дѣвицъ дома и училища также заведены не были. Вмѣсто того Екатерина учредила въ каждой губерніи училища, издавъ извѣстный училищный уставъ 1786 года.

Что касается просьбъ малороссійскаго шляхетства относительно учрежденія банковъ, то до извѣстной степени желанія шляхетства, говоритъ г. Латкинъ [1]), были исполнены. 19 іюля 1783 г. императрица предписала выдавать изъ дворянскаго банка ссуды малороссійскимъ и смоленскимъ помѣщикамъ подъ залогъ ихъ имѣній; малорусскіе помѣщики, слѣдовательно, не добились учрежденія своего банка, но не были лишены права пользоваться займомъ въ великорусскихъ банкахъ.

Однимъ словомъ, шляхетству даны были извѣстныя права, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно утеряло послѣднюю оболочку самобытности.

Нужно-ли было и такимъ-ли путемъ слѣдовало шляхетству отстаивать свою самобытность,—это вопросъ, который не входитъ въ скромныя задачи нашего очерка, но мы не можемъ не сказать, что оно не представило достаточно ясной программы тѣхъ порядковъ, которые оно желало сохранить среди измѣнившихся условій жизни, и не обнаружило надлежащаго пониманія самихъ этихъ условій.

ГЛАВА 3.

Духовенство [2]).

Въ первой главѣ нашего очерка мы уже имѣли случай замѣтить, что духовенство, какъ сословіе, не было представлено въ коммиссіи; только синодъ, подобно всѣмъ высшимъ правитель-

---

[1]) Ibid, стр. 279.

[2]) Сб. и. р. и. об., т. 43.

ственнымъ учрежденіямъ, имѣлъ въ коммиссіи своего депутата съ наказомъ, составленнымъ синодальными членами безъ всякаго участія остальнаго духовенства. Что касается малорусскаго духовенства, то оно было поставлено въ нѣсколько иныя условія: въ сентябрѣ 1767 г. синодъ, въ уваженіе мѣстныхъ особенностей малороссіянъ, послалъ указы митрополиту кіевскому, епископамъ черниговскому и переяславскому, а также монастырямъ Кіево-Печерскому и Межигорскому съ требованіемъ сочинить „обстоятельные пункты“ о грунтахъ, маетностяхъ и прочихъ выгодностяхъ, принадлежащихъ малорос. духовенству [1]). Малороссійскіе епископы, для отвѣта на полученные указы, обратились къ содѣйствію духовенства своихъ епархій. Такимъ образомъ, въ кіевской епархіи былъ составленъ одинъ общій отвѣтъ отъ монашествующихъ и бѣлаго духовенства; въ двухъ остальныхъ епархіяхъ бѣлое духовенство обсуждало свои нужды и желанія отдѣльно отъ чернаго и представило особые отъ него пункты. Ставропигіальные монастыри также представили особые пункты.

По полученіи въ синодѣ пунктовъ, возникъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ ими должно пользоваться при составленіи проекта новаго уложенія. Синодальный оберъ-прокуроръ Мелесснно предложилъ разсматривать малорос. пункты еженедѣльно по средамъ, съ устраненіемъ всѣхъ прочихъ дѣлъ; синодъ принялъ это предложеніе и результатомъ предварительнаго разсмотрѣнія пунктовъ было раздѣленіе ихъ на 3 группы: а) пункты, копіи съ которыхъ должно препроводить синодальному депутату въ дополненіе къ наказу; б) пункты, копіи которыхъ должно препроводить тому же депутату, но не въ прибавленіе къ наказу, а на его разсмотрѣніе и в) пункты, которые опредѣлено отставить. Указаннымъ раздѣленіемъ пунктовъ синодъ занимался всего въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, но онѣ растянулись болѣе, чѣмъ на полгода: начавшись съ 12-го мая 1768 г., только 3-го февраля слѣдующаго года былъ утвержденъ окончательный реестръ пунктовъ по всѣмъ епархіямъ. Для насъ, пишущихъ очеркъ нуждъ и желаній малорос. духовенства, нѣтъ особой нужды вдаваться

[1]) Предисловіе къ 43 т. Сб. и. р. и. об.

въ соображенія синода, руководившія имъ при группировкѣ пунктовъ, ибо для насъ всѣ пункты одинаково важны, да кромѣ того и самая группировка ихъ не достигла своей цѣли, такъ какъ труды духовенства не пошли далѣе синода и не были разсмотрѣны въ коммиссіи. Относительно впѣшности „пунктовъ“ стоитъ также сказать нѣсколько словъ. Пункты кіевской епархіи состоятъ изъ 74 номеровъ, занимающихъ 127 стр. довольно компактной печати; уже самый объемъ указываетъ, что они должны отличаться большой полнотой и содержаніемъ, и дѣйствительно,—это весьма обширная, обстоятельная и разносторонняя работа, написанная искусной рукой и лицами, близко знакомыми не только съ современнымъ положеніемъ своего сословія, съ его правами и прерогативами, но и со всей прошлой исторіей. Кіевскіе пункты не простое заявленіе нуждъ и желаній духовенства, но обширная диссертація на тему о преимуществахъ старыхъ вольностей духовенства; это защита правъ, основанная на глубокомъ знакомствѣ составителей съ своимъ предметомъ, что было естественно, такъ какъ среди нихъ находились образованнѣйшіе представители духовенства. Кіевскіе пункты, какъ уже сказано, составлены совмѣстно отъ чернаго и бѣлаго духовенства; они подписаны митрополитомъ кіевскимъ Арсеніемъ, архимандритами всѣхъ кіевскихъ монастырей, протопопами кіевскими, а также борзенскимъ, прилуцкимъ, полтавскимъ, лубенскимъ, глуховскимъ, миргородскимъ, гадяцкимъ и другими со всѣмъ подчиненнымъ имъ священствомъ. Что касается пунктовъ черниговской и переяславской епархій и монастырей К.-Печерскаго и Межигорскаго, то они не такъ обширны и подробны, какъ кіевскіе, въ нихъ находится всего десятокъ—другой номеровъ, большею частью довольно кратко резюмирующихъ наиглавнѣйшія вожделѣнія своихъ составителей, но, несмотря на краткость и сравнительную съ кіевскими бѣдность содержанія, они тѣмъ не менѣе представляютъ все, что было наиболѣе наболѣвшаго и жгучаго въ средѣ духовенства. Подписаны пункты такъ же, какъ и кіевскіе, представителями чернаго и бѣлаго духовенства. По своему содержанію пункты малорос. епархій касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, какъ самого

духовенства, такъ и его паствы; въ нихъ мы найдемъ заботы по предметамъ церковно-іерархическаго устройства, духовнаго суда, управленія, просвѣщенія, экономическаго благосостоянія церквей, монастырей и пр.; въ нихъ также встрѣчаются и спеціальныя заботы духовенства о своемъ собственномъ сословіи, въ смыслѣ возвышенія его соціальнаго и экономическаго развитія и приравненія къ шляхетству; особенно много, какъ и слѣдовало ожидать, пункты посвящаютъ вниманія вопросамъ экономическимъ, касающимся „грунтовъ и маетностей". Затѣмъ, въ нихъ немало разсѣяно всякаго рода жалобъ—на помѣщиковъ, козаковъ, посполитыхъ, но въ особенности на свѣтскихъ начальниковъ и великорусскихъ командировъ, съ неуваженіемъ и дерзостью относившихся къ представителямъ духовной власти. Все это разнообразное содержаніе пунктовъ представлено различными епархіями въ различномъ порядкѣ, но чтобы уложить его предъ читателемъ съ большею или меньшей послѣдовательностью и отчетливостью, мы не будемъ слѣдовать пунктамъ, а займемся сначала главнѣйшими заявленіями духовенства, касающимися интересовъ церковной іерархіи, суда, управленія, просвѣщенія, книгопечатанія и затѣмъ уже перейдемъ къ болѣе прямымъ нуждамъ духовенства, какъ сословія.

Обращаясь къ недостаткамъ и желаніямъ духовенства первой категоріи, мы должны оговориться, что разработкой ихъ занялись по преимуществу кіевскіе пункты, среди составителей которыхъ находились лица, стоявшія на верху церковной іерархіи и потому близко знакомыя съ больными и темными сторонами малорусской церкви и ея служителей. Что касается пунктовъ остальныхъ епархій, то потому ли что составители ихъ буквально поняли указъ синода относительно „грунтовъ и маетностей", или потому, что они стояли вдали отъ центровъ церковнаго управленія, но они слабо коснулись вопросовъ первой категоріи и ограничили свои заявленія небольшимъ кругомъ экономическихъ интересовъ, почему большая часть того, что мы будемъ говорить, относится къ кіевскимъ пунктамъ.

Что же заявили представители кіевской епархіи, какія они выставили нужды малороссійскаго духовенства и церкви по са-

мымъ коренным вопросамъ ихъ существованія? Что было сказано относительно правъ и привилегій малороссійскаго духовенства, его іерархіи, суда, управленія, просвѣщенія и прочихъ интересовъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы прежде всего остановимся на 36-мъ пунктѣ кіевской епархіи, въ которомъ наиболѣе полно и сжато сосредоточены и желанія малороссійскаго духовенства, и права и преимущества, объ удержаніи которыхъ оно дѣятельно хлопотало. Въ этомъ пунктѣ говорится, что кіевскіе митрополиты отъ самаго крещенія Руси находились со всѣми подлежащими имъ епископіями, архимандритствами, монастырями и всѣмъ духовнымъ чиномъ подъ благословеніемъ и послушаніемъ константинопольскихъ патріарховъ, отъ которыхъ принимали рукоположеніе и возведеніе на престолъ. Сначала кіевскіе митрополиты титуловались „кіевскими, галицкими и всея Россіи“, но когда, кромѣ митрополита въ Кіевѣ, сталъ еще митрополитъ въ Москвѣ, то къ слову „всея Россіи“ прибавили „Малыя“. При королях польскихъ и князьяхъ литовскихъ митрополиты всегда со всѣми подвѣдомыми имъ епископіями, игуменствами, братствами и со всѣмъ духовнымъ чиномъ пользовались правами и преимуществами, „какъ и знатное малороссійское шляхетство“. Когда же Б. Хмельницкій „ради единовѣрія“ поступилъ подъ державу царя Алексѣя Михайловича, то и послѣдній въ жалованныхъ всѣмъ малороссійскимъ чинамъ, въ томъ числѣ и духовенству, грамотахъ обѣщалъ содержать весь малороссійскій народъ на старыхъ правахъ и вольностяхъ. При царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ зависимость кіевскаго митрополита отъ константинопольскаго патріарха измѣнилась: въ 1685 г. по стѣсненнымъ политическимъ условіямъ, малороссійское духовенство и народъ, въ угоду Москвѣ, просили государей Іоанна и Петра быть кіевскому митрополиту подъ послушаніемъ патріарха московскаго. Нечего и говорить, что прошеніе это, подготовленное самой Москвой, было въ ней встрѣчено сочувственно и вновь избранный митрополитъ Гедеонъ Четвертинскій воспріялъ посвященіе и возведеніе на престолъ отъ московскаго патріарха.

Этимъ событіемъ Малороссія въ отношеніи церковнаго управленія была уже въ сущности поставлена въ зависимость отъ Москвы, но чтобы скрасить дѣйствительность и не вызвать неудовольствія малороссіянъ, московскіе государи дали митрополиту Гедеону и всему духовному чину жалованную грамоту, подтверждавшую за ними всѣ прежнія права и преимущества. Сущность этой грамоты состояла въ томъ, что кіевская епархія должна быть первой между великороссійскими, что судъ митрополита кіевскаго долженъ происходить по тѣмъ же правамъ и обычаямъ, что и при патріархахъ константинопольскихъ, и московскіе патріархи не должны въ него вступаться и принимать челобитныхъ; что кіевская епархія „въ отношеніи митрополичьей чести, духовнаго чина, церковнаго начала (т. е. церковныхъ правилъ), а также вольностей и правъ обыклыхъ“ должна по старому пребывать въ положеніи полнѣйшей автономіи.

Кромѣ того, той же грамотой опредѣлялось, что въ послушаніи кіевскаго митрополита должны всегда находиться архіереи черниговскій и новгородскій, архимандриты Кіево-Печерской лавры и монастырей черниговской епархіи, а также всѣ тѣ епископіи, архимандріи, игуменства и братства, которыя издавна къ кіевской митрополіи принадлежали. Относительно порядка замѣщенія митрополичьей каѳедры грамота точно установляла, что митрополитъ долженъ быть избираемъ „вольной элекціей“ и кромѣ того непремѣнно „изъ природныхъ малороссіянъ“ и что московскіе государи не будутъ его вызывать въ Москву на годичное или полугодичное пребываніе, подобно великорусскимъ преосвященнымъ. Зная слабое развитіе Москвы, въ отношеніи просвѣщенія, косность ея въ предразсудкахъ и недовѣріе ко всему, что носило имя латинства, малороссійское духовенство выговорило себѣ въ жалованной грамотѣ право производить самостоятельное печатаніе книгъ и невозбранно обучать своихъ дѣтей латинскому и греческому языкамъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ.

Жалованная грамота 1685 года, содержаніе которой мы только что привели, заключала въ себѣ основныя права малороссійскаго духовенства, она для него то же, что договорныя статьи Б. Хмельницкаго для остальной Малороссіи, и потому

составители пунктовъ — митрополитъ кіевскій и весь духовный чинъ — просили императрицу подтвердить ее павѣки и „на то милостивую жалованную грамоту дать“. Всѣ дальнѣйшія просьбы духовенства служатъ въ сущности только развитіемъ этой главной просьбы. Такъ, отстаивая съ особымъ усердіемъ независимость малороссійской церковной іерархіи, кіевское духовенство стремилось удержать въ своихъ рукахъ замѣщеніе свободныхъ должностей своими избранниками, а такъ какъ главнымъ лицемъ церковной іерархіи былъ митрополитъ, то оно неоднократно (пункты 36, 66) просило предоставить избраніе его самому духовенству „вольными голосами изъ природныхъ малороссіянъ“. Просьба о свободномъ избраніи митрополита невольно напоминаетъ собой просьбу шляхетства и козаковъ о вольномъ избраніи гетмана и нельзя сказать, чтобы аналогія въ данномъ случаѣ не шла далѣе видимаго сходства, ибо принципъ свободнаго избранія начальниковъ одинаково проникалъ у малороссіянъ и духовныя и свѣтскія сферы и извѣстно, что духовные пастыри малороссіянъ были такими же выборными лицами, какъ и органы военной и гражданской власти. Что касается сходства въ просьбахъ объ избраніи гетмана и митрополита, то оно ясно и мотивы его весьма понятны: гетманъ—первое лицо въ управленіи воинскомъ и гражданскомъ, митрополитъ—также первое лицо въ управленіи церковномъ, онъ высшій органъ духовной власти. Поставить въ зависимость отъ себя избраніе такихъ органовъ значило обезпечить себѣ въ извѣстной мѣрѣ вліяніе на дѣла управленія, чего и добивались избиратели. Конечно, въ эпоху Екатерины II избраніе митрополита не могло отличаться чрезвычайностью, но ранѣе въ смутную эпоху, замѣчаетъ Костомаровъ въ своей монографіи „Руина“—оно было важнымъ событіемъ для Украйны, такъ какъ политическое и нравственное вліяніе митрополита было настолько велико, что отъ вопроса, чьимъ сторонникомъ—московскаго государства или Польши—явится новый владыка—много выигрывала та или другая сторона. Это замѣчаніе Костомарова относится къ давнему времени; съ тѣхъ поръ вліяніе митрополита, а тѣмъ болѣе низшихъ по положенію пастырей безконечно пало, наконецъ, само правитель-

ство уже настолько окрѣпло, что не нуждалось и не боялось какихъ либо вліяній духовенства, но выборный принципъ не нравился правительству и оно исподоволь стремилось его съузить, несмотря на положительное отсутствіе отъ него вредныхъ послѣдствій. Впрочемъ, съуженіе, о которомъ мы говоримъ, касалось только наиболѣе видныхъ лицъ іерархіи, низшіе же ея органы, какъ-то священники, діаконы и пр. оставались неприкосновенными въ отношеніи порядка своего назначенія на должности. Въ 1765 г. синодъ уничтожилъ одну изъ самыхъ важныхъ и дорогихъ прерогативъ малороссійскаго монашества: онъ запретилъ епархіальнымъ архіереямъ производить безъ его вѣдома въ архимандриты и опредѣлять ихъ на свободныя мѣста, но предписалъ представлять на его усмотрѣніе 2-хъ кандидатовъ, причемъ на дѣлѣ вышло такъ, что синодъ представляемыхъ кандидатовъ обходилъ, а опредѣлялъ лицъ, ничѣмъ не выдающихся и неизвѣстныхъ монастырской братіи. Въ пунктахъ этотъ указъ, нарушавшій „обыклыя поведенія“ монастырей, вызвалъ просьбу объ его отмѣнѣ и о дозволеніи монастырямъ самимъ избирать „на архимандричью честь мужей благоутвержденныхъ и извѣданныхъ“ и утверждать ихъ кіевскому митрополиту [1]). Чтобы представить себѣ, какой успѣхъ могъ ожидать подобныя прошенія, мы можемъ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ инструкціи, данной Екатериной II при назначеніи Румянцева правителемъ Малороссіи. Она писала, что необходимо тщательно присматривать за малороссійскими архіереями и ихъ подчиненными, дабы они, закоснѣвшіе во властолюбіи, не выступали хитростью изъ надлежащихъ предѣловъ своего сана и не простирали свою власть духовную надъ свѣтскою, разсѣевая въ народѣ простомъ и суевѣрномъ ихъ намѣреніямъ полезные, а общему покою враждебные плевелы.

Необходимо, утверждала далѣе Екатерина,—изучить власть малороссійскаго духовенства во всѣхъ ея размѣрахъ и тонкостяхъ и такъ какъ весьма важно, чтобы въ архіереи и архимандриты посвящались лица, „отъ которыхъ по ихъ крѣпости духовной и

[1]) Пунктъ 44-й кіев. епархіи.

смиренію можно ожидать резонабельныхъ септиментовъ“,—то не худо Румянцеву рекомендовать такихъ лицъ заранѣе *прямо отъ себя* на свободныя вакансіи, описывая при этомъ ихъ жизнь и образъ мыслей [1]). Соображая время изданія секретной инструкціи Екатерины II со временемъ изданія синодскаго указа о томъ же, нельзя не признать, что указъ синода былъ актомъ, выражавшимъ открыто ранѣе секретныя распоряженія императрицы смирить властолюбивые помыслы малороссійскаго духовенства, централизовать власть въ синодѣ и подчинить малорусскую іерархію общимъ, существовавшимъ тогда порядкамъ. Между тѣмъ малороссійскому духовенству и его главѣ,—кіевскому митрополиту, весьма не хотѣлось разставаться съ излюбленными порядками и они продолжали просить и надѣяться, что ихъ права и привилегіи еще найдутъ себѣ поддержку въ екатерининской коммиссіи, куда затребовали пункты. Такъ, напримѣръ, въ 66 кіевскомъ пунктѣ было заявлено весьма рѣзкое желаніе, чтобы архіерей кіевскій и архимандритъ печерскій, согласно своимъ привилегіямъ, были въ вѣдѣніи исключительно коллегіи иностранныхъ дѣлъ, „какъ то при патріархахъ московскихъ было, а синоду того архіерея кіевскаго и архимандрита печерскаго не вѣдать и въ права ихъ и выборъ не вступать“, но оставить при прежнихъ вольностяхъ и обыклыхъ поведеніяхъ.

Съ той же, конечно, мыслью о возвышеніи своей власти и приданіи ей декорума и престижа кіевскій митрополитъ ходатайствовалъ (37 пунктъ), чтобы ему было дозволено именоваться по старому „митрополитомъ кіевскимъ, галицкимъ и всея Малыя Россіи“ ибо,—утверждалъ кіевскій митрополитъ,—если отбросить послѣднюю часть титула, то уніатскій митрополитъ, именующій себя также кіевскимъ, галицкимъ и всея Малыя Россіи, можетъ окончательно присвоить себѣ этотъ титулъ, какъ бывало ранѣе, когда уніатскіе митрополиты по скончаніи кіевскихъ дерзали даже иногда именоваться блюстителями кіевской епархіи.

Затѣмъ, чтобы вполнѣ возвратить старый порядокъ вещей съ широкимъ кругомъ дѣятельности, власти и нравственнаго

[1]) Соловьевъ, т. 26, стр. 46.

авторитета, митрополитъ Арсеній поставилъ на благоусмотрѣніе синода и то обстоятельство, что епархіи черниговская, переяславская и могилевская, а также монастыри Кіево-Печерскій и Межигорскій ранѣе находились въ послушаніи кіевскаго митрополита и что, такъ какъ эта зависимость является для нихъ самой естественной и какъ бы намѣченной предшествующей исторіей, то желательно рѣшить, въ чьемъ вѣдѣніи они должны находиться на будущее время, т. е. его ли, митрополита, или синода. Не предрѣшая этого вопроса самъ, митрополитъ говорилъ о немъ съ такой ясностью, что не оставалось никакого сомнѣнія въ его желаніи возвратить епархіи, отошедшія когда то въ вѣдѣніе московскаго патріарха и монастыри, ставшіе ставропигіальными, снова въ свое „послушаніе“, ибо тогда титулъ „всея Малыя Россіи“, о которомъ заботился митрополитъ, болѣе или менѣе соотвѣтствовалъ бы дѣйствительности, а не былъ бы одной красивой фикціей. Было бы интересно сопоставить, какого мнѣнія о „послушаніи“ черниговской и переяславской епархій были сами представители этихъ епархій, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ этого сдѣлать, такъ какъ авторы пунктовъ совсѣмъ не обсуждали этого вопроса, что же касается монастырей, то они не желали никакихъ перемѣнъ и настаивали на своихъ ставропигіяхъ и исключительной зависимости отъ одного синода. Сообщивъ вкратцѣ наиболѣе выдающіяся желанія кіевскаго митрополита и духовнаго чина и сопоставляя ихъ съ замѣчаніями цитованной инструкціи Екатерины II о властолюбіи малороссійскихъ епископовъ и отрицательномъ ихъ отношеніи къ видамъ правительства, мы не можемъ отрицать, что Екатерина II, съ извѣстной точки зрѣнія была права въ своихъ замѣчаніяхъ. По крайней мѣрѣ, это справедливо въ отношеніи митрополита Арсенія и духовенства кіевской епархіи, которые, конечно, не сѣяли „въ народѣ простомъ и суевѣрномъ“ плевелъ, но заговоривши объ отмѣнѣ стѣснительныхъ указовъ и о возстановленіи правъ, даровавшихъ самостоятельность кіевской митрополіи, тѣмъ самымъ доказали въ глазахъ Екатерины свое властолюбіе. Съ другой стороны мы не можемъ сказать, чтобы митрополитъ Арсеній и его духовенство, провозглашая свои желанія, дѣлали что либо

большее, чѣмъ ихъ предшественники—они продолжали только традиціи стараго времени. Извѣстно, что кіевская митрополія, старѣйшая во всей Россіи, находясь подъ послушаніемъ константинопольскихъ патріарховъ, состояла въ сущности въ полнѣйшей отъ него независимости; въ это время юго-западная церковь значительно обособилась отъ сѣверо-восточной и духовенство, предоставленное самому себѣ, раздѣляя общія судьбы своей страны, выработало себѣ особые порядки, воспитало оригинальные взгляды и даже въ вопросахъ вѣры настолько удалилось отъ великорусскихъ воззрѣній, что при воссоединеніи Великой и Малой Россіи представители обѣихъ церквей чувствовали себя другъ другу чуждыми и нѣсколько враждебно настроенными. У малороссійскихъ пастырей это чувство было вызвано нежеланіемъ какого бы то ни было подчиненія или послушанія, каковое необходимо должно было возникнуть; поэтому митрополитъ Сильвестръ и не сочувствовалъ дѣлу Б. Хмельницкаго и не содѣйствовалъ ему, отговариваясь своимъ невѣдѣніемъ о перепискѣ Богдана съ царемъ. Онъ съ большой неохотой приводилъ къ присягѣ народъ, а духовенство было такъ недовольно, что, по замѣчанію одного современника, „отъ жалости всѣ глаза себѣ выплакало“. О несочувствіи, обнаруженномъ при подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, имѣвшемъ мѣсто въ гетманство Самойловича (1685 г.), и говорить нечего. Духовенство—замѣчаетъ Костомаровъ—сильно протестовало противъ этого подчиненія, опасаясь прекращенія прежней свободы въ духовныхъ дѣлахъ и введенія чуждыхъ Малороссіи церковныхъ обычаевъ и обрядовъ. Самъ гетманъ былъ не радъ этому подчиненію, и боясь насмѣшекъ со стороны поляковъ объ униженіи старѣйшей родопачальной митрополіи, просилъ, чтобы она, по крайней мѣрѣ, считалась первой между великороссійскими [1]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что заботы о свободѣ въ духовныхъ дѣлахъ были постоянной и весьма древней чертой малороссійскаго духовенства; всякое подчиненіе посторонним властямъ вызывало у него неудовольствіе и болѣе или менѣе значительный протестъ,

[1]) Рунна. Вѣст. Евр. 1880, IX, 15.

который, конечно, не могъ оканчиваться въ пользу духовенства, такъ какъ сокращеніе свободы въ духовныхъ дѣлахъ было послѣдствіемъ измѣненія политическаго строя Малороссіи и возстановить прежній строй духовныхъ дѣлъ нельзя было, не возстанавливая политическаго строя Малороссіи. Тѣмъ не менѣе украинское духовенство, несмотря на измѣнившуюся политическую обстановку, продолжало довольно упорно лелѣять въ себѣ прежніе идеалы и все различіе въ этомъ отношеніи между 1685 и 1768 годомъ состоитъ въ томъ, что въ 1685 году оно съ неудовольствіемъ встрѣтило перемѣну зависимости отъ константинопольскаго патріарха на зависимость отъ московскаго и жалованную грамоту, данную митрополиту Кроковскому, оно считало оскорбленіемъ своей самостоятельности, а въ 1768 году эта грамота составляла предметъ его пламенныхъ вожделѣній.

Заботясь вообще о своей самостоятельности, малор. духов. обратило большое вниманіе и на свои суды, и по поводу ихъ компетенціи, положенія въ ряду общихъ судебныхъ мѣстъ и дѣятельности, высказало мысли и желанія, сводившіяся къ тому, чтобы по возможности возстановить порядокъ вещей, существовавшій при константинопольскихъ и московскихъ патріархахъ, когда судамъ кіевскаго митрополита было дозволено „быти и отправлятися по прежнимъ обычаямъ“ и было обѣщано въ „его судъ не вступаться и челобитень ни у кого не принимать“. Прежніе обычаи, о которыхъ хлопотали пункты, утверждали какъ независимость духовнаго суда отъ посторонняго вмѣшательства и надзора, такъ равно опредѣляли компетенцію его дѣятельности и, нужно сказать, что эта послѣдняя въ особенности озабочивала кіевскихъ пастырей, такъ какъ въ послѣднее время стала замѣтно съуживаться въ ущербъ интересамъ духовнаго сословія. По прежнимъ обычаямъ, юрисдикціи духовнаго суда подлежали не только преступленія противъ вѣры и другія, соединенныя съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, но и всѣ гражданскія дѣла, возникавшія между лицами духовнаго званія, между монастырями, церквами, и даже между подданными монастырей и духовенства, подданными, которыхъ ужъ никакъ нельзя отнести къ лицамъ духовнаго званія.

Юрисдикціи духовнаго суда подлежали также дѣла уголовныя между духовными и ихъ подданными, а также и тѣ дѣла по жалобамъ и искамъ мірянъ, гдѣ духовенство фигурировало въ роли обвиняемаго или отвѣтчика. Сфера дѣйствія духовнаго суда была очень обширна и изъ данныхъ, приводимыхъ пунктами, видно, что она основывалась на многихъ указахъ отъ 1721, 1723, 1729 и 1759 гг. и на Дух. Регламентѣ, по точному смыслу которыхъ духовныхъ лицъ нельзя было вѣдать ни коллегіямъ, ни капцеляріямъ, ни инымъ командирамъ, а должны они вѣдаться въ духовныхъ командахъ, гдѣ также вѣдаются въ отношеніи суда и взиманія податей монастырскіе и церковные крестьяне. Но широкая подсудность духовнымъ судамъ, ограждая интересы и права духовенства, не всегда удовлетворяла истиннымъ интересамъ правосудія и весьма нерѣдки были неудовольствія и жалобы на лицепріятія духовныхъ судовъ при рѣшеніи дѣлъ по искамъ шляхетства или козаковъ къ лицамъ духовнаго званія о грунтахъ и прочихъ маетностяхъ, почему гетм. Д. Апостолъ въ 1728 г. испросилъ, чтобы такія дѣла рѣшались въ общихъ малороссійскихъ судахъ въ общемъ порядкѣ. Независимо отъ этого, по свидѣтельству пунктовъ, компетенція духовныхъ судовъ стала падать какъ бы сама собою, а общихъ судовъ, напротивъ, возросла до того, что даже дѣла между самими духовными и между ихъ подданными начали вѣдаться общимъ порядкомъ. Характерно въ данномъ случаѣ то явленіе, что упадокъ духовныхъ судовъ происходилъ не въ силу закона или указовъ,—законъ былъ на ихъ сторонѣ,—а въ силу самой жизни, допускавшей свѣтскимъ начальствамъ, не взирая ни на какіе указы, безнаказанно рѣшать неподсудныя по буквѣ закона имъ дѣла. Что касается области уголовнаго процесса, то и въ немъ происходило то же явленіе: духовенство жаловалось, что, хотя по своимъ правамъ и по недавнему указу отъ 1742 г. ему предоставлено судиться въ вѣдомствѣ „духовной команды“, кромѣ дѣлъ „тяжкихъ государственныхъ, криминальныхъ, разбойныхъ и татейныхъ, которыя доходятъ до розыску и казни“, тѣмъ не менѣе оно отдано въ руки свѣтскаго начальства, а каковъ былъ судъ этого началь-

ства живописуютъ тѣ же кіевскіе пункты. Въ кіевской епархіи—говорятъ они—свѣтскіе командиры берутъ подъ свой судъ безъ всякаго сношенія съ духовными начальствами не только управителей монастырскихъ вотчинъ, прикащиковъ, войтовъ и подданныхъ, но также монастырскихъ слугъ, причетниковъ и *самыхъ духовныхъ персонъ;* берутъ они, насылая козачьи команды, а взявши наносятъ побои и духовнымъ въ тюрьмахъ и острогахъ между ворами и смертоубійцами, какъ плѣнниковъ, а не государственныхъ подданныхъ; имѣнія обвиняемыхъ грабятъ и разоряютъ, а духовной командѣ причиняютъ этимъ „презрѣніе". Жалуясь на неустройства и безправіе, происходящія отъ слишкомъ смѣлаго отношенія свѣтскихъ начальниковъ къ судебнымъ прерогативамъ духовенства, послѣднее доказывало, что это дѣлается безусловно незаконно, ибо, согласно 15 арт. III раздѣла Статута, всѣ новыя постановленія, касающіяся людей духовнаго и мірскаго званія, должны быть заключаемы съ согласія духовныхъ, между тѣмъ на дѣлѣ они, духовные, ни чѣмъ похожимъ не пользуются и терпятъ одни только притѣсненія. Для устраненія описаннаго зла, для обезпеченія при помощи судовъ правъ личныхъ, сословныхъ и имущественныхъ духовенство просило императрицу возстановить старую компетенцію духовныхъ судовъ и строго блюсти за тѣмъ, чтобы привилегіи духовныхъ въ этомъ отношеніи никѣмъ не нарушались и чтобы духовныя команды и интересы духовенства не отдавались „въ презрѣніе". Для огражденія же своихъ интересовъ, могущихъ пострадать при рѣшеніи въ общихъ судахъ дѣлъ по искамъ духовныхъ къ міряпамъ, авторы кіевскихъ пунктовъ просили учредить смѣшанные суды съ участіемъ въ нихъ своего судьи, или по крайней мѣрѣ депутата [1]), хотя нужно замѣтить, что это желаніе духовенства было уже удовлетворено ранѣе указомъ Синода отъ 1759 г., буквально допускавшимъ смѣшанные суды, но этотъ указъ такъ плохо примѣнялся въ судебной практикѣ, что авторы пунктовъ сочли нужнымъ просить объ его повтореніи.

Въ области другихъ процессуальныхъ льготъ можно еще отмѣтить просьбу духовенства объ освобожденіи себя отъ дачи

[1]) Пунктъ 59 кіев. епархіи.

свидѣтельскихъ показаній подъ присягой и о запрещеніи свѣтскимъ судамъ требовать явки духовныхъ лицъ въ судъ для дачи устныхъ свидѣтельскихъ показаній, которыя рекомендовалось замѣнить письменными, данными по вопроснымъ пунктамъ [1]). Послѣднее желаніе духовенства, само по себѣ крайне неважное, было вызвано тяжелой судебной обстановкой для свидѣтеля въ прошломъ вѣкѣ, какъ-то: дальними вызовами, долгими и разорительными отлучками и пр., что невыгодно отражалось (при любви духовенства къ процессамъ) и на служебныхъ обязанностяхъ духовныхъ лицъ и на ихъ хозяйствѣ и матеріальныхъ средствахъ, что же касается дачи свидѣтельскихъ показаній безъ присяги, то здѣсь взглядъ духовенства былъ вполнѣ логиченъ и извѣстно, что современное законодательство допускаетъ для духовныхъ лицъ только показанія, данныя „по священству", безъ присяги. О льготахъ въ области матеріальнаго уголовнаго права духовные пастыри заявили также не много желаній, но за то одно изъ нихъ было довольно видное: они просили, чтобы священнаго и монашескаго чина люди, впадающіе въ преступленія, влекущія лишенія ихъ сана, извергались бы только изъ своего сословія и не несли другого наказанія. Другое желаніе духовенства нельзя даже отнести и къ льготамъ, такъ какъ оно заключалось въ томъ, чтобы для огражденія духовнаго чина людей отъ обидъ „обидчикамъ и продерзателямъ" были положены строгія, взыскующія вину наказанія.

Вглядываясь критически въ содержаніе пунктовъ о духовномъ судѣ, нельзя не замѣтить, что авторы ихъ совершенно не коснулись недостатковъ ни въ формахъ и обрядахъ судопроизводства, ни въ матеріальномъ правѣ и, мы думаемъ, потому, что вопросъ объ исправленіи дѣйствующаго права не входилъ въ ихъ задачу. Авторовъ пунктовъ судъ интересовалъ съ своей сословной точки зрѣнія, для нихъ было важно поддержать сословный принципъ въ судѣ и установить твердыя и широкія границы для его дѣятельности, ибо въ сословномъ судѣ они видѣли залогъ правосудія и огражденія интересовъ своего сосло-

[1]) 61 и 62 п. той же епархіи.

вія. Каковы будутъ формы и обряды суда—это не важно для составителей пунктовъ—ибо они полагали, что свои судьи и при дурномъ состояніи права могутъ рѣшать дѣла добросовѣстно, а судьи другого сословія и при хорошихъ законахъ могутъ злоупотреблять ими въ пользу своихъ собратьевъ. Нельзя сказать, чтобы эта точка зрѣнія принадлежала исключительно духовенству, такъ какъ и шляхетство, и козаки, и мѣщане просили о своемъ сословномъ судѣ и духовенство не было въ данномъ случаѣ болѣе ретроградно, чѣмъ другія сословія, такъ что увлеченіе его состояло развѣ въ томъ, что оно и своихъ подданныхъ крестьянъ монастырскихъ, церковныхъ и пр. также стремилось подчинить власти суда духовнаго. Однако и въ этомъ случаѣ, пока у монастырей были крестьяне и многочисленныя имѣнія, духовенство не могло безъ ущерба своимъ интересамъ поступать иначе: при враждебности сословныхъ интересовъ, при дурномъ состояніи матеріальнаго и процессуальнаго права, дававшемъ просторъ злоупотребленіямъ, разсчитывать на безпристрастіе судей было болѣе или менѣе рисковано и потому не удивительно, что духовенство, не задаваясь преобразованіемъ судовъ, искало защиты своихъ правъ подъ эгидой сословныхъ судебныхъ привилегій.

Теперь мы перейдемъ къ обзору желаній духовенства въ области просвѣщенія и образованія. Рѣчь объ этомъ вели пункты кіевской и черниговской епархій и Кіево-Печерская лавра. Кіевскіе пункты первымъ дѣломъ просили сохранить неприкосновенной и подтвердить особою грамотой существованіе кіевской академіи—этого высшаго духовнаго и свѣтскаго учебнаго заведенія, особенно дорогого малороссіянамъ по своей исторической роли въ прошломъ Украйны. Возникши въ началѣ 17 вѣка, въ качествѣ простой школы при братствѣ, учрежденномъ при кіевской Богоявленской церкви, кіевская академія съ первыхъ шаговъ дѣятельности стала носить характеръ національнаго учрежденія, такъ какъ ролью ея было образовывать и выпускать защитниковъ православія. Эта высокая и трудная задача въ эпоху борьбы православія съ католичествомъ сразу поставила академію на почетное мѣсто и о существованіи ея стали забо-

титься, какъ о важномъ національномъ дѣлѣ, ибо заботы о просвѣщеніи и о православной вѣрѣ были въ сущности заботами о цѣлости національнаго существованія и сохраненіи южнорусской народности отъ полонизаціи и католичества. Поэтому мы замѣчаемъ, что въ договорахъ и конституціяхъ съ Польшей малорусскій народъ постоянно стремился сохранить неприкосновенность кіевской академіи и уравнять её въ правахъ съ краковской и львовской; такъ, напримѣръ, по гадячскимъ статьямъ и по варшавской сеймовой констутуціи 1659 г. кіевской академіи было дозволено пользоваться всѣми правами и преимуществами краковской съ тою льготой, что въ ней не будетъ профессоровъ, магистровъ и студентовъ иныхъ исповѣданій, кромѣ православнаго. По той же конституціи всѣ существовавшія въ Кіевѣ инославныя школы должны были быть перенесенными въ другое мѣсто.

Гетманъ Дорошенко, въ своемъ извѣстномъ договорѣ съ поляками, также выговорилъ для Малороссіи равноправность кіевской академіи съ краковской, свободу заводить школы, типографіи и учредить новую академію въ Могилевѣ съ правами, равными кіевской. Русскіе цари, по прошеніямъ малороссіянъ, также обѣщали вѣчно и непарушимо сохранять привилегіи кіевской академіи, и теперь составители кіевскихъ пунктовъ обратились къ императрицѣ съ просьбой о новомъ подтвержденіи этихъ обѣщаній. Въ частности же въ кіевскихъ пунктахъ просили объ ассигнованіи на кіевскую академію такого же содержанія, какое выдавалось въ то время московской, и о выдачѣ ректору и учителямъ академіи пріостановленнаго съ 1764 года жалованья въ томъ размѣрѣ, какой былъ установленъ царевичами Петромъ и Іоанномъ, т. е. по 50 р. деньгами и по столько же московскихъ четвертей ржи. Не лишены интереса и значенія мотивы, приведенные митрополитомъ въ пользу выдачи кіевской академіи содержанія наравнѣ съ московской, ибо въ нихъ находится краткій перечень плодовъ, принесенныхъ академіей не только Малороссіи, но и всей Россіи, а именно: академія—говорятъ пункты—дала первыхъ учителей различныхъ наукъ при учрежденіи въ Москвѣ славяно-греко-латинской академіи, она же давала ихъ и

впослѣдствіи не только для академіи, но и для московскаго университета и для вновь образованныхъ въ великорусскихъ епархіяхъ семинарій и другихъ школъ; кромѣ того, изъ академіи студенты вступали въ полковые священники, или въ капелланы къ русскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ, поступали въ шляхетскіе корпуса и пр. Наконецъ, въ 1754 г., по приглашенію медицинской коллегіи, болѣе 300 студентовъ поступили въ медико-хирургическую академію и, окончивъ въ ней курсы, заняли должности докторовъ въ полкахъ и госпиталяхъ; другіе изъ студентовъ по любви къ медицинской наукѣ продолжаютъ и теперь вступать въ медицинскую академію, а нѣкоторые, подвергая себя неописанной бѣдности, уходятъ даже въ Германію и тамъ продолжаютъ свое образованіе въ высшихъ наукахъ. Въ отношеніи къ самой Малороссіи заслуги кіевской академіи, по словамъ пунктовъ, заключаются въ томъ, что большинство полковыхъ городовъ, нѣкоторые изъ мелкихъ и даже мѣстечки и села имѣютъ у себя образованныхъ священниковъ,—„съ успѣхомъ въ наставленіи и просвѣщеніи простого народа трудящихся“.

Несмотря на приносимую ею пользу, академія, какъ видно изъ пунктовъ, сильно бѣдствовала въ матеріальномъ отношеніи и не имѣла надлежащаго штата преподавателей, почему многіе предметы, какъ-то: исторія, географія, математика и языки—французскій, нѣмецкій, еврейскій, греческій, латинскій и польскій читались одними лицами, что, конечно, вредно отзывалось на успѣхахъ ученія. Не нужно еще забывать и того обстоятельства, что нѣкоторые изъ преподавателей академіи были обязаны службой, какъ церковнослужители, и поэтому за скопленіемъ занятій не могли много посвящать времени своей паствѣ и удовлетворять ея жаждѣ духовной проповѣди, такъ что митрополитъ нашелъ нужнымъ просить объ учрежденіи въ академіи двухъ спеціальныхъ проповѣдниковъ на особомъ жалованьи. Какъ необходимую принадлежность академіи, митрополитъ просилъ сохранить и „сиропитательный домъ“ или бурсу, содержавшую безмездно уже со времени П. Могилы массу бѣднаго юношества, стекавшагося въ академію.

Заботясь о положеніи академіи, кіевскіе пункты не прошли молчаніемъ и самыхъ академистовъ: они хлопотали, чтобы студенты, имѣющіе похвальныя отъ академіи свидѣтельства, получали преимущества при поступленіи на должности и при награжденіи чинами; кромѣ того митрополиту хотѣлось, чтобы лица, окончившія философское и богословское ученія, назначались имъ на священническія мѣста „безъ избранія и безъ презентовъ (т. е. безъ рекомендаціи мѣстныхъ владѣльцевъ) и безъ согласія старшинъ, владѣльцевъ и прихожанъ по однимъ аттестатамъ ректора и учителей“. Но это желаніе митрополита должно было встрѣтить сильный отпоръ какъ въ обыкновеніяхъ малороссіянъ избирать себѣ священниковъ, такъ и въ указѣ синода отъ 1735 г., запрещавшемъ насильно насылать поповъ и діаконовъ, безъ согласія старшинъ, владѣльцевъ и прихожанъ. Обычай избранія священниковъ былъ настолько силенъ въ Украйнѣ, что по сознанію, сдѣланному въ самихъ же пунктахъ, священниковъ, назначенныхъ противъ воли прихожанъ, послѣдніе не допускали къ церквямъ, не давали ни дома, ни земли, ни доходовъ и они принуждены бывали бросать свои парафіи.

Прошеніе духовенства черниговской епархіи по поводу образованія заключалось въ томъ, чтобы расширить основанный въ 1700 г. въ Черниговѣ коллегіумъ и прибавить въ немъ классъ богословія къ существовавшимъ уже риторики и философіи. Черниговскій архіерей въ своемъ прошеніи обращалъ вниманіе синода, что коллегіумъ, устроенный для образованія юношества, не можетъ отвѣчать своимъ цѣлямъ по недостатку помѣщенія и преподавателей, происходящему отъ скудости средствъ, и дѣйствительно положеніе коллегіума, какъ оно описано въ пунктахъ, было не изъ завидныхъ. Основанный въ 1700 году, онъ былъ разсчитанъ на классъ одной риторики и кое-какъ помѣщался въ 4-хъ избахъ, съ введеніемъ же въ 1749 г. класса философіи и съ общимъ увеличеніемъ числа учащихся помѣщеніе коллегіума сдѣлалось до крайности тѣснымъ и требовало расширенія. По этому поводу еще въ 1739 году было сдѣлано представленіе въ синодъ съ предложеніемъ обратить черниговскій дѣвичій Пятницкій монастырь въ мужской и перевести въ него коллегіумъ, но

такъ какъ резолюціи на это представленіе не послѣдовало и по 1768 г., то коллегіумъ по прежнему помѣщался въ 4-хъ избахъ, а философія за недостаткомъ помѣщенія читалась въ монастырской трапезной. Въ связи съ матеріальнымъ упадкомъ, зависѣвшимъ отъ упадка доходовъ монастырей, коллегіумъ терпѣлъ и отъ недостатка преподавателей, которыми обыкновенно бывали ученые монахи. Въ первые годы существованія коллегіума—узнаемъ мы изъ пунктовъ—ученыхъ монаховъ было весьма достаточно какъ для обученія низшихъ классовъ, „такъ и знанія философскаго“, многіе трудились въ силу одного послушанія, другіе въ надеждѣ на награду игуменскими и архимандричьими должностями. Въ описываемое же время ученыхъ монаховъ было такъ мало, что нерѣдко затруднялись выбрать ректора или префекта, а учителями были люди свѣтскіе, непостоянные, служившіе до пріисканія мѣстъ съ большимъ, чѣмъ въ коллегіумѣ, жалованьемъ. Описавъ бѣдственное состояніе просвѣщенія въ черниговской епархіи, составители пунктовъ просили учредить въ коллегіумѣ должности учителей „на пристойномъ государственномъ коштѣ“, „ради большаго распространенія въ отечествѣ ученія и ради умноженія учащихся пользы“, и читать въ коллегіумѣ богословіе, еврейскій и французскій языки (нѣмецкій уже читался) и математику.

Съ рѣчью духовенства объ образованіи необходимо сопоставить и высказанныя имъ мысли относительно развитія въ Украйнѣ книгопечатанія и книжнаго обращенія, о которыхъ духовенство заботилось столько же по мотивамъ просвѣтительнымъ, какъ и религіознымъ, что естественно объясняется какъ духовнымъ званіемъ просителей, такъ и тѣмъ, что самое образованіе въ XVIII вѣкѣ все еще основывалось у насъ на книгахъ духовнаго содержанія. Авторы кіевскихъ пунктовъ заявили о необходимости учредить при кіевскомъ митрополитѣ особую типографію и указали для этого два основанія: во-первыхъ, недостатокъ книгъ религіознаго содержанія въ Россіи, Польшѣ и Палестинѣ и, во-вторыхъ, отсутствіе въ академіи потребныхъ книгъ для обученія юношества различнымъ предметамъ и языкамъ славянскому, латинскому, греческому, французскому, нѣ-

мецкому и прочимъ. Что касается перваго основанія, то, по изъясненію кіевскаго духовенства, у него чувствуется большой недостатокъ въ исправленныхъ церковныхъ книгахъ, о чемъ оно часто представляло своему начальству, но всегда безуспѣшно; но особенная нужда и вредъ отъ недостатка въ книгахъ происходили среди православнаго населенія Польши, оторваннаго отъ своихъ единовѣрцевъ, такъ какъ тамъ употреблялись книги мѣстной печати съ большими отступленіями отъ догматовъ вѣры. То-же явленіе происходило и въ Палестинѣ, жители которой принуждены были покупать книги изъ иновѣрной имъ Венеціи. Обращая вниманіе на происходящій отсюда вредъ, духовенство указывало синоду, что существующія кіево-печерская и московская типографіи не въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ въ книгахъ и часто отказываются высылать ихъ и возвращаютъ собираемыя церквями деньги.

Вредъ отъ недостатка въ учебныхъ книгахъ былъ настолько великъ, что совершенно затруднялъ обученіе, такъ какъ учебныя книги вовсе не печатались въ Малороссіи, а получались „изъ иныхъ странъ съ великимъ трудомъ и коштомъ“. По изложеннымъ причинамъ митрополитъ кіевскій и ходатайствовалъ о дозволеніи завести типографію для изданія церковныхъ книгъ, а также „учительныхъ книгъ, сочиненій ученыхъ людей и переводовъ съ различныхъ языковъ“. Какъ на историческую справку митрополитъ указывалъ, что право на содержаніе типографіи при кіевской митрополіи было утверждено издревле, „акп собственно до должности, дѣла же и чина архіерейскаго принадлежаще“, но что его предшественники сначала не заводили типографій потому, что въ концѣ XVII вѣка типографій было вполнѣ достаточно—въ лаврѣ, въ монастыряхъ—Спасскомъ новгородъ-сѣверскомъ, черниговскомъ Ильинскомъ и при каѳедрахъ—могилевской и виленской (отошедшихъ впослѣдствіи въ унію), когда же часть упомянутыхъ типографій закрылась, а другая отошла въ унію, то митрополиты не завели своей типографіи исключительно по случайнымъ причинамъ, которыя теперь не имѣютъ мѣста. Что касается Кіево-Печерской лавры, то заботы ея въ отношеніи книгопечатанія ограничивались просьбой оста-

вить неприкосновенной ея типографію и дозволить ей по прежнему издавать и распространять церковныя книги „для безнужнаго довольствованія“ ими всего православнаго народа.

Такова въ самыхъ краткихъ чертахъ сущность весьма симпатичныхъ желаній малороссійскаго духовенства по вопросу о просвѣщеніи и о религіозномъ развитіи народа. Какъ къ нимъ отнесся синодъ, мы не знаемъ, но намъ извѣстно, что Екатерина II съ такимъ подозрѣніемъ относилась къ малороссійскому духовному образованію и къ самой чистотѣ духовенства въ православіи, что она не могла удовлетворить его просьбы. Въ извѣстной инструкціи Румянцеву она писала: „небезъизвѣстно, что обучающіеся богословію и опредѣляющіе себя здѣсь къ чинамъ духовнымъ какъ въ заграничныхъ польскихъ, такъ и въ самыхъ малороссійскихъ училищахъ по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства заражаются многими непасытнаго честолюбія началами, котораго вредными слѣдствіями наполнены предшедшихъ временъ исторіи европейскія“ [1]). Этотъ взглядъ былъ высказанъ Екатериной ранѣе составленія пунктовъ, но онъ весьма характеренъ по содержащемуся въ немъ указанію на зараженіе малороссійскихъ школъ „развратными правилами римскаго духовенства“. Настроеніе Екатерины въ отношеніи Малороссіи было таково, чтобы покончить со всѣми ея привилегіями и ввести въ общій кругъ государственной жизни, подчинивъ всѣ отрасли ея правительственному надзору, который долженъ былъ, конечно, распространяться и на систему образованія. И дѣйствительно, два года спустя послѣ изданія инструкціи она уже заботилась о томъ, чтобы произвести въ Малороссіи измѣненія въ образованіи и писала Румянцеву, чтобы онъ склонилъ малорусскихъ пановъ къ подачѣ челобитной, въ которой бы они просили о лучшемъ у нихъ учрежденіи школъ и семинарій и если можно о положеніи духовенства въ штатное состояніе, и что если отъ духовныхъ или свѣтскихъ такую челобитную имѣть, то она бы уже знала, какъ начинать“ [2]).

---

[1]) Соловьевъ, т. 26, стр. 46.

[2]) Ibid., стр. 152.

Приведенныя двѣ цитаты, мы полагаемъ, достаточно показываютъ, что Екатерина сама была недовольна состояніемъ духовнаго образованія въ Малороссіи не менѣе, чѣмъ духовенство, но о томъ, какъ поднять и исправить его, у нея были свои планы и мысли, несходные съ выраженными въ пунктахъ.

До сихъ поръ мы говорили о нуждахъ духовныхъ лицъ, касавшихся ихъ преимущественно, какъ служителей церкви, теперь обратимся къ тѣмъ нуждамъ, гдѣ духовенство выступаетъ, главнымъ образомъ, какъ сословіе. Въ этомъ смыслѣ весьма интересными для характеристики духовенства представляются его жалобы на униженіе въ государствѣ положенія духовнаго сословія, несмотря на то, что по Л. Статуту оно должно пользоваться всѣми правами, присвоенными „знатному“ малороссійскому шляхетству. Конечно, упадокъ уваженія къ сословнымъ правамъ духовенства очень огорчаетъ составителей пунктовъ, а заботы о доказательствахъ правъ духовенства на шляхетское званіе занимаютъ въ пунктахъ такое же положеніе, какъ и заботы шляхетства о дворянствѣ въ наказахъ, потому что съ разрѣшеніемъ вопроса о принадлежности духовенства къ шляхетскому званію въ томъ или иномъ смыслѣ были сопряжены для него очень важныя послѣдствія въ области правъ сословныхъ, личныхъ и имущественныхъ. Опредѣлить, какимъ родомъ правъ—шляхетскихъ или иныхъ—должно пользоваться духовное сословіе было весьма важнымъ дѣломъ и потому кіевскіе пункты начинаются именно этимъ вопросомъ. Во второмъ пунктѣ авторы представляютъ Синоду, что малороссійскіе духовнаго чина люди искони, еще съ той поры, когда Малороссія входила въ составъ княжества литовскаго, и до самаго послѣдняго времени пользовались правами шляхетства наравнѣ съ *чиновными* людьми шляхетскаго званія; что основаніе такому порядку вещей находится и въ привилегіи Сигизмунда Августа отъ 1569 г. и въ Л. Статутѣ, полагающемъ за обиды и безчестье лицъ духовнаго званія такія жъ взысканія, какъ и за шляхтичей. На тѣ же шляхетскія права духовенства указываетъ и 3-й пунктъ черниговской епархіи, утверждающій, между прочимъ, что по договору 1654 г. украинскимъ духовнаго чина людямъ предоставлено пользованіе

шляхетскими вольностями. Въ такомъ же родѣ высказались и авторы переяславскихъ пунктовъ, такъ что по этому вопросу ни въ самыхъ пунктахъ, ни въ наказахъ остальныхъ сословій, ни въ общемъ прошеніи всѣхъ депутатовъ не встрѣчается никакихъ разномыслій. Свѣтскія сословія, ходатайствуя о подтвержденіи малорусскому народу всѣхъ его правъ и вольностей, имѣли въ виду и духовенство, а больше всѣхъ заинтересованное шляхетство нигдѣ не высказалось, чтобы оно имѣло что нибудь противъ присвоенія духовенству правъ шляхетскаго званія. Желанія духовенства въ отношеніи его сословныхъ правъ состояли въ томъ, чтобы узаконить „всѣмъ малороссійскаго духовнаго чина людемъ, и ихъ женамъ, и дѣтямъ ихъ, по прежнему считатись и быть въ равенствѣ съ свѣтскими чиновными шляхетнаго чина людьми..... и прежними свободами, вольностями, обычаями, правами и привилегіями пользоватись.“ Заявивши претензію на право шляхетства и не считая, вѣроятно, ссылки на древнія привилегіи достаточной для подтвержденія желаемыхъ правъ, кіевское духовенство взяло на себя трудъ доказать, что оно, независимо отъ привилегій, по самому существу своего чина и исполняемыхъ обязанностей, не можетъ стоять наравнѣ съ мужиками, но только съ чиновнымъ шляхетствомъ.

Могутъ-ли лица духовнаго званія—разсуждало кіевское духовенство—быть мужиками, когда ихъ обязанности состоятъ въ священнослуженіи, въ молитвахъ о Высочайшихъ особахъ, въ проповѣдяхъ слова Божія, въ отправленіи церковныхъ обрядовъ, требъ и пр., и наконецъ, въ отправленіи протопопами и намѣстниками государственныхъ и судебныхъ дѣлъ? Конечно нѣтъ. Эти обязанности сами по себѣ настолько высоки и священны, что исполнители ихъ никоимъ образомъ не могутъ занимать послѣдняго положенія въ государствѣ, что же касается духовныхъ лицъ, занимающихъ судебныя и административныя должности, то они отправляютъ такую же государственную службу, какъ и свѣтскіе старшины, и потому должны пользоваться одинаковыми съ ними правами. Въ проводимой духовенствомъ идеѣ о соотвѣтствіи правъ несомой въ пользу государства службы для XVIII вѣка было очень много вѣрнаго: если шляхетство

пользуется своими правами за свою воинскую и гражданскую службу, то почему же ему, духовенству, не пользоваться тѣми же правами за свою службу на благо того же государства? Хотя духовенство разсуждало правильно, однако жизнь не оправдывала его теоріи и оно въ томъ же пунктѣ жаловалось, что служба священниковъ стала вмѣняться ни во что, что представителямъ ея приходится претерпѣвать многочисленныя нарушенія вольностей и переносить поруганія и обиды „хуже самыхъ мужиковъ и раскольниковъ,“ между тѣмъ какъ—замѣчаетъ о себѣ духовенство—оно изъ числа свѣтскихъ *чиновныхъ* шляхетнаго чина людей никогда исключаемо не было и съ худородными, неимѣющими никакого званія и съ посполитыми людьми никогда сравниваемо не было [1]). Если, такимъ образомъ, желаніе быть равноправными съ „чиновными шляхетными людьми“ духовенство основывало на своей службѣ, то желаніе пользоваться всей совокупностью шляхетскихъ правъ мы объясняемъ ничѣмъ инымъ, какъ незамкнутостью духовнаго сословія, вслѣдствіе чего ряды духовныхъ пастырей пополнялись свѣтскими лицами и наоборотъ многія дѣти духовныхъ вступали въ гражданскую и военную службу (козачество). При такомъ порядкѣ вещей духовенство не отличало себя въ отношеніи политическихъ и имущественныхъ правъ отъ другихъ свободныхъ сословій; его экономическій и соціальный укладъ жизни былъ построенъ такъ-же, какъ и шляхетства, за исключеніемъ, конечно, небольшихъ особенностей, сообщаемыхъ характеромъ службы.

Бѣлое духовенство и не желало для себя ничего лучшаго, какъ этого равенства, однако оно имъ не пользовалось. Мы слышали уже его жалобы на униженіе его, какъ сословія, но въ особенности было много жалобъ на стѣсненія въ жизни экономической. Самымъ виднымъ такимъ стѣсненіемъ, объ отмѣнѣ котораго горячо хлопотали пункты, былъ извѣстный указъ 1728 г. о запрещеніи духовенству покупать и инымъ способами пріобрѣтать козачьи грунты. Имѣя въ виду обезземеленіе малороссійскаго козачества, упомянутый указъ поставилъ духовенство въ

[1]) Сб. Р. И. И. О. т. 43 й, стр. 435.

самое тяжелое экономическое положеніе: дѣло въ томъ, что въ земледѣльческой по преимуществу Малороссіи земля являлась, какъ и теперь для многихъ является, главнымъ источникомъ средствъ къ жизни; если же принять во вниманіе, что вознагражденіе пастырей за требы бывало крайне скудное и что дѣти священниковъ не всегда получали „жребій священства," а уходили въ козаки, поступали въ гражданскую службу или даже оставались безъ всякой профессіи, то ограниченіе ихъ въ правѣ пріобрѣтенія у козаковъ грунтовъ оказывалось для нихъ крайне невыгоднымъ. Кромѣ того, здѣсь была несправедливость и въ томъ отношеніи, что переходъ земель духовенства въ руки лицъ другаго сословія былъ оставленъ въ прежней силѣ и, слѣдовательно, земли духовенства умалялись продажей, отдачей въ даръ, въ приданое и проч., но не могли увеличиваться. Духовенство жаловалось, что, благодаря этому указу, оно такъ обѣднѣло, что не можетъ должнымъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей, а съ другой стороны тѣ изъ его сыновей, которые успѣваютъ окончить ученіе въ кіевскихъ школахъ, предвидя свое убогое положеніе въ качествѣ священника, не рѣшаются вступать въ это званіе и только неспособные найти другія средства къ жизни принимаютъ священство. Въ силу упадка матеріальнаго положенія духовенства, по изъясненію послѣдняго, происходитъ вредъ и для церкви, такъ какъ она лишается просвѣщенныхъ священниковъ и достойныхъ и искусныхъ проповѣдниковъ, способныхъ своимъ словомъ и жизнью подавать спасительные примѣры паствѣ. Ограниченіе въ правѣ пріобрѣтенія грунтовъ имѣло для духовенства еще одну невыгодную сторону—оно ставило его въ зависимость отъ богатыхъ пановъ, старшинъ, вообще землевладѣльцевъ, удѣлявшихъ отъ щедротъ своихъ ему пользованіе земельными участками. Если бѣдность лицъ духовнаго званія и теперь дурно отражается на сознаніи ими важности своего долга, то въ прошломъ вѣкѣ зависимость священниковъ отъ владѣльцевъ земель имѣла еще худшія послѣдствія. Такъ, напримѣръ, въ кіевскихъ пунктахъ есть жалобы, что многіе владѣльцы дошли до такой дерзости, что по своей прихоти назначаютъ время той или другой службы, приказываютъ медлить началомъ

и спѣшить окончанiемъ, почему бываютъ случаи, что литургiя, вопреки правилъ св. отцевъ, отправляется и послѣ полудня, а народъ, занятый хозяйственными нуждами, остается безъ удовлетворенiя своего религiознаго чувства. Иные изъ пановъ поступали еще хуже—они запирали церкви своими замками и не допускали священниковъ до своего прихода, строптивыхъ изъ нихъ наказывали и, если могли, отрѣшали отъ приходовъ. Экономически зависимое духовенство вынуждено было терпѣть свои невзгоды; особенно же плохо приходилось священническимъ вдовамъ и сиротамъ, остававшимся послѣ смерти отцевъ и мужей безъ земли и безъ всякихъ средствъ къ существованiю и иногда попадавшимъ въ подданные къ владѣльцамъ тѣхъ селъ, гдѣ мужъ или отецъ ихъ состоялъ священникомъ. Владѣльцы привлекали такихъ беззащитныхъ вдовъ и сиротъ, какъ своихъ подданныхъ, къ своему суду и расправѣ, почему духовенство и просило подтвердить, чтобы вдовы и дѣти священнослужителей, первыя по смерть, а вторыя—дочери до замужества, а сыновья до вступленiя на службу—пользовались всѣми шляхетскими правами, а въ отношенiи суда и расправы вѣдались духовнымъ начальствомъ. Вообще духовенство было крайне недовольно указомъ 1728 г. и какъ на основанiе для его отмѣны, между прочимъ, указывало на то обстоятельство, что такъ какъ грамотой Елизаветы Петровны Малороссiи подтверждены всѣ ея права и вольности въ старыхъ предѣлахъ, то свѣтскiя власти Малороссiи неправильно поступаютъ, поддерживая въ силѣ запрещенiе духовенству пріобрѣтать грунты и принимать ихъ на церкви.

Что касается монастырей, то они также стояли за отмѣну указа 1728 года. Нужно замѣтить, что всѣ монастыри въ 60-тыхъ годахъ прошлаго вѣка переживали тяжелый экономическiй кризисъ: давно стоявшiй на очереди вопросъ о монастырскихъ имѣнiяхъ въ 1764 г. получилъ свое окончательное рѣшенiе и императрица утвердила докладъ коммиссiи объ отобранiи монастырскихъ имѣнiй и объ устройствѣ крестьянъ; временное исключенiе было сдѣлано только для Малороссiи и южныхъ губернiй—екатеринославской, харьковской, воронежской и курской. Въ Малороссiи число дворовъ, принадлежавшихъ цер-

ковнымъ имѣніямъ, простиралось до 14 слишкомъ тысячъ и нестроенія въ управленіи церковными имѣніями вызывали жалобы Румянцева, такъ что вопросъ о секуляризаціи имѣній малороссійскихъ монастырей былъ только вопросомъ времени и незадолго до составленія пунктовъ, въ 1766 году, синодъ уже получилъ предложеніе отъ своего оберъ-прокурора о томъ, чтобы принять за долгъ просить ея имп. величество распространить секуляризацію монастырской собственности и на Малороссію. Поводомъ къ этой мѣрѣ было указано вѣдомое всѣмъ нестроеніе въ средѣ духовныхъ, происходящее исключительно вслѣдствіе владѣнія землями, такъ какъ чрезъ него епархіи съ монастырями, монастыри съ церквами и мірянами ведутъ нескончаемыя тяжбы, духовныя власти поселяютъ между собою раздоръ, а бываетъ иногда и такъ, что архіерей, произведенный изъ архимандритовъ, ведя процессы, подаетъ самъ на себя жалобы. Такъ было, напримѣръ, между каѳедрой кіевской и Печерскимъ монастыремъ [1]). Малороссійскіе монастыри знали о предстоявшей секуляризаціи ихъ имѣній и потому тѣмъ больше и тѣмъ усерднѣе просили императрицу сохранить за ними всѣ ихъ старыя права по владѣнію „селами, деревнями, пахотными и сѣнокосными землями, мельницами, озерами, рыбными ловлями и проч. угодьями“, въ частности же, кромѣ того, просили отмѣнить и указъ 1728 года. Съ просьбой объ его отмѣнѣ малороссійское духовенство обращалось уже и раньше къ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, вскорѣ послѣ смерти гетмана Д. Апостола, но императрица отнеслась весьма строго къ ходатайству и приказала правителю Малороссіи кн. Шаховскому объявить малороссійскимъ архіереямъ выговоръ, „дабы впредь въ прошеніяхъ своихъ грубыхъ и предосудительныхъ словъ не включали“. Помимо этого, Шаховской получилъ еще предписаніе стараться склонить генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и прочихъ чиновниковъ на подачу прошенія о неукрѣпленіи за монастырями недвижимости, на что просителямъ заранѣе былъ обѣщанъ благопріятный от-

[1]) Соловьевъ, т. 26, стр. 28.

вѣтъ [1]). Если просьбы духовенства не имѣли никакого успѣха, или лучше сказать имѣли обратный успѣхъ у Анны Ивановны, то казалось бы, что надѣяться на благопріятный оборотъ дѣла при Екатеринѣ II рѣшительно не было никакого основанія, такъ какъ она твердо рѣшила освободить духовный чинъ „отъ суеты мірской и того зазрѣнія, въ которомъ онъ долголѣтне находился, обращаясь въ мірскихъ попеченіяхъ“ [2]), тѣмъ не менѣе представители монастырей думали объ этомъ иначе. Они имѣли слабость надѣяться на сохраненіе за ними землевладѣнія и просили для болѣе точнаго опредѣленія границъ своей собственности произвести обмежеваніе своихъ земель, занести ихъ на планы и „за скрѣпами и печатями межевщиковъ *поручить ко владѣнію вѣчно*“. Приэтомъ черниговскіе пункты предлагали для устраненія на будущее время земельныхъ споровъ признать всѣ обмежеванныя и записанныя за монастырями земли не подлежащими оспариванію ни въ какомъ случаѣ, даже въ томъ, если бы впослѣдствіи у кого-нибудь оказались на эти земли болѣе старые крѣпости и документы. Споры о такихъ земляхъ должны были рѣшаться разъ навсегда самими межевщиками при обмежеваніи земель и не подлежать послѣдующимъ пересудамъ. Этой мѣрой авторы черниговскихъ пунктовъ вполнѣ основательно полагали освободить монастыри отъ нескончаемыхъ тяжбъ и судебной волокиты и такимъ образомъ снять съ нихъ обвиненія правительства въ наклонности къ сутяжничеству и деморализаціи духовнаго сословія усиленными заботами о „мірскихъ попеченіяхъ“, а какъ велики, дѣйствительно, были „мірскія попеченія“ видно изъ примѣра архимандрита Гамалѣевскаго монастыря Давида, объявившаго по одному своему монастырю до 100 тяжебныхъ дѣлъ [3]).

На ряду съ ходатайствомъ объ обмежеваніи земель монастыри поставили и крайне важную просьбу о возвращеніи имъ земель,

[1]) Соловьевъ, т. XX, стр. 320.
[2]) Соловьевъ, т. 27, стр. 28.
[3]) Соловьевъ, т. 27, стр. 28.

занимаемыхъ оказачившимися посполитыми, и о возвращеніи такихъ козаковъ снова въ монастырскіе посполитые. Просьба крайне смѣлая и весьма характерная для ея авторовъ—кіевскаго духовенства. Въ поясненіе ея мы должны сказать, что въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, дѣйствительно, бывали нерѣдко случаи, что посполитые крестьяне переходили въ козачество и удерживали за собой земли своихъ прежнихъ владѣльцевъ, были ли то частныя лица, или монастыри. Кромѣ того, посполитые ухитрялись иногда продавать или отдавать въ видѣ приданаго свои земли козакамъ, жившимъ совмѣстно съ ними въ церковныхъ и монастырскихъ деревняхъ, такъ что козаки пріобрѣтали монастырскія земли, а монастыри бѣднѣли, упуская изъ своихъ рукъ и посполитыхъ подданныхъ, и занятыя ими земли.

Между тѣмъ такой порядокъ вещей былъ нарушеніемъ Л. Статута, согласно которому посполитые не имѣли права отчуждать занимаемыхъ ими земель безъ воли на то ихъ собственника, а равно не имѣли права удерживать за собой земель въ случаѣ вступленія на государственную службу (напр. въ козаки) или въ случаѣ ухода къ другому владѣльцу. Ссылаясь на это законоположеніе, ревнители монастырскихъ интересовъ кіевской епархіи просили: 1) всѣ церковныя и монастырскія земли, которыми владѣютъ бывшіе подданные, нынѣ обратившіеся въ козаковъ, безденежно возвратить монастырямъ и церквамъ, а самыхъ козаковъ по прежнему обратить въ подданныхъ; 2) въ тѣхъ монастырскихъ и церковныхъ деревняхъ, гдѣ козаковъ почему-либо нельзя обратить въ подданныхъ, ихъ предлагали вывести вонъ, дабы они впредь грунтами не завладѣвали и монастырскимъ подданнымъ обидъ не чинили; наконецъ, если и этого нельзя будетъ сдѣлать,—то монастыри просили подтвердить козакамъ, чтобы они не вступали съ подданными ни въ какія сдѣлки относительно земли, не принимали ихъ въ подсосѣдки и не шинковали на монастырскихъ земляхъ [1]).

Ходатайство монастырей о возвращеніи козаковъ въ подданные является единственнымъ въ этомъ родѣ среди всѣхъ

---

[1]) Сб. Р. И. И. Об., т. 43, стр. 485.

прошеній малороссіянъ. Другимъ проявленіемъ сословнаго эгоизма являются ходатайства монастырей объ освобожденіи ихъ отъ всѣхъ процессуальныхъ сроковъ при веденіи земельныхъ тяжебныхъ дѣлъ и объ устраненіи для нихъ общихъ правилъ относительно земской давности. Монастыри считали общіе судебные сроки (6-недѣльный для явки сторонъ въ суды 1-й инстанціи и годовой для подачи апелляціонныхъ жалобъ) стѣснительными для нихъ потому, что вслѣдствіе частой перемѣны монастырскихъ настоятелей и отсутствія повѣренныхъ они не могутъ осуществлять своихъ правъ съ той быстротой, какъ частныя лица и часто остаются обиженными. Тѣ же мотивы приводились монастырями и въ пользу отмѣны сроковъ земской давности, а прецедентами этому ходатайству указывались привилегія 1588 г. и указы 1748 и 1749 годовъ, по которымъ истеченіе давностнаго срока не должно служить препятствіемъ къ отыскиванію монастырскихъ и церковныхъ земель изъ посторонняго владѣнія. Всѣми этими мѣрами монастыри полагали облегчить положеніе своего землевладѣнія на случай тяжбъ и споровъ; но они, повидимому, забывали, что съ дарованіемъ просимыхъ льготъ положеніе противной имъ стороны было бы крайне невыгодно и что эти невыгоды не возмѣщались ничѣмъ со стороны самихъ монастырей. Монастыри въ данномъ случаѣ заблуждались, думая, что развитію ихъ землевладѣнія будетъ оказано правительствомъ, какъ и въ старое время, всякое содѣйствіе, даже въ ущербъ частнымъ интересамъ; но время, когда монастыри были культурно-просвѣтительной силой и свѣточами религіозно-нравственныхъ идей, когда православный народъ жертвовалъ на нихъ свои достатки и содѣйствовалъ ихъ благолѣпію, прошло, и за ними утвердился характеръ корпоративныхъ хозяйствъ съ весьма сильно выраженными мірскими заботами... Хлопоты о грунтахъ, постоянное изъ-за нихъ сутяжничество, стремленіе къ обогащенію винной торговлей, накопецъ, несимпатичное желаніе обратить козаковъ въ своихъ подданныхъ или согнать ихъ съ земель— вотъ черты для характеристики монастырей конца прошлаго вѣка.

Упомянувъ о винной торговлѣ, мы должны сказать, что винокуреніе послѣ вопроса о грунтахъ занимало самое важное

мѣсто въ пунктахъ, относящихся къ экономическимъ вопросамъ. И бѣлое, и черное духовенство желали для себя свободы винокуренія и винной торговли. Мы уже говорили, что право производить и то, и другое составляло привилегію шляхетскаго званія, имъ пользовались козацкіе старшины и рядовые козаки, какъ бы въ вознагражденіе за ихъ службу государству, духовенство также пользовалось этимъ правомъ до 1757 года, но въ этомъ году гетманъ Разумовскій запретилъ всѣмъ неслужащимъ, какъ то: посполитымъ, купцамъ, разночинцамъ, а особенно попамъ, курить вино и мотивомъ своего запрещенія выставилъ вредъ, происходящій отъ истребленія хлѣба и лѣса, и дурное вліяніе этой промышленности на народную нравственность. Этимъ универсаломъ бѣлое духовенство въ отношеніи винокуренія было сравнено съ посполитыми; старшины и козаки—сообщаетъ 4-й п. кіевской епархіи—злорадствовали надъ духовенствомъ по поводу универсала и съ большой энергіей принялись истреблять поповскіе шинки и винокурни, насылая на нихъ свои команды. Желая свободы винокуренія, бѣлое духовенство правильно замѣчало, что универсалъ Разумовскаго несправедливо лишилъ его этого права, такъ какъ оно, духовенство, такъ же служитъ государству, какъ и другія сословія. Въ равной степени несостоятельной казалась духовенству и мысль Разумовскаго, что запрещеніемъ попамъ винокуренія можно уменьшить истребленіе хлѣба и лѣса; напротивъ, въ винокуреніи духовенство разумно усматривало сбытъ хлѣбу и лѣсу, дающій крестьянамъ возможность уплачивать подати, а козакамъ оправляться въ домашнемъ обиходѣ и нести военную службу. Что касается монастырей, которыхъ не коснулся указъ 1757 г., то ихъ желанія заключались въ томъ, чтобы сдѣлать торговлю виномъ въ принадлежащихъ имъ деревняхъ своей монополіей, воспретивъ производство ея посполитымъ и даже жившимъ въ монастырскихъ деревняхъ козакамъ. Послѣднимъ, впрочемъ, монастыри соглашались разрѣшить производство вина исключительно для своего потребленія. На ряду съ свободнымъ винокуреніемъ монастыри черниговской епархіи хлопотали также и о безпошлинномъ занятіи другими отраслями промышленности, какъ то: заводами желѣзодѣлатель-

ными, стеклянными, известковыми, а также мукомольнымъ дѣломъ; вмѣстѣ съ этимъ, они ходатайствовали объ уничтоженіи сборовъ, взимавшихся съ пасѣкъ, съ перевозовъ и при продажѣ вина, лошадей, скота, пеньки и прочаго...

Ходатайствами о грунтахъ и винокуреніи не исчерпываются вполнѣ заботы бѣлаго духовенства и монастырей о своемъ экономическомъ положеніи. Къ нимъ нужно еще присоединить массу прошеній о сложеніи различныхъ повинностей, подрывавшихъ, по словамъ просителей, матеріальное благосостояніе бѣлаго духовенства и монастырей. Право на свободу отъ повинностей, денежныхъ и натуральныхъ, духовенство основывало на 29 арт. раз. 3-го Л. Статута и затѣмъ на позднѣйшихъ льготныхъ грамотахъ Петра I, отъ 1721 и 1724 гг., согласно которымъ „попы и церковники“ въ отношеніи квартирной повинности, одной изъ самыхъ важныхъ и непріятныхъ, были сравнены съ полковниками, сотниками и прочей старшиной, т. е. были отъ нея освобождены.

Однако, несмотря на существованіе льготныхъ петровскихъ грамотъ, духовенство, именно, хлопотало объ освобожденіи себя отъ квартирной повинности, такъ какъ фактически оно не было отъ нея свободно. Происходило это потому, что малороссійскіе старшины, желая какъ нибудь размѣстить великорусскую армію, а командиры послѣдней, желая поудобнѣе устроиться, ни во что ставили царскіе указы и занимали дома беззащитныхъ священнослужителей, увѣренные, что все сойдетъ имъ безнаказанно. Для оправданія ихъ своихъ дѣйствій они на всякій случай изобрѣли софистическое толкованіе петровскихъ указовъ въ томъ смыслѣ, что ими воспрещались постои только въ собственныхъ домахъ священнослужителей, а такъ какъ, за силой закона 1728 г., многіе изъ нихъ не имѣли грунтовъ и жили въ *наемныхъ* домахъ, то командиры находили, что въ этихъ случаяхъ не возбраняется ставить постои. Впрочемъ, къ несчастью духовенства, командирамъ едва ли часто приходилось прибѣгать къ какимъ либо оправданіямъ, такъ какъ они главнымъ образомъ полагались на безнаказанность своихъ поступковъ и не останавливались даже предъ займомъ подъ квартиры *школъ*, а учениковъ

употреблялн на различныя посылки, такъ что черниговское и переяславское духовенство вынуждено было просить о прекращеніи подобнаго безобразія [1]). Монастыри съ своей стороны жаловались, что войска заняли въ городахъ и селахъ ихъ подворья, въ силу чего братія, посѣщая эти города или селенія, вынуждена тратиться на наемъ себѣ помѣщеній; въ общемъ же монастыри находили, что отводъ войскамъ квартиръ долженъ совершаться отъ старшинъ или ратушъ не иначе, какъ по совѣту съ монастырскими властями.

Слѣдующею не менѣе обременительною повинностью духовенство выставило обложеніе рублевымъ окладомъ своихъ подсосѣдковъ, работниковъ, дворовыхъ и иныхъ людей, сидѣвшихъ на его, духовенства, земляхъ. Ссылаясь на свои шляхетскія права и указы Петра I о неположеніи священно и церковнослужителей въ окладъ, а также и на существовавшую до 1734 г. свободу отъ повинностей своихъ подсосѣдковъ, духовенство просило отмѣнить состоявшееся въ 1765 году обложеніе его подсосѣдковъ и работниковъ рублевымъ окладомъ и мотивами своего ходатайства указало крайнюю обременительность и неуравнительность этого налога.

Мы не будемъ здѣсь повторять этихъ доводовъ духовенства, такъ какъ они тѣ же, что и у шляхетства, но скажемъ только, что и бѣлое, и монашествующее духовенство не находили словъ и красокъ для изображенія бѣдствій, проистекающихъ отъ обложенія ихъ подданныхъ рублевымъ окладомъ и утверждали, что благодаря послѣднему, малороссійское населеніе бросаетъ свои жилища и бѣжитъ въ Польшу, а оставшееся на мѣстахъ разоряется тѣмъ, что уплачиваетъ повинности и за себя, и за сошедшихъ съ земель односельцевъ. Неуплата же повинностей въ срокъ навлекала на сего экзекуцію причемъ не было рѣдкостью, что войты, управители, подданные, всѣ безъ разбора заключались въ остроги вмѣстѣ съ ворами и разбойниками, а село должно было содержать еще на свой счетъ экзекуторскія команды, доставлять имъ кормъ, фуражъ и пр. Очень много жалобъ

---

[1]) Сб. Р. И. И. Об., т. 43, стр. 571 и 577.

и огорченій монастыри высказали еще на безчисленныя натуральныя повинности, тяжелымъ гнетомъ ложившіяся на ихъ подданныхъ крестьянъ: по требованіямъ великороссійскихъ и малороссійскихъ командировъ—писали монастыри—масса ихъ подданныхъ безконтрольно наряжается на польскую границу для устройства маяковъ, засѣкъ, рогатокъ и другихъ пограничныхъ работъ; не мало ихъ идетъ для постройки стоящимъ на форпостахъ войскамъ избъ, конюшенъ, для возки лѣсу, починки мостовъ, гатей, для вынемки горъ, устройства дорогъ, для почтовой гоньбы и кромѣ всего перечисленнаго для многихъ „партикулярныхъ“ надобностей командировъ. Спасаясь отъ бремени исчисленныхъ тягостей, крестьяне бросали свои хозяйства и бѣжали за границу, въ Польшу, а монастыри, конечно, терпѣли убытки и приходили въ разореніе, остановить которое, они полагали, возможно только полнымъ освобожденіемъ ихъ подданныхъ отъ всѣхъ повинностей, а также отъ многихъ злоупотребленій, исходившихъ отъ свѣтскихъ, въ особенности военныхъ, начальниковъ. Описаніемъ претерпѣваемыхъ монастырями бѣдствій наполнены многія страницы пунктовъ, и достаточно пробѣжать нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы представить себѣ, какова была сила безправія, власть сильнаго и положеніе личности и имущества беззащитнаго населенія... Многіе разныхъ чиновъ люди — писали монастыри кіевской епархіи— проѣзжая не только по казенной, но и по своей надобности, поступаютъ съ здѣшними жителями безсовѣстно, несмотря на запретительные ея и. величества указы, чинятъ великія обиды и разоренія, берутъ нагло подводы безъ подорожныхъ и платежа прогоновъ и харчъ всякій и фуражъ безденежно и многихъ невинныхъ людей бьютъ и увѣчатъ жестокими побоями, а нѣкоторые нападками своими и взятки берутъ деньгами и вещами, лошадьми и скотомъ... насильствомъ отнимаютъ хутора, земли, грунты, мельницы, лѣса, рыбныя ловли и проч. угодья и заводы, не только владѣльческіе, но и монастырскіе, и вымогаютъ у безгласныхъ людей, яко то: у вдовъ и сиротъ, крѣпости на тѣ ихъ имѣнія на свои и на постороннія имена и совсѣмъ оныхъ въ

крайнее разореніе приводятъ [1]). Затѣмъ монастыри представляли, что они понесли большіе убытки въ прошлую турецкую войну, уплативъ болѣе 3,000 за наемъ подводъ подъ различныхъ пословъ и что эти деньги остались имъ не возвращенными, равно какъ и деньги за взятыхъ для арміи воловъ. Долго перечислять все, на что жаловались монастыри: и на истребленіе лѣсовъ, и на потравы войсками луговъ, и на вылавливаніе въ озерахъ рыбы, въ лѣсахъ звѣрей и проч.; вообще жалобамъ монастырей на свѣтскихъ начальниковъ нѣтъ конца, и нужно сказать, что ни одно малороссійское сословіе не изобразило такъ полно и выпукло тягости господствовавшаго безпорядья и тягостей связанныхъ съ постоемъ регулярныхъ войскъ, какъ духовенство. Среди другихъ явленій его съ особенной силой возмущало—событіе послѣдняго времени—генеральная опись Малороссіи, такъ какъ въ глазахъ духовенства, главнымъ образомъ монашествующаго, она была предвѣстникомъ еще новыхъ окладовъ, поборовъ и даже нѣкоторой перетасовки поземельной собственности. Причина этого боязливаго взгляда на опись лежала въ томъ, что ревизоры описывали земли, грунты, скотъ, требовали представленія на земли крѣпостей или другихъ доказательствъ права владѣнія, отмѣчали всѣ промыслы и ихъ доходность, наконецъ, переписывали самое населеніе, дворы, дома, работниковъ, слугъ, подсосѣдковъ, по душамъ и по полу, отъ мала до велика, такъ что ничто не укрывалось отъ взоровъ румянцевскихъ статистиковъ. Какъ явленіе никогда небывалое, опись навела страхъ на населеніе Малороссіи, духовенство раздѣляло его и въ пунктахъ тщательно доказывало, что по силѣ шляхетскихъ правъ его не можетъ касаться „никакая экзекуція“, т. е. отобраніе земельныхъ владѣній даже въ томъ случаѣ, если на нихъ нѣтъ другихъ доказательствъ, кромѣ самаго факта владѣнія. Затѣмъ духовенство указывало на противозаконный характеръ переписи, такъ какъ она учинена вопреки національнаго закона, требующаго въ случаѣ устройства чего либо къ добру Рѣчи Посполитой—„*тогда то чинить и уставы всякіе дѣлать съ вѣдома и со-*

[1]) Ibid. стр. 479.

гласія общего". По этимъ и другимъ основаніямъ духовенство просило „небывалую, малороссійскимъ правамъ и стародавнимъ обычаямъ противную ревизію отставить", ибо малороссійскій народъ, церковные и монастырскіе подданные, дворовые люди, слуги, и подсосѣдки, „предразсуждая въ той ревизіи нѣчто къ своему отягощенію небывалое, бѣгутъ за границу, гдѣ прежняя вольность содержится".

Какъ объ исключительномъ желаніи бѣлаго духовенства, намъ предстоитъ еще сказать, что духовные пастыри хлопотали о возстановленіи существовавшаго до 1765 года порядка вознагражденія ихъ служебной дѣятельности. Этотъ порядокъ состоялъ въ томъ, что обыкновенно священники при избраніи ихъ прихожанами выговаривали себѣ отъ каждой семьи извѣстный годовой доходъ и затѣмъ вознагражденіе за совершаемыя требы, такъ что доходы духовенства устанавливались при самомъ избраніи его на должности, но 17 февр. 1765 г., вслѣдствіе доклада коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, состоялось распоряженіе, чтобы священно и церковно-служители брали съ своихъ прихожанъ по таксѣ, указанной въ докладѣ, а отъ тѣхъ, кто будетъ давать по своему состоянію и желанію довольствовались бы доброхотнымъ даяніемъ. Это распоряженіе, по выраженію духовенства, отсѣкло у него всѣ доходы, такъ какъ люди зажиточные перестали дѣлать взносы и духовенство, не имѣвшее ни ружныхъ ни собственныхъ земель, настолько обѣднѣло, что сравнивало себя съ нищими, просящими по міру милостыни. Протопопы малороссійскіе, кромѣ того, были еще недовольны отмѣной выдачи вѣнечныхъ памятей лицамъ вступавшимъ въ бракъ, и просили ее возстановить, такъ какъ съ отмѣной этого обычая они утеряли доходы, поступавшіе къ нимъ за выдачу памятей.

Отъ ходатайствъ бѣлаго духовенства о своемъ матеріальномъ положеніи мы обратимся еще къ его просьбамъ относительно улучшенія экономическаго состоянія малороссійскихъ церквей, ихъ благоустройства и благолѣпія, упавшихъ, по заявленію просителей, въ силу многихъ распоряженій послѣдняго времени. О матеріальномъ положеніи малор. церквей нужно сказать, что источникомъ содержанія ихъ были, кромѣ пожертво-

ваній прихожанъ, еще собственныя церковныя имѣнія—пахатныя земли, населенныя слободки, торговыя лавки, коморы, мельницы и, наконецъ, церквамъ давали доходы братерскіе дома или церковные шинки, гдѣ шла торговля напитками, а въ дни храмовыхъ праздниковъ въ пользу церквей въ нихъ производилась торговля разсыченнымъ медомъ—кануномъ. Помимо сказанныхъ статей дохода, церкви имѣли еще доходы до 1755 года и отъ различныхъ ярмарочныхъ сборовъ, какъ то: помѣрнаго съ хлѣба и поведерковаго и ваговаго—съ вина и дегтю. На эти средства въ церквахъ поддерживалось благолѣпіе, содержались при нихъ школы и шпитали, но въ послѣднее время—жалуется духовенство—содержаніе прежняго благолѣпія, школъ и шпиталей стало немыслимымъ. Причины тому—въ упадкѣ доходовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, ярмарочные сборы, совсѣмъ были отмѣнены, а другіе, хотя и не были отмѣнены, но были стѣснены правительственными мѣрами или же злоупотребленіями свѣтскихъ властей. Стѣсненія эти заключались въ томъ, что церковныя земли, всегда бывшія свободными отъ налоговъ, стали облагаться рублевымъ окладомъ, котораго не избѣжали даже школы, госпитали и братерскіе дома; что владѣльцы, командовавшіе въ городахъ и деревняхъ, стали запрещать церквамъ производить торговлю напитками, церковныя земли отбирали, дома, школы и госпитали занимали постоями, людей употребляли на свои работы и вообще всѣ церковныя прибыли обращали въ свою пользу, вслѣдствіе чего церкви лишались всякаго „снабдѣнія“. Вооружаясь противъ заведенныхъ злоупотребленій, духовенство жаловалось, что, благодаря имъ, оно не въ состояніи ни содержать школъ, ни помогать бѣднымъ, ни заботиться объ украшеніи храмовъ и потому просило рублевый окладъ съ церковныхъ имѣній сложить и дозволить церквамъ по прежнему взимать ярмарочные сборы и производить торговлю напитками, а владѣльцамъ и командирамъ просило запретить малѣйшее нарушеніе матеріальныхъ выгодъ церквей [1]).

[1]) Ibid. стр. 466.

Послѣ стѣснительныхъ правительственныхъ распоряженій и злоупотребленій владѣльцевъ, другой причиной упадка матеріальнаго благосостоянія церквей, духовенство указало на увеличивавшееся охлажденіе къ церковнымъ интересамъ ремесленныхъ цеховъ, снабжавшихъ обыкновенно церкви виномъ, ладаномъ, воскомъ, а также деньгами на содержаніе и погребеніе странниковъ и нищихъ, проживавшихъ въ такъ называемыхъ шпиталяхъ. Обычай участія ремесленныхъ цеховъ въ дѣлахъ церкви составлялъ очень древнее явленіе и происхожденіе его относится еще къ первому времени борьбы южно-русскаго народа съ католичествомъ за „благочестіе“, когда центральными пунктами борьбы были юго-западные города со смѣшаннымъ—окатоличившимся и православнымъ—населеніемъ. Извѣстно, что богатое южнорусское панство подпало латинству и защитникомъ благочестія явилось мѣщанство, объединенное магдебургскимъ правомъ и сплоченное въ цехи; тогда возникли церковныя братства, схожія по устройству съ городскими цехами и взявшія патронатъ надъ православною церковью въ свои руки. „Какъ цехи, такъ и братства—говоритъ г. Кулишъ [1])—сжегодно выбирали старшину для завѣдыванія общими ихъ дѣлами“. И ремесленные цехи, и братства признавали себя обязанными снабжать свою церковь всѣмъ необходимымъ, заботиться о распространеніи хвалы Божіей между православными, присутствовать въ праздники при богослуженіи и участвовать при погребеніи умершихъ братьевъ“. Словомъ, выражаясь языкомъ того же автора, мѣщанство взяло на себя трудъ „дѣятельнаго благочестія“, но когда съ теченіемъ времени борьба съ латинствомъ затихла, то и дѣятельная роль мѣщанъ въ дѣлахъ церкви упала, братства закрылись, а цехи перестали оказывать матеріальную поддержку въ прежнихъ размѣрахъ. Такъ, именно, и было во время составленія пунктовъ: цехи существовали какъ ремесленныя корпораціи, ни въ чемъ уже не зависѣли отъ духовнаго начальства, въ сборахъ своихъ не давали ему никакого отчета и сборы эти пропадали, по словамъ духовенства, за цехмистрами и ключниками.

[1]) Кулишъ. Ист. возсоед. Руси т. I, стр. 231.

Въ отношеніи церковнаго благоустройства духовенство выразило особенныя хлопоты о содержаніи при церквахъ полнаго, такъ сказать, штата служащихъ—дьячковъ, пономарей, ктиторовъ и другихъ, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ съ тѣхъ поръ, какъ эти лица лишились нѣкоторыхъ льготъ и стали отбывать всѣ повинности. Съ этой несчастной поры церкви остались безъ необходимыхъ служителей, ктиторы, отягощенные государственными налогами, перестали заботиться о церковныхъ достаткахъ и благосостояніе церквей упало. Не выиграло также и благолѣпіе церковной службы, ибо за отсутствіемъ профессіональныхъ церковнослужителей церкви принуждены были довольствоваться бродячими школьниками... Такъ что совмѣстная жизнь съ единовѣрной Великороссіей не оказала на нихъ въ этомъ случаѣ никакого благотворнаго вліянія. Авторы пунктовъ, толкуя объ этомъ довольно пространно, всегда придерживались метода историческаго сравненія, вспоминали старые порядки, сравнивали ихъ съ вновь нарожденными и давали въ заключеніе свои выводы,—выводы не въ пользу новизны, а всегда просили о возвратѣ къ старому доброму времени, которымъ они увлекались наравнѣ съ другими сословіями до полнаго его апотеоза. Теперь, когда мы изложили всѣ наиглавнѣйшія желанія духовенства, стоитъ бросить ретроспективный взглядъ, чтобы суммировать все сказанное. Духовенство въ пунктахъ заявило себя ничѣмъ не довольнымъ.

Словомъ, если читатель потрудится бросить ретроспективный взглядъ на все содержаніе пунктовъ, то ему представится характерная картина недовольства духовенства всѣми существовавшими въ его время порядками. Духовенство было недовольно и умаленіемъ его шляхетскихъ правъ, и стѣсненіемъ его автономіи въ дѣлахъ внутренняго управленія, и паденіемъ въ его средѣ образованія, обусловленнымъ невниманіемъ правительства къ просвѣщенію, и стѣсненіями духовныхъ судовъ вмѣшательствомъ въ нихъ свѣтскихъ начальниковъ, и своимъ экономическимъ положеніемъ, разстроеннымъ различными запретительными указами и обременительными налогами и вообще злоупотребленіями свѣтскихъ старшинъ и великорусскихъ начальниковъ, неуважительно третировавшихъ духовное сословіе и причинявъ-

шихъ ему „великія огорченія“ и многимъ другимъ... Сколько было неудовольствій, столько же было у духовенства и желаній. Суммировать ихъ въ отношеніи бѣлаго духовенства мы можемъ однимъ словомъ—стремленіемъ къ правамъ и положенію шляхетства; что же касается монастырей—то ихъ стремленія были направлены къ сохраненію за собой положенія крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, къ освобожденію отъ всѣхъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей и сохраненію болѣе или менѣе самостоятельныхъ порядковъ въ дѣлахъ своей внутренней организаціи и жизни. Заботы о просвѣщеніи, о школахъ, шпиталяхъ, матеріальномъ благосостояніи церквей, распространеніи благочестія въ Польшѣ, печатаніи книгъ и религіозныхъ сочиненій и проч. являются свѣточами среди остальной массы сословныхъ желаній духовенства, желаній, клонившихся, какъ и у шляхетства, къ реституціи старины и прежнихъ отношеній. „Старина“ была для малороссійскаго духовенства вожделѣннымъ эдемомъ, потеряннымъ раемъ, почему мы о духовенствѣ должны сказать, что эпоха съ возсоединенія до 1767 года ничему его не научила, а была временемъ застоя, которое было желательно вычеркнуть, чтобы начать жизнь снова отъ момента, когда оно было сбито политическими событіями съ своего надлежащаго направленія. Поэтому, обвинять малороссійское духовенство въ узости взглядовъ, въ безъидейной приверженности старинѣ, потому только, что она старина, мы полагаемъ, нѣтъ основаній, такъ какъ въ желаніи духовенства возвратиться къ старинѣ можно видѣть, какъ бы побужденія долго косившаго человѣка снова возвратиться къ тому мѣсту, гдѣ остановилось его развитіе.

Само собой естественно, что такой возвратъ вовсе не былъ необходимъ, а въ отношеніи желаній монастырей былъ даже вреденъ, ибо жизнь цивилизованныхъ народовъ и насущныя потребности Россіи требовали иного, но духовенство было по своему право, если оно, заброшенное въ теченіи цѣлаго вѣка, такъ, а не иначе, понимало свои интересы и въ качествѣ программы могло выставить только порядки стараго времени.

Опредѣливъ выше всю сумму желаній бѣлаго духовенства однимъ словомъ „шляхетство“, намъ небезъинтересно взглянуть,

какъ люди екатерининской коммиссіи, а именно составители извѣстнаго проекта „о родахъ государственныхъ“, разсматривали духовенство въ смыслѣ сословія и насколько ихъ взгляды согласовались съ желаніями малороссійскихъ пастырей. Нужно сказать, что проектъ о сословномъ положеніи духовенства вообще былъ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ исключительно великорусскихъ взглядовъ, а извѣстно, что въ Великороссіи положеніе духовенства, предшествовавшее коммиссіи, вовсе было не таково, чтобы сближать его съ дворянствомъ, соотвѣтствовавшимъ малороссійскому шляхетству. Русское государство, не знавшее людей, необязанныхъ ему тѣмъ или инымъ родомъ службы, не допускало дворянъ въ духовное сословіе, пока на нихъ лежала обязанность службы, и только въ небольшой періодъ отъ 1714—31 гг., когда дѣйствовалъ законъ о майоратахъ, младшимъ сыновьямъ дворянъ дозволено было вступать въ духовное званіе, но съ отмѣной этого закона дозволеніе было взято назадъ.

Раздѣляя воззрѣнія прежняго времени, составители проекта о государственныхъ родахъ не ввели духовенство въ ряды дворянъ, а оставили среди „подлыхъ состояній“ и отнесли къ разряду мѣщанъ, „упражняющихся въ наукахъ и службахъ“. Тѣмъ не менѣе, чтобы сильнѣе выдвинуть духовенство, ему предполагалось дать особыя привилегіи, которыя имѣли заключаться: въ особенномъ почтеніи, сопровождаемомъ болѣе сильнымъ наказаніемъ за обиду, въ льготахъ отъ платежа поголовныхъ денегъ, податей, рекрутчины и гражданской службы, въ подсудности по духовнымъ дѣламъ исключительно своему начальству, а по дѣламъ общимъ свѣтскимъ судамъ, но при участіи въ нихъ духовнаго депутата, въ свободѣ отъ тѣлесныхъ наказаній до лишенія духовнаго сана, въ льготахъ отъ военныхъ постоевъ, полицейскихъ службъ и публичныхъ работъ, исключая относящихся къ поддержанію чистоты и благоустройства городовъ. Наконецъ, проектировалось дозволить духовенству ѣздить въ каретахъ и преимущественно предъ другими помѣщать своихъ дѣтей въ семинаріи. Для украинскаго духовенства не было сдѣлано исключенія и оно было внесено въ генеральное положеніе.

Причисленіе духовенства къ среднему роду людей вызвало сильный протестъ со стороны синода; особенно возставалъ митрополитъ Гавріилъ, доказывавшій, что уже византійскіе императоры считали духовенство благороднымъ сословіемъ и что общество совершенно перестанетъ уважать своихъ пастырей, если они будутъ поставлены наравнѣ съ мѣщанами и купцами. Обсудивъ всесторонне проектъ, синодъ нашелъ въ немъ два крупныхъ недостатка: во первыхъ, проектъ касался только положенія въ государствѣ низшаго духовенства и ничего не упоминалъ о высшихъ его представителяхъ и, во вторыхъ, онъ не принялъ во вниманіе особое положеніе малороссійскаго духовенства, въ виду каковыхъ упущеній синодъ высказалъ мысль, что проектъ долженъ быть переработанъ вторично и всѣ права и выгоды духовенства должны быть положены въ законъ [1]).

Какъ ни были скромны права духовенства, проектированныя коммиссіей о государственныхъ родахъ, но съ неудачнымъ окончаніемъ коммиссіи и ими не пришлось воспользоваться духовному сословію, такъ что нѣкоторыя его желанія стали осуществляться уже въ позднѣйшее время: въ концѣ XVIII в. оно получило право на пожалованіе орденами, въ 1806 г. было освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній и въ началѣ этого же вѣка пріобрѣло право владѣть недвижимыми имуществами, самый же главный шагъ къ сближенію духовенства съ дворянствомъ былъ сдѣланъ уже въ наше время указомъ 1869 г., уничтожившимъ наслѣдственность духовнаго званія и приравнявшимъ священнослужителей къ личнымъ дворянамъ.

Что касается просьбъ монастырей, то рѣшительнымъ отвѣтомъ на нихъ Екатерины II былъ указъ 1786 г. [2]) синоду о сравненіи малороссійскаго монашества съ великорусскимъ и о введеніи штатовъ, т. е. денежнаго содержанія вмѣсто натуральнаго, отмѣняемаго въ силу отобранія въ казну монастырскихъ имѣній. Въ названномъ указѣ Екатерина заявляла, что съ устроеніемъ трехъ малороссійскихъ намѣстничествъ—кіевскаго, чер-

---

[1]) Латкинъ. Зак. ком. въ XVIII в., стр. 498.

[2]) „Кіев. Ст." 1882 г., кн. 5, стр. 329.

ниговскаго и новгородъ-сѣверскаго—наравнѣ съ прочими губерніями, она нашла удобнымъ ввести въ нихъ единообразіе и въ отношеніи архіерейскихъ домовъ и монастырей *и освободить духовныхъ чиновъ и властей отъ несвойственныхъ имъ управленія деревнями, заботъ хозяйственныхъ и всего болѣе неприличныхъ духовному сану хожденій въ судахъ по тяжбамъ и ссорамъ*, стараясь этой реформой принести возможную обществу пользу. Послѣ указа 1786 года, конечно, большая часть прошеній монашествующаго духовенства теряла всякій raison d'être: всѣ хлопоты о расширеніи и благоустройствѣ монастырскаго землевладѣнія стали анахронизмомъ, заботы о просвѣщеніи по программѣ, выдвинутой пунктами, также стали излишними, ибо съ распространеніемъ на Малороссію единообразія въ устройствѣ ея епархій въ ней должны были возникнуть семинаріи по образцу великорусскихъ. Потеряли всякій смыслъ и просьбы всего духовенства о поддержаніи въ его средѣ выборнаго начала, такъ какъ съ учрежденіемъ штатовъ кіевскій митрополитъ, архимандриты и архіереи стали получать содержаніе отъ казны. Самое число монастырей и монашествующихъ при введеніи штатовъ въ малороссійскихъ епархіяхъ значительно было сокращено: 42 обители были закрыты, а 466 иноковъ и 510 инокинь остались излишними, не считая 29 настоятелей и настоятельницъ. Мы не можемъ не упомянуть еще, что указъ 1786 года, касаясь общей реформы монашествующаго духовенства, упразднялъ въ отдѣльныхъ случаяхъ нѣкоторые монастыри, получившія въ глазахъ народа значеніе историческихъ памятниковъ. Такъ, Кіево-Межигорскій монастырь было указано перевести въ таврическую область, а строеніе его обратить въ домъ призрѣнія дряхлыхъ и неимущихъ офицеровъ; кіевской академіи было указано быть въ Кіево-Печерской лаврѣ, а Братскій монастырь, служившій ея помѣщеніемъ, обратить въ главный госпиталь. Самому митрополиту кіевскому было указано жить въ Кіево-Печерской лаврѣ. Однако, по ходатайству Румянцева, всѣ эти распоряженія не были приведены въ исполненіе. Реформы Екатерины тяжело отозвались на малороссійскомъ духовенствѣ и глава его, митрополитъ кіевскій Самуилъ, писалъ П. А. Ру-

мяпцеву, что опѣ приближаютъ его „ощутительнымъ образомъ къ послѣднему концу жизни“ и наводятъ на мысль „не рѣшиться ли по болѣзнямъ на избраніе уединенія, или ожидать того же жребія, каковому подверженъ отецъ архимандритъ Зосима“,— послѣдній пастоятель Кіево-Печерской лавры, избранный въ это званіе вольными голосами и въ 1786 году [1]) уволенный на пребываніе въ Голосѣевскую пустынь.

Вотъ все, что мы намѣрены были сказать о желаніяхъ и нуждахъ духовенства, въ слѣдующей главѣ мы обратимся къ содержанію наказовъ отъ городовъ.

ГЛАВА IV.

М ѣ щ а н е.

Для ознакомленія съ нуждами, желаніями и стремленіями малороссійскихъ мѣщанъ екатерининскаго времени въ нашемъ распоряженіи находятся шесть наказовъ отъ городовъ—Глухова, Чернигова, Погара, Стародуба, Полтавы и Лубенъ, т. е., исключая Погаръ, отъ лучшихъ городовъ Малороссіи. Изъ нихъ Черниговъ, Стародубъ, Полтава и Лубны были полковыми, т. е. по сравненію съ настоящимъ дѣленіемъ городовъ — губернскими, Глуховъ же былъ резиденціей главнаго малороссійскаго правленія, но такой случайный подборъ наказовъ по существу нисколько не измѣняетъ дѣла, такъ какъ нужды и желанія городовъ были общи всѣмъ безъ различія. Чтобы при изложеніи содержанія наказовъ не отвлекаться въ сторону, мы прежде всего должны сказать, что въ Малороссіи существовали города двоякаго типа: одни изъ нихъ наиболѣе старые и развитые, какъ напримѣръ, Кіевъ, Переяславъ, Черниговъ, Стародубъ, Нѣжинъ, пользовались, такъ называемымъ, магдебургскимъ правомъ, на основаніи котораго жители ихъ сами управлялись и судились, другіе же города, какъ напр. Глуховъ, Лубны, Полтава и пр., не пользовались упомянутымъ правомъ и жители ихъ въ отношеніи управленія и суда находились въ вѣдомствѣ общаго вой-

[1]) „Кіев. Ст.“ 1883 г., кн. 4, стр. 898.

сковаго правленія, т. е. полковыхъ канцелярій или сотенныхъ правленій, смотря по мѣсту, занимаемому городомъ въ административномъ дѣленіи Малороссіи. Магдебургское право было пожаловано малорусскимъ городамъ еще польскими королями; основная черта его и самый смыслъ дарованія его городамъ заключались въ томъ, чтобы предоставить городскимъ общинамъ самоуправленіе и самосудъ и спасти ихъ отъ подавленія военнымъ сословіемъ и отъ произвола намѣстниковъ и воеводъ. Согласно этому, города, получившіе привилегіи на устройство по магдебургскому праву, ни отъ кого не зависѣли и сами себя вѣдали. Во главѣ ихъ стояло правящее учрежденіе, составлявшееся изъ выборныхъ урядниковъ—магистратъ; онъ распадался на двѣ коллегіи—административную и судебную, первая завѣдывала городскимъ имуществомъ, полиціей, торговлей и судомъ по гражданскимъ искамъ, вторая судила уголовныя преступленія. Члены коллегій были выборные, во главѣ ихъ стоялъ войтъ, избиравшійся изъ природныхъ мѣщанъ даннаго города. Магистратъ вообще составлялся изъ природныхъ мѣщанъ, но, какъ административное и судебное учрежденіе, онъ вѣдалъ всѣхъ жителей даннаго города, безъ различія сословій, лишь бы только лица изъ другихъ сословій сидѣли на мѣщанскихъ земляхъ, имѣли домъ, торгъ или ремесло. Не завися ни въ чемъ отъ другаго правленія, кромѣ магистрата, мѣщане въ привилегированныхъ городахъ должны были бы пользоваться, кажется, совокупностію всѣхъ условій, чтобы играть въ городахъ видную роль и значеніе, но наказы показываютъ, что въ дѣйствительности этого не было и мѣщане въ магистратскихъ городахъ одинаково жаловались на свое положеніе, какъ и въ не магистратскихъ. Что касается городовъ послѣдняго типа, т. е. непривилегированныхъ, то о нихъ слѣдуетъ сказать, что они ни въ судѣ, ни въ управленіи не пользовались никакой самостоятельностью; мѣщане въ нихъ не выдѣлялись въ особую группу ни въ порядкѣ суда, ни въ порядкѣ управленія, которые были слиты въ такихъ городахъ обще съ козацкими, воинскими, почему положеніе мѣщанъ въ нихъ было значительно хуже, чѣмъ въ городахъ магистратскихъ. Предпославъ эти нѣсколько строкъ, мы пере-

ходимъ къ обозрѣнію состоянія малороссійскихъ городовъ, къ ихъ нуждамъ и соотвѣтственно этому къ желаніямъ мѣщанства исправить существовавшіе у нихъ недостатки.

Напрасно бы читатель, знакомый съ прекраснымъ состояніемъ западныхъ городовъ, развившихся на основѣ магдебургскаго права, искалъ бы въ городскихъ наказахъ хотя тѣни чего либо подобнаго для городовъ Малороссіи. Не по винѣ, конечно, магдебургскаго права, а по общимъ экономическимъ невзгодамъ, тяготѣвшимъ надъ жизнію Украйны, всѣ вообще города, и привилегированные и непривилегированные, выглядятъ въ наказахъ въ самомъ мрачномъ и неприглядномъ свѣтѣ. Городскіе наказы—это неполная, но правдивая и яркая картина упадка и разложенія городовъ Малороссіи. Бѣдные по количеству населенія города [1]), по свидѣтельству наказовъ, были еще бѣднѣе въ матеріальномъ отношеніи; жалкіе по своей политической ничтожности они были еще болѣе жалки по господствовавшимъ внутри нихъ безпорядкамъ и хаосу въ сферахъ суда, городскаго хозяйства и управленія; ничтожные по своей политической роли въ общемъ государственномъ тѣлѣ Россіи, малороссійскіе города поражаютъ при разсмотрѣніи наказовъ, ничтожностію своего главнаго сословія—мѣщанства. Торговыя дѣла, промышленность, цехи, ремесла, все это, поражаетъ изслѣдователя наказовъ, своимъ крайнимъ убожествомъ или даже полнѣйшимъ отсутствіемъ.... Мѣщане, эта основа городовъ екатерининскаго времени, составляли въ малороссійскихъ городахъ чуть ли не самую бѣдную часть населенія; ихъ наказы—это безконечный рядъ жалобъ на свое нищенское существованіе, на свое безпарядье, на свою задавленность другими сословіями. Соотвѣтственно такому положенію главнаго городскаго сословія, самый внѣшній видъ малороссійскихъ городовъ былъ крайне невзрачный и болѣе чѣмъ безпорядочный. Города, по имѣющимся у насъ наказамъ, нисколько не изображали изъ себя центровъ экономическихъ богатствъ, сосредоточія торговой, промышленной и ум-

---

[1]) Въ Черниговѣ, напримѣръ, было немногимъ болѣе 400 домовъ, считая и пустыя избы (Нак. 8), въ Лубнахъ считалось всего 363 двора, включая туда и вдовы духовенства.

ственной дѣятельности. О послѣдней въ наказахъ даже не было и рѣчи... Развѣ только присутствіе полковыхъ или сотенныхъ правленій да изобиліе квартировавшихъ великорусскихъ войскъ и начальства выдѣляли городскую жизнь отъ жизни остальныхъ захолустій земледѣльческой Украйны.

Въ такомъ мрачномъ видѣ представляются намъ малорусскіе города половины 18-го вѣка по извѣстнымъ наказамъ; въ такомъ же видѣ представлены они и въ наказѣ, данномъ малорос. коллегіей своему депутату Натальину [1]). Коллегія писала, что строеніе въ городахъ „вездѣ деревянное, безпорядочное, видъ безобразный имѣющее и для огня крайне опасное“ и что законы, какъ-то: „Статутъ“ и „Порядокъ правъ гражданскихъ“, хотя и достаточно содержатъ въ себѣ полицейскихъ постановленій, относящихся къ чистотѣ и украшенію городовъ, но все, что ни дѣлается подъ видомъ полиціи, къ сожалѣнію, служитъ только къ народному отягощенію. Художества, цехи, ремесла, торговля, по словамъ наказа той же коллегіи, также въ городахъ пали или находились въ эмбріологическомъ состояніи. Сами мѣщане сознавались въ наказахъ въ своемъ плачевномъ матеріальномъ и соціальномъ положеніи и указывали этому различныя причины. Мы не будемъ касаться покамѣсть этихъ причинъ, а укажемъ только, какъ рисовали наказы положеніе представляемыхъ ими городовъ. Глуховцы, напримѣръ, жаловались, что ихъ городъ находится въ состояніи крайняго разоренія; что его въ періодъ отъ 1724—48 г. трижды разоряли пожары, истребившіе дома, лавки, церкви и пр. имущество; что, кромѣ всего этого, они, глуховцы, терпятъ нѣсколько лѣтъ къ ряду недородъ хлѣба, истребленіе его саранчею; что цехи въ Глуховѣ упали, мастеровые изъ нихъ разбѣгаются, уходятъ подъ владѣльцевъ и пр.“ [2]).

Въ такомъ же родѣ описывали положеніе своего города и черниговцы: сначала польская и турецкая войны, затѣмъ моро-

---

[1]) 43 т. Сб. И. Р. П. Об 224 стр. Наказъ м. коллегіи, при сравненіи его съ запиской Румянцева о непорядкахъ въ Малороссіи, представляетъ только болѣе распространенную ея редакцію и написанъ тѣмъ же языкомъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ.

[2]) Нак. 72.

вая язва и „преужасній пожаръ“ довели горожанъ до такой бѣдности, что, когда отъ многочисленныхъ дворовъ Чернигова послѣ пожара осталось незначительное количество, то сгорѣвшіе дома такъ и остались въ теченіи 50 лѣтъ незастроенными [1]) и городъ представлялъ пепелище. О Погарѣ составители наказа чистосердечно сознавались, что онъ находится въ такой бѣдности, что не имѣетъ средствъ для починки своего магистрата и для уплаты присутствующимъ въ немъ урядникамъ, писарямъ и канцелярскимъ служителямъ жалованья [2]).

Не лучше было и положеніе Стародуба, жители котораго въ первомъ же пунктѣ своего наказа представляли императрицѣ, что городъ ихъ рѣшительно обнищалъ, что мѣщанъ осталось подъ вѣдѣніемъ магистрата самое незначительное число, а остальные, избѣгая многочисленныхъ тягостей, отошли вмѣстѣ о своими дворами, пашенными и сѣнокосными землями подъ различныхъ владѣльцевъ, старшинъ и поповъ. Городскіе доходы Стародуба были до того ничтожны, что на нихъ едва содержался (городской) магистратскій писарь, подписки и служители, да покупались дрова, бумага, сургучъ и свѣчи, содержаніе же городскихъ часовъ и полкового лѣкаря съ жалованьемъ въ 140 руб. было положительно уже свыше силъ стародубскаго самоуправленія и никто не удивится этому, если добавить, что источникомъ доходовъ Стародуба была одна мельница на р. Бабинцѣ [3]).

Полтава и Лубны, не пользовавшіеся привилегированнымъ положеніемъ, а находившіеся: первая въ вѣдомствѣ полковой канцеляріи, а вторые—въ вѣдомствѣ войскового скарба терпѣли въ матеріальномъ отношеніи тѣ же недостатки, что и города перечисленные выше съ той разницей, что мѣщанамъ, не защищаемымъ никакими привилегіями, жилось въ нихъ еще хуже.

Полтавцы жаловались, что, благодаря полковому управленію, городъ ихъ пришелъ въ совершенное запустѣніе и разстройство: нѣтъ ни крѣпости, какая была устроена послѣ шведской войны, ни хорошихъ общественныхъ строеній, ни приличныхъ городу

[1]) Ibid. 81.
[2]) Ibid. 92.
[3]) Ibid. 108

украшеній; городскія земли расхищены полковникомъ и старшиной, мѣщане или записались въ козаки, или вышли въ чины, или записались за частныхъ владѣльцевъ, а въ результатѣ городскія повинности упали на оставшихся мѣщанъ, а такъ какъ эти повинности были крайне тяжелы, то и „послѣднее гражданство“—писали полтавцы—ежечасно вмаляется [1]). Лубны, по свидѣтельству ихъ наказа, находились также въ безусловномъ „изнеможеніи“, о которомъ—говорилось въ наказѣ—можетъ свидѣтельствовать и обветшалость городскихъ зданій и опустѣніе города, состоявшаго всего изъ 363 дворовъ! Словомъ, всѣ малороссійскіе города находились въ самомъ возмутительномъ состояніи: разоренные, безъ населенія и безъ доходовъ они не могли даже содержать, какъ слѣдуетъ, органовъ своего управленія, равно какъ были далеки отъ благоустройства и необходимаго для ихъ процвѣтанія порядка и спокойствія. Въ городахъ не было даже полиціи. Такъ, Глуховъ [2]), бывшій много лѣтъ резиденціей главнаго малороссійскаго правленія, не имѣлъ ни полиціи, ни надзора за чистотой города, ни наблюденія за предупрежденіемъ и тушеніемъ пожаровъ, составлявшихъ самый ужасный бичъ Малороссіи. О Переяславѣ намъ извѣстно [3]), что тамъ, хотя и существовала полиція, но съ переходомъ магистрата въ вѣдѣніе полковой канцеляріи она была отдана въ распоряженіе послѣдней и „невѣдомо почему—писали члены переяславскаго магистрата въ 1765 г.—была переведена за городъ, за браму илтицкую“ и поручена сотнику терехтемировскому, который могъ собрать служащихъ въ нее только насильственнымъ образомъ. Самъ магистратъ объявлялъ, что содержать ему особую полицію „не изъ чего“.

Бѣдность городовъ отражалась и на торговлѣ, и на промышленности: недостатокъ въ капиталахъ не дозволялъ мѣщанамъ развить ни того, ни другого. Глуховцы о себѣ говорили [4]), что у нихъ нѣтъ ни пепечныхъ, ни табачныхъ, ни другихъ заводовъ,

[1]) Ibid. 116.
[2]) Ibid. 76.
[3]) К. С. 82 г. Авг. 381 стр.
[4]) Ibid. 74.

что они только тѣмъ и питаютъ себя, что перепродаютъ въ лавкахъ разный товаръ, также соль, рыбу и другія дробязки (т. е. мелочь) врозь „въ локтѣ и фунты“. Черниговцы въ свою очередь подтверждали, что у нихъ также не имѣется ни заводовъ, ни промысловъ табачныхъ и пепечныхъ, ни занятія скотоводствомъ, ничего другого, кромѣ винокуренія, шинкованія и продажи съѣстныхъ припасовъ. Полтавскіе мѣщане писали, что главное занятіе ихъ состоитъ въ торговлѣ скотомъ [1]). Другіе наказы только жаловались на бѣдность, на слабые торговые обороты, но не объясняли, что составляло предметъ ихъ торговли. Впрочемъ, стародубцы въ одномъ мѣстѣ наказа обмолвились, что предметомъ ихъ торговли служатъ: пенька, воскъ, олей (масло) медъ, звѣри и пр., т. е. вообще сырыя произведенія сельскаго хозяйства.

Откуда-же возникло описанное неблагоустройство и безобразное экономическое состояніе городовъ Малороссіи? Отвѣтъ на это содержатъ наказы. Главныя причины упадка городскаго быта, по объясненію ихъ, заключались въ общихъ государственныхъ бѣдствіяхъ, въ тяжелыхъ налогахъ и повинностяхъ, въ подрывѣ малорусской торговли великорусскими купцами, въ подавленіи городскаго сословія военнымъ элементомъ, въ упадкѣ въ городахъ силы магдебургскаго права подъ преобладающимъ вліяніемъ пристрастной козацкой администраціи и, наконецъ, въ расхищеніи городскихъ земель, угодій и оброчныхъ статей, составлявшихъ источникъ городскихъ доходовъ. Оставляя пока мѣстъ въ сторонѣ всѣ другія изъясненія причинъ дурной экономической обстановки городовъ, мы послушаемъ сначала, что говорятъ наказы по поводу расхищенія городскихъ земель и доходовъ и по поводу нарушеній въ городахъ магдебургскаго права, нарушеній, положительно колебавшихъ всякій порядокъ городскаго управленія.

Мы уже говорили, что малорусскіе города со стороны устройства и управленія раздѣлялись на привилегированные и непривилегированные; какъ тѣ такъ и другіе для содержанія сво-

[1]) Ibid. 122.

его хозяйства и органовъ управленія еще отъ королей польскихъ, а затѣмъ царей московскихъ и малорусскихъ гетмановъ были пожалованы землями, деревнями, селами и различными угодьями. При малочисленности, непостоянствѣ и бѣдности городскаго населенія недвижимыя имѣнія были самымъ вѣрнымъ источникомъ городскихъ доходовъ, почему всѣ города особенно заботились о томъ, чтобы ихъ имѣнія были по возможности обширнѣе и доходнѣе. Однако, къ разсматриваемому нами времени, кажется, ни одинъ малорусскій городъ не могъ похвалиться цѣлостью своихъ имѣній: и привилегированные, и непривилегированные города одинаково жаловались на расхищеніе городскихъ имуществъ, на упадокъ черезъ это матеріальнаго благосостоянія городовъ и просили о возвращеніи имъ пожалованныхъ имѣній для содержанія магистрата, войта, бургомистровъ и писаря. Такихъ указаній цѣлая масса: черниговскіе мѣщане писали, что многія ихъ владѣнія, земли и угодья „по разности временъ“ вышли изъ магистратскаго вѣдѣнія въ посторонніе руки; погарскіе мѣщане заявляли, что „на погарское войтовство, бургомистерство, райчество, лавничество, которіе засѣдаютъ, и на писарей мѣскихъ, на фольварокъ ратушній и до скрипки мѣской (городской казны)“ были пожалованы двѣ деревни Чаусы и Яковлевичи съ мельницей, но опѣ отошли изъ подъ магистрата потому, что Чаусами завладѣлъ генеральный хорунжій Ник. Хапенко, а Яковлевичами погарскій сотникъ Соболевскій“ [1]). Завладѣніе въ описанномъ духѣ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, имъ не смущались и сами городскіе урядники: въ Стародубѣ, напр., однимъ изъ пожалованныхъ на войтовство селъ завладѣлъ еще при гетманѣ Скоропадскомъ войтъ Ермолаичевъ и его преемникамъ приходилось ужъ пользоваться только половиной села Озаровки [2]). Полтавскіе мѣщане прямо указывали, что издревле, по пожалованію отъ Петра I и гетмана Скоропадскаго, ихъ городу принадлежали села: Ивашки, Ивочницы, Грабиновка, Осьмачки, Мачухи и еще нѣсколько и что въ это

[1]) Нак. 90 стр.
[2]) Нак. 104.

время въ вѣдомствѣ полтавскаго магистрата было много мѣщанъ, отбывавшихъ городскія повинности безъ изъятія, такъ какъ универсаломъ Мазепы отъ 1703 г. было запрещено всѣмъ чинамъ укрывать кого-бы то ни было отъ повинностей, но съ тѣхъ поръ, какъ полтавскій магистратъ былъ взятъ подъ команду полковой канцеляріи и уступилъ свою власть полковнику и старшинѣ, городскія дѣла пошатнулись: полковникъ и старшина не только сами завладѣли мѣщанскими дворами и землями, но допустили къ тому и другихъ, такъ что большая часть земель и людей вышли изъ-подъ магистратскаго вѣдѣнія. Кромѣ того, старшина нѣкоторыхъ людей незаконно записала въ козаки, а другихъ даже произвела въ чины, чѣмъ также умалила мѣщанское сословіе[1]). Въ Лубнахъ[2]), кромѣ захвата городскихъ земель владѣльцами и старшиной, захваты производились и великорусскими войсками: тамъ городской выгонъ и общественный лугъ за рѣкой Сулой были самовластно заняты ряжскимъ пѣхотнымъ полкомъ и горожане жаловались, что они терпятъ нужду въ сѣнѣ и лишены возможности выпускать на выгонъ свой рабочій скотъ и птицу. Здѣсь нѣтъ нужды приводить всѣхъ указаній наказовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что городскія и спеціально магистратскія земли подверглись расхищенію. Это признавала и малороссійская коллегія въ наказѣ своему депутату[3]), говоря, что многіе города и мѣстечки розданы владѣльцамъ, что жители ихъ, опасаясь раздачъ, принуждены писаться въ козаки, что гражданское начальство ни за чѣмъ не наблюдаетъ, но подъ разными видами присваиваетъ городскія имѣнія и доходы въ свою пользу, что города остаются пустыми, публичныя строенія „исходятъ сами собою“ и т. д.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что расхищеніе городскихъ земель оказало на доходы малороссійскихъ городовъ, не блиставшихъ ни торговыми оборотами, ни промышленностью, и большею частью съ земледѣльческимъ населеніемъ, дурное вліяніе.

---

[1]) Ibid. 116.

[2]) Ibid. 127.

[3]) 43 т. Сб. Рос. Имп. ист. об.

Нѣтъ основаній, напримѣръ, не вѣрить стародубцамъ, что городскіе доходы ихъ были настолько плохи, что бурмистру доводилось получать всего 36 р., райцѣ 24 р., а лавнику 12 р. [1]), между тѣмъ, эти люди отрывались отъ своихъ занятій и должны были имѣть постоянное присутствіе въ магистратѣ. Какъ ни велико было расхищеніе городскихъ доходовъ, однако нельзя не признать, что не оно было главной бѣдой и причиной экономической несостоятельности городовъ: оно поражало города только, такъ сказать, съ внѣшней стороны, главный же недугъ и причина городской неурядицы заключался въ антагонизмѣ и въ столкновеніи въ городахъ двухъ элементовъ—воинскаго съ гражданскимъ, въ экономической и общественной розни, существовавшей между ними, и въ подавленіи городскаго сословія и органовъ его управленія общей козацкой администраціей, т. е. полковыми канцеляріями, сотенными правленіями и пр. Подавленіе это обозначилось тѣмъ болѣе печальными послѣдствіями, что бороться съ нимъ городамъ пришлось какъ разъ въ ту пору, когда они еще не успѣли развиться и окрѣпнуть и когда городское сословіе еще не отлилось въ устойчивую форму. О городахъ, пользовавшихся магдебургіей, въ особенности нужно сказать, что они имѣли всѣ шансы къ созданію у себя сильнаго, развитаго и промышленнаго сословія; имъ завидовали города, не пользовавшіеся магдебургіей, и стремились копировать ихъ учрежденія, но ни тѣмъ, ни другимъ не пришлось еще развить свой бытъ, какъ на нихъ хлынула козацкая волна и дала имъ новое направленіе. Южнорусскимъ городамъ противъ ихъ воли пришлось слиться съ козачествомъ. Городское управленіе потеряло черты самостоятельности и пошло на помочахъ за козацкой администраціей. Въ городахъ установилось два начальства: военное и гражданское, но послѣднее, какъ слабѣйшее, не могло съ должной силой поддерживать городскіе интересы, противоположные козацкимъ. Фактъ поглощенія въ Малороссіи городскаго, такъ сказать, начала козацкимъ, военнымъ—извѣстенъ изъ исторіи и засвидѣтельствованъ наказами: черниговцы, напри-

[1]) Нак. 104.

мѣръ, утверждали, что ихъ городъ „до тѣхъ временъ во множествѣ граждапъ въ лутчемъ довольствіи пребывалъ, поколь жалованіе оному Высочайшіе грамоты и привилегіи оставались безъ нарушенія“, а погарскіе мѣщане жаловались, что съ 1757 года въ малороссійскіе города, въ томъ числѣ и въ Погаръ, стали пасылаться войты съ войсковаго званія, которые состоятъ въ должностяхъ „не для должнаго правосудія и гражданскаго благопорядочія, но для собственнаго ихъ обогащенія и корыстей, а мѣщанамъ въ немалое изобиженіе“ [1]). Неудовольствіе по поводу замѣны выборнаго войта назначаемымъ „отъ малороссійской команды“ заявляли и стародубскіе жители, у которыхъ войтомъ состоялъ войсковой товарищъ Грозинскій „не по выбору гражданскому, не изъ мѣщанъ тамошнихъ природенныхъ“. Полтавцы, въ свою очередь, находили, что городскіе интересы страдаютъ оттого, что полковникъ и старшина, „не сохраняя установленій въ правахъ магдебургскихъ узаконенныхъ“, стѣсняютъ полтавскій магистратъ въ его дѣятельности и „чинятъ ему помѣшательство и обиды“. Кромѣ наказовъ, у насъ есть еще и другія данныя, напр. относительно Переяслава [2]), свидѣтельствующія, что подчиненіе магистратовъ вѣдомству полковыхъ канцелярій, только увеличивало городскіе безпорядки и вызывало неудовольствіе мѣщанъ, лишавшихся своихъ вольностей. Глуховцы жаловались, что уменьшеніе числа мѣщанъ происходитъ по неимѣнію надъ ними настоящихъ урядниковъ, войта съ потребными товарищами и вслѣдствіе управленія городомъ чуждымъ ему сотеннымъ правленіемъ. Въ Полтавѣ, гдѣ не было магистрата, а городъ управлялся одною полковою старшиною, мѣщане жаловались, что чрезъ это владѣльческіе дома исключены изъ общаго обложенія и просили, чтобы впредь они исключаемы не были. Такого рода жалобы были общи и намъ неизвѣстно ни одного наказа, который не содержалъ бы въ себѣ просьбъ объ учрежденіи въ представляемомъ имъ городѣ магистрата „во всемъ на основаніи правъ магдебургскихъ“, т. е. и въ отношеніи суда и

---

[1]) Нак. 92.

[2]) Кіев. Ст. 1882 г., авг., 381.

управленія. Въ засѣданіи коммиссіи депутатъ отъ г. Кіева также защищалъ благія начала магдебургскаго права, утверждалъ, что имъ довольны всѣ кіевляне и просилъ утвердить его Кіеву и на будущее время [2]). Города же, не имѣвшіе у себя привилегій на магдебургію, какъ напр. Полтава или Глуховъ, усердно просили пожаловать имъ таковыя, ибо это было, по убѣжденію мѣщанъ, единственнымъ средствомъ для возрожденія городовъ и городскаго сословія. Полтавцы писали [3]): „просимъ всемилостивѣйше пожаловать на магистратъ высочайшую привилегію, въ которой особливо... указать: *присутствіе въ оном магистратъ имѣть и онымъ управлять такъ, какъ до сего съ давнихъ годовъ въ насъ бывало и нынѣ есть, войту, яко первому, и съ нимъ бурмистрамъ, писару, райцамъ и лавникамъ, предъ которыми въ магистратъ судъ и расправу имѣть... по тѣмъ магдебурискимъ правамъ и на убылыя оныхъ войта и урядниковъ мѣста избирать намъ другихъ вольными голосами за между себя*“. Полтавскіе мѣщане яснѣе другихъ формулировали свои желанія имѣть независимое городское управленіе; глуховцы же изобразили свои желанія нѣсколько конкретнѣе: они просили учредить у нихъ магистратъ на такомъ основаніи, какъ въ г. Нѣжинѣ. Отсутствіе въ г. Глуховѣ магистрата „по примѣру тому, какъ въ другихъ знатныхъ городахъ имѣются“ было, по мнѣнію просителей, главной причиной существовавшаго въ Глуховѣ безпорядка и дурнаго состоянія мѣщанства. Глуховскіе мѣщане при этомъ выражали въ своемъ наказѣ мысль, что жители привилегированныхъ мѣстъ находятся „*въ лутшемъ и примѣрномъ состояніи*“, можно же себѣ представить, каково было положеніе Глухова, если привилегированные города, сами себя изобразившіе въ наимрачнѣйшихъ краскахъ, были для него вожделѣннымъ идеаломъ!

Итакъ, если отсутствіе магистратскаго управленія и подавленіе его воинскимъ составляли больную сторону городовъ, то остается спросить, въ чемъ же наказы усматривали гнетъ и проявленіе старшинскаго самовластія?

---

[2]) Сб. Рус. И. И. Об. VIII т. 338 стр.

[3]) Нак. 114.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что по идеѣ магдебургскаго права магистрату въ составѣ его выборныхъ урядниковъ должна была принадлежать полная власть надъ городомъ и въ судебномъ, и въ административномъ отношеніяхъ, причемъ эта власть распространялась не на одно мѣщанское, но и на другія сословія, если только они проживали въ городѣ и промышляли ремесломъ или торгомъ. Магистратъ, несмотря на свой сословный, мѣщанскій характеръ, какъ правящее учрежденіе, вѣдалъ всесословный городъ—т. е., кромѣ мѣщанъ, и шляхетства, и козаковъ, и вольныхъ людей, если они занимали мѣщанскіе дома или грунты. На эту черту магдебургскаго права обратили вниманіе многіе наказы, полтавскій же въ подкрѣпленіе описаннаго характера магистрата поставилъ на видъ еще и законоположеніе Л. Статута, въ 25-мъ арт. III раздѣла котораго говорилось, что если шляхтичъ, „занехаевши имѣня и обистя своего шляхетскаго“, станетъ вести торговлю, или заниматься ремеслами, или будетъ имѣть въ своемъ домѣ шинокъ—то уже вольностями своими шляхетскими „веселитись не маетъ“ [1]). Этимъ закономъ справедливо поддерживалась цѣлостность городскаго общества, но послѣдняя совершенно исчезла, когда въ городахъ восторжествовало воинское управленіе. Оно внесло въ города элементъ сословной розни, раскололо среду горожанъ на нѣсколько враждебныхъ группъ и дало однѣмъ группамъ—шляхетству и козакамъ—предпочтеніе предъ мѣщанствомъ.

Первымъ послѣдствіемъ примиряющаго положенія въ городахъ козацкой, а не мѣщанской администраціи было то, что многіе городскіе жители вышли изъ мѣщанскаго званія и записались въ козаки или же за владѣльцами; и тому, и другому явленію козацкая администрація нисколько не препятствовала, а напротивъ, какъ видно изъ наказовъ, мирволила и благопріятствовала. Положимъ, что бѣгству мѣщанъ изъ своего сословія въ козаки или подданные способствовалъ еще и факторъ экономическій—несостоятельность мѣщанства предъ бременемъ государственныхъ повинностей, но тѣмъ не менѣе на малороссій-

[1]) Нак. 115.

скомъ правленіи лежитъ грѣхъ обращенія подобнаго бѣгства въ систематическое явленіе. Полтавскіе мѣщане по этому поводу высказали, что они съ горестью замѣчаютъ [1]), какъ переходъ мѣщанъ въ козаки сталъ обычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ и что онъ болѣе всего обиденъ потому, что имъ пользуются ихъ собратья мѣщане съ цѣлью освобожденія себя отъ гражданскихъ повинностей, отъ постоевъ, выстаченія подводъ и прочаго. Само собою разумѣется, что если бы козацкая старшина не поддерживала перехода мѣщанъ въ козаки, то его бы не существовало и „гражданство не вмалялося бы“.

Смыслъ перехода мѣщанъ въ козаки заключался, какъ мы видимъ, въ стремленіи избѣжать тяжелыхъ городскихъ повинностей и сбросить ихъ на чужія плечи; потворствуя этому, козацкая старшина сознательно обезсиливала городъ въ числѣ мѣщанъ, которые тѣмъ болѣе бѣднѣли, что на оставшуюся часть ихъ перелагалось бремя повинностей „испедшихъ“ товарищей. Пагубныя послѣдствія такого явленія сами собой очевидны, чтобы комментировать ихъ далѣе. Слѣдуетъ только добавить, что, способствуя уменьшенію мѣщанскаго населенія, воинское правленіе въ то же время не принимало никакихъ мѣръ къ его увеличенію и даже, можно сказать, своимъ нерадѣніемъ заглушало естественный ростъ городскаго населенія. Дѣло въ томъ, что въ Малороссіи существовалъ классъ посполитыхъ людей, пользовавшихся правомъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто; эти люди по большей части жили на владѣльческихъ земляхъ, но, какъ свободные въ переходѣ, они иногда покупали себѣ мѣщанскіе грунты или на другихъ условіяхъ селились въ мѣщанскихъ дворахъ, бросивъ своихъ владѣльцевъ и ихъ земли. Между тѣмъ, владѣльцы старались, конечно, не упускать изъ своихъ рукъ посполитыхъ и при помощи своихъ союзниковъ—старшинъ, составлявшихъ городскую администрацію, отыскивали сошедшихъ въ города посполитыхъ, какъ бы своихъ крѣпостныхъ, отданныхъ въ вѣчность и даже взыскивали „пожилыя деньги“ [2]). Та-

[1]) Нак. 119 стр.

[2]) Нак. 100.

кимъ образомъ, владѣльцы не давали посполитымъ осѣсться въ городахъ, и послѣдніе лишались трудящагося населенія, способнаго раздѣлить бремя городскихъ повинностей. Въ виду этого погарскіе мѣщане выразили просьбу, чтобы всякому свободному человѣку, который самъ или съ семьей перейдетъ на жительство въ Погаръ, дозволено бы жить подъ вѣдомствомъ магистрата и чтобы владѣльцы не имѣли права отыскивать такихъ лицъ и водворять въ прежнее мѣстожительство.

Вторымъ крупнымъ недостаткомъ въ жизни городовъ, обязаннымъ воинской администраціи, необходимо признать устраненіе проживавшихъ и промышлявшихъ въ городахъ владѣльцевъ, старшинъ, козаковъ и разночинцевъ отъ участія въ городскихъ повинностяхъ. Несправедливость такой льготы для упомянутыхъ лицъ станетъ еще болѣе очевидной, если вспомнить, что эти лица не только пользовались удобствами городской жизни, но и успѣшно конкуррировали въ торговыхъ дѣлахъ и „художествахъ“ съ мѣщанами, для которыхъ торгъ и ремесло были средствами оплаты городскихъ повинностей. Погарскіе мѣщане по поводу этой аномаліи замѣчали [1]), что „всѣ владѣльцы, старшины всѣхъ приказовъ воинскихъ, разночинцы и козаки, какъ въ городѣ Погарѣ, такъ и въ сотнѣ погарской жіючіе и тѣхъ подданніе *за допущенія командующихъ не мѣщанскаго званія, но воинскаго, войтовъ и другихъ старшинъ поустроили лавки и постоялые домы и шинки, понаселили въ городѣ на мѣщанской землѣ и не отбуваютъ за оныхъ къ магистрату никакой общенародной повинности*....., а отнявши промыслы торговіе въ мѣщанъ, сами владѣльцы старшины и разночинцы и подданніе ихъ, не записавшись въ мѣщанство и цехи, торгуютъ и всякое ремесло дѣлаютъ, а и съ того мѣщанству погарскому во всякихъ повинностяхъ жадного воспомоществованія не чинятъ и цехмистрамъ по ихъ цеховымъ порядкамъ послушенства.... не дѣлаютъ“. Стародубцы писали, что нѣкоторые владѣльцы и козаки выстроили на базарной площади дома, лавки и амбары и отдаютъ ихъ въ наемъ, по магистрату „никакова платежа не чинятъ“; что нѣ-

[1]) Ibid. 75.

которые изъ нихъ купили мѣщанскіе дворы, ведутъ торговлю, имѣютъ винокуреніе и шинки, но повинностей не отбываютъ, а „*щитятъ себя иные шляхетствомъ, а другіе козачествомъ*“, въ силу каковой несправедливости остальные мѣщане приходятъ въ оскудѣніе и принуждены продавать свои грунты лицамъ другого сословія [1]). Обнищаніе и разложеніе мѣщанской среды вслѣдствіе исключительнаго обложенія ея городскими повинностями несомнѣнно, равно какъ несомнѣнно и то, что эту исключительность поддерживала воинская администрація. Упомянувши о жалобахъ мѣщанъ на подрывъ торговли и промысловъ отъ владѣльцевъ, ихъ подданныхъ, старшинъ, козаковъ и разночинцевъ, необходимо еще прибавить, что довольно большую роль въ этомъ мѣщане приписывали еще великорусскимъ и иногороднимъ купцамъ и даже раскольникамъ, т. е. вообще лицамъ, торговавшимъ въ чужомъ городѣ и не платившимъ въ его пользу повинностей.

Туземные мѣщане и купцы утверждали, что благодаря торговлѣ великорусскихъ и иногородныхъ купцовъ, а также раскольниковъ, которые ничто иное какъ великорусскіе выходцы, *мѣстная торговля упала*, а они, мѣстные купцы, „прежняго промыслу своего вовсе лишились и въ такомъ предъ оными иностранными заѣзжими иногородцами упослѣженіи остались, что ни мѣста, ни свободы—какой къ продажѣ по своей волѣ не имѣютъ“ [2]). Отсюда прямой выводъ: туземные купцы просили запретить иногородцамъ торговлю, дозволивъ имъ вести только оптовый торгъ изъ складовъ или на ярмаркахъ, какъ это было установлено таможеннымъ уставомъ 1755 г. Но уставъ этотъ въ торговой практикѣ не соблюдался. Такъ, въ Стародубѣ и его уѣздѣ великороссійскіе купцы и ихъ прикащики, помимо мѣстныхъ горожанъ, скупали у владѣльцевъ пеньку, воскъ, медъ, олей (масло), звѣрей и отпускали ихъ къ портамъ; въ городахъ же они, вмѣсто склада своихъ товаровъ въ гостинныхъ дворахъ и торговли оптомъ, купили себѣ мѣщанскіе дворы, выстроили лавки и вели оптовую и розничную торговлю, не встрѣчая со

[1]) Ibid. 103, 106 стр.

[2]) Ibid. 74, 97, 107, 115, 130 стр.

стороны парализованнаго городскаго управленія надлежащаго запрещенія.

Что касается права торговли владѣльцевъ, козаковъ и разночинцевъ, то мѣщане также находили необходимымъ запретить всѣмъ означеннымъ классамъ торговлю, какъ профессію, и разрѣшить только сбытъ въ города собственныхъ сырыхъ произведеній, продуктовъ сельскаго хозяйства. Въ общемъ, большинство наказовъ высказалась въ томъ смыслѣ, что торгъ и ремесло должны быть исключительной принадлежностью мѣщанина, а погарскій и стародубскій наказы даже находили для развитія городовъ цѣлесообразнымъ запретить торги и ярмарки въ селахъ, допустивши торговлю только въ однихъ городахъ, причемъ стародубцы ссылались въ этомъ случаѣ на 4 п. 10-ой гл. тамож. устава, разрѣшавшаго крестьянамъ въ селахъ только торговлю „мелочнымъ ядломъ“, по извѣстному реестру. Одни только лубенцы, къ нашему удивленію, согласились, чтобы всѣмъ гражданамъ „разного войскового званія людемъ промыслы, торгъ и ремесло были и напредки по прежнему здешнему обыкновенію свободны“; но эта уступка естественна, такъ какъ ихъ наказъ подписанъ громаднымъ большинствомъ козаковъ, а не мѣщанъ [1]). Такимъ образомъ безсильное и бѣдное малороссійское мѣщанство льстило себя надеждой удержать въ своихъ рукахъ торговлю путемъ монополіи, но оно ошибалось, такъ какъ у него не было для этой цѣли капиталовъ; города же отъ запрещенія торговли иногороднимъ купцамъ также не выиграли-бы, ибо ихъ казна не обогатилась-бы никакими доходами. Для развитія городовъ и торговли необходимы были иныя мѣры.

Слѣдующимъ важнымъ послѣдствіемъ вторженія войскаго элемента въ городское управленіе нужно признать пагубное вліяніе его на состояніе въ городахъ правосудія. Вмѣсто одной судебной власти въ городахъ ихъ стало нѣсколько, вслѣдствіе раздробленія городскаго класса на сословія; горожане, связанные общностью интересовъ, тѣмъ не менѣе вѣдались не однимъ судомъ, какъ это начертало магдебургское право, но различными,

---

[1]) Ibid. 134 стр.

смотря по своему сословному положенію, а въ концѣ концовъ мѣщане жаловались, что они остаются „въ изобиженіи“, такъ какъ старшины, козаки, разночинцы и даже всякаго званія пріѣзжіе люди, „щитясь своими званіями и чинами“ отклоняются отъ магистратскаго суда и обращаются къ своимъ командамъ, гдѣ мѣщанамъ тягаться съ ними было не подъ силу. Уклоненіе отъ магистратскаго суда было для мѣщанъ равносильно отсутствію правосудія и ставило личное достоинство, честь и безопасность мѣщанина положительно внѣ охраны законовъ. Погарцы, напримѣръ, приносили жалобу [1]), что всѣ чиновники, шляхетство, козаки и даже недавніе мѣщане, вышедшіе въ козаки или шляхетство, сравниваютъ мѣщанъ съ подданными, порицаютъ ихъ мужиками и причиняютъ „разніе гвалты, нападенія, бои и въ здоровьи увѣтча“. Особенно же много и часто приходилось мѣщанамъ сносить возмутительное съ собою обхожденіе и униженіе своего сословія отъ квартировавшихъ въ городахъ великорусскихъ войскъ и ихъ начальниковъ, такъ какъ на нихъ не было ни суда, ни расправы. Полтавцы заявляли, что они всѣ „отъ большаго до меньшаго“, отъ простаго мѣщанина до урядника, третируются великороссійскими чинами *и даже солдатами* безусловно, какъ мужики и выносятъ отъ всѣхъ безконечныя руганія, утѣсненія и обиды, за которыя имъ въ законѣ положенъ крайне незначительный штрафъ. Полтавцы сознавались, что при такомъ положеніи дѣлъ у нихъ теряется „куражъ къ купеческой жизни“, а отъ упынія они теряютъ все, „въ чемъ могли бы сыскать себѣ авантажъ, а царской казнѣ доходъ“ [2]).

Едва ли нужно добавлять, что въ словахъ полтавцевъ не было преувеличенія дѣйствительности, такъ какъ обиды великорусскихъ войскъ составляли несомнѣннѣйшій фактъ и жалобами на нихъ можно было завалить нѣсколько коммиссій. Недовольные состояніемъ правосудія мѣщане стояли въ наказахъ на той точкѣ зрѣнія, чтобы всякій, „*кто только обнялъ домъ или огородъ и промыслъ или ремесломъ пользовался, былъ подсуденъ уряду*

[1]) Нак. 86 стр.
[2]) Ibid. 117 стр.

мьскому", т. е. магистрату, безъ различія гражданъ мѣстныхъ отъ пріѣзжихъ, и только черниговскіе мѣщане просили по дѣламъ мѣщанъ съ воинскаго званія людьми допустить судъ магистрата при участіи въ немъ депутата [1]).

Мѣщане хлопотали, чтобы судебная компетенція магистрата одинаково простиралась на всѣхъ горожанъ какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и *гражданскимъ* и просили, чтобы пріѣзжіе торговцы ни въ какомъ случаѣ не отбивались отъ магистратскаго суда, а судились по мѣстнымъ малороссійскимъ правамъ и обычаямъ, такъ какъ уклоненіе отъ магистратскаго суда, говорили черниговцы, ведетъ къ тому, что великорусскіе купцы „лакомятся чужимъ имѣніемъ" и объявляютъ себя банкротами [2]).

Глуховскіе мѣщане также жаловались, что великорусскіе и пріѣзжіе на ярмарки купцы вѣдаются въ отношеніи суда комендантской канцеляріей, а не „гражданскимъ правомъ", и просили чтобы на будущее время всѣ мѣщане и подгородніе люди были изъяты изъ вѣдомства коменд. канцеляріи при разрѣшеніи ихъ дѣлъ съ великороссійскими купцами [3]).

Здѣсь же умѣстно сказать, что мѣщане выразили нѣкоторую заботливость и о приведеніи въ порядокъ своего матеріальнаго права, а именно погарцы и стародубцы просили о переводѣ на русскій языкъ магдебургскаго права, употреблявшагося въ магистратскихъ судахъ Малороссіи. Мы не ошибемся, если скажемъ, что упадокъ магистратскихъ судовъ въ значительной степени зависѣлъ отъ крайне дурнаго состоянія практиковавшагося въ нихъ гражданскаго права, такъ какъ истинное магдебургское право было извѣстно въ XVIII вѣкѣ въ Малороссіи только по имени изъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ.

Самъ сводъ, какъ саксонскихъ законовъ (Speculum Saxonicum) вообще, такъ и городскаго магдебургскаго уложенія въ частности—говоритъ проф. Антоновичъ [4])—положительно не были извѣстны и даже никогда не доходили до южно-русскихъ горожанъ.

---

[1]) Ibid. 86 стр.

[2]) Ibid. 87.

[3]) Ibid. 76.

[4]) Антоновичъ. Изслѣд. о городахъ юго-зап. Россіи, стр. 59.

Употреблявшіеся же въ судахъ „Саксонъ“ или Саксонское Зерцало и Порядокъ правъ гражданскихъ (Porządek sądow y praw mieyskich prawa maydeburskiego) представляли не кодексы права, но лишь компилятивныя работы частныхъ юристовъ и, странно сказать, но въ южно-русскихъ городахъ они употреблялись въ польскихъ редакціяхъ къ тому же мало распространенныхъ. Относительно юго-западныхъ городовъ проф. Антоновичъ утверждаетъ, что мѣщане не изучали даже и этихъ редакцій своего права и очень рѣдко ссылались на него въ своихъ рѣшеніяхъ; что касается лѣвобережныхъ городовъ, то, несмотря на утвержденіе погарскихъ мѣщанъ, что ихъ предки и они судились и судятся на основаніи правъ, изображенныхъ въ „Порядкѣ“ и дополняющемъ его Саксонѣ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что и лѣвобережнымъ мѣщанамъ ихъ права были очень мало извѣстны, иначе трудно себѣ представить, почему эти права не были переведены на русскій языкъ и употреблялись въ польскихъ редакціяхъ. При переводѣ магдебургскихъ правъ на русскій языкъ погарцы просили дополнить ихъ новыми положеніями, касающимися и матеріальнаго, и процессуальнаго права. Изъ наиболѣе интересныхъ можно отмѣтить: установленіе новыхъ сроковъ для вызова сторонъ въ судъ, запрещеніе мѣщанамъ отчуждать свои земли лицамъ не мѣщанскаго званія, установленіе при отчужденіи мѣщанской недвижимости формъ, практиковавшихся у шляхетства, возвышеніе штрафа за обиды, наносимыя мѣщанамъ и пр.[1]). Какъ курьезную съ нынѣшней точки зрѣнія претензію слѣдуетъ также отмѣтить просьбу погарцевъ о дозволеніи имъ ходить *„при шаблях“* въ знакъ высочайшей къ нимъ милости. Изъ другихъ наказовъ только черниговскій высказалъ еще просьбу, чтобы въ новомъ уложеніи были постановлены строгіе законы для банкротовъ, остальные же наказы обошли вопросъ исправленія права совершеннымъ молчаніемъ, а лубенцы, составившіе свой наказъ подъ сильнымъ вліяніемъ козаковъ, просили, чтобы въ случаѣ сочиненія въ коммиссіи одного на все государство

[1]) Ibid. 93.

уложенія, для нихъ были оставлены права Л. Статута и положены въ особую главу въ уложеніи [1]).

Мы изложили, насколько позволяютъ наказы, спеціальныя, такъ сказать, причины дурнаго состоянія городовъ и мѣщанства, остается еще сказать о причинахъ болѣе общаго свойства, которыя были способны и самые цвѣтущіе города привести въ состояніе дезорганизаціи и упадка. Мы подразумѣваемъ здѣсь тяжелыя государственныя повинности и налоги. Извѣстно, что XVIII вѣкъ былъ временемъ самаго сильнаго напряженія податныхъ силъ страны: для содержанія громадныхъ армій, для безконечныхъ завоевательныхъ войнъ были необходимы массы людей и огромныя средства, ихъ между прочимъ поставляла Малороссія и въ частности мѣщане. Въ другихъ главахъ нами уже описано, какое экономическое давленіе и разстройство податныхъ силъ страны оказывало это бремя во имя государственной славы; здѣсь остается только сказать о немъ въ примѣненіи къ мѣщанамъ. Вопервыхъ, не нужно забывать, что отъ эпохи козацкихъ войнъ до описываемаго времени прошло всего столѣтіе, во время котораго Малороссія, не оправившись послѣ собственныхъ потрясеній, вынесла еще нѣсколько разорительныхъ войнъ. Въ военное время отъ горожанъ требовали высылки людей въ погонщики, для полоненья льду, для перевозки провіанта, ремесленниковъ требовали для соотвѣтствующихъ занятій въ арміи, которой нужно было поставлять къ тому же и воловъ, и возы, и сѣно, и провіантъ и пр., и все это въ такомъ количествѣ, что даже описать въ наказѣ черниговцы не находили удобнымъ. Жалобамъ на отягощеніе мѣщанъ всякими „выстачениями“ въ пользу войска въ наказахъ нѣтъ числа: лубенскіе мѣщане, напримѣръ, писали, что во время войны съ турками у нихъ брались волы, возы и погонщики, а сами они въ зимнія стужи высылались на Днѣпръ для полоненья льду въ предупрежденіе непріятельскаго нашествія; что во время прусской войны имъ пришлось безмездно содержать на квартирахъ мобилизованныя войска, довольствовать ихъ провіантомъ, давать подводы подъ больныхъ и т. д.

[1]) Ibid. 140.

Но и въ мирное время мѣщанъ не оставляли въ спокойствіи: въ Черниговѣ гетманъ Разумовскій бралъ мѣщанъ и мастеровыхъ людей на свои деревенскіе салотопенные и потапенные заводы, требовалъ ихъ для рубки и клейменья мачтоваго лѣса, высылалъ на разныя работы въ Козелецъ и Батуринъ и т. д. Въ Глуховѣ мѣщанамъ приходилось испытывать тоже самое по распоряженіямъ сотеннаго правленія; но кромѣ этихъ тягостей, обязанныхъ произволу мѣстнаго управленія, мѣщане больше всего разорялись въ мирное время постойной повинностію. Города въ Малороссіи были маленькіе, между тѣмъ войскъ въ нихъ стояло великое множество и такъ какъ козаки, старшины и владѣльцы „щитились“ отъ постоевъ своими привилегіями, то они всей тяжестью ложились на мѣщанство. Отсюда безконечный рядъ жалобъ и враждебное отношеніе мѣщанъ къ козацкой старшинѣ, завѣдывавшей размѣщеніемъ войскъ. Черниговцы писали—„всегдашній офицерскій постой гражданамъ тѣмъ, въ коихъ они квартируютъ весма есть тяжестній“, ибо хозяева квартиръ, не пользуются ими, но принуждены платить и налогъ съ домовъ, и на свой счетъ отапливать ихъ. Погарцы указывали [1]), что сотенная старшина при размѣщеніи войскъ допускала большія злоупотребленія: она миновала села уѣздныхъ владѣльцевъ и пристрастно выбирала для постоевъ самые лучшіе мѣщанскіе дворы, конюшни и амбары, не соблюдая при этомъ даже очереди. Стародубцы жаловались [2]), что чрезъ отводъ квартиръ и мобилизацію войскъ во время прусской войны гражданству стародубскому причинено было много стѣсненій, а въ торгахъ и промыслахъ помѣшательство и остановки; они же просили о выводѣ псковскаго полка и о болѣе правильномъ размѣщеніи ростовскаго. Полтавскіе мѣщане также жаловались [3]), что полковникъ, вопреки закону, не велѣлъ ставить войскъ ни у войсковыхъ, ни у бунчуковыхъ и значковыхъ товарищей, ни въ загородныхъ старшинскихъ, козачьихъ и владѣльческихъ до-

---

[1]) Нак. 99 стр.
[2]) Ibid. 107.
[3]) Нак. 119.

махъ, между тѣмъ какъ многіе изъ упомянутыхъ чиновниковъ жили на мѣщанскихъ дворахъ и занимались купеческимъ промысломъ. Для предотвращенія на будущее время злоупотребленій, полтавцы просили узаконить, чтобы размѣщеніе войскъ въ городахъ происходило по указанію магистрата. Постойная повинность была особенно тяжела для мѣщанъ, по свидѣтельству наказовъ, еще и потому, что имъ приходилось не только давать квартиры, но и отапливать ихъ, и освѣщать на свой счетъ, между тѣмъ въ городахъ была масса мѣщанъ, которые едва себѣ могли сыскивать пропитаніе. Естественно, что наказы хлопотали объ освобожденіи мѣщанъ отъ этихъ незаконныхъ поборовъ и о болѣе равномѣрномъ и справедливомъ распредѣленіи квартирной повинности. Сами по себѣ великорусскія войска составляли также извѣстнаго рода тягость для городовъ Малороссіи: нами уже говорилось, какъ они третировали мѣщанство, но нужно добавить, что они, опираясь на свою силу, имущественно положительно объѣдали и разоряли населеніе. Жалобъ на дѣйствія великорусскихъ войскъ накопилась такая масса, что черниговцы просили [1]) для разбора ихъ учредить въ Глуховѣ *при резиденціи* губернаторской военную коммиссію съ равнымъ числомъ великороссійскихъ и малороссійскихъ членовъ.

Изъ числа другихъ тягостей, лежавшихъ на мѣщанахъ, слѣдуетъ еще отмѣтить уплату недоимокъ за старые годы. Всѣ наказы единогласно указывали, что недоимщики, съ которыхъ слѣдовало-бы производить взысканіе, или давно поисходили съ своихъ мѣстъ, или поумирали, что послѣ нихъ остались одни хаты и настоящимъ ихъ владѣльцамъ приходится уплачивать чужія недоимки, въ виду чего они просили сложить ихъ съ мѣщанъ и не взыскивать на будущее время [2]) Кстати, по вопросу о налогахъ сказать, что погарскіе и полтавскіе мѣщане привѣтствовали замѣну конспстентскихъ дачъ рублевымъ окладомъ и просили объ удержаніи такого порядка на будущее время, но съ освобожденіемъ мѣщанъ отъ всѣхъ натуральныхъ повинностей.

---

[1]) Ibid. 86.

[2]) Ibid. 99, 123 стр.

О лубенцахъ можно прибавить, что они въ числѣ другихъ тягостей просили отмѣнить генеральную опись Малороссіи, какъ несходственную ихъ обыкновеніямъ.

Мы разсмотрѣли теперь въ главныхъ чертахъ все содержаніе городскихъ наказовъ, придерживаясь ихъ же точки зрѣнія, т. е. со стороны объясненія причинъ дурнаго состоянія городовъ и разложенія среды мѣщанства, но мы полагаемъ не будетъ лишнимъ остановиться и суммировать мѣры, рекомендованныя наказами для исправленія нуждъ и недостатковъ мѣщанства. Мѣры эти, соотвѣтственно нуждамъ и недостаткамъ городовъ и мѣщанства, были двоякаго рода: одни можно назвать финансовыми, податными, онѣ были крайне просты, имѣли въ виду податное облегченіе мѣщанъ и состояли частью въ отмѣнѣ, частью въ болѣе справедливомъ распредѣленіи податныхъ тягостей денежнаго и натуральнаго вида. Недопущеніе злоупотребленій при взысканіи и равенство всѣхъ горожанъ безъ различія сословій предъ обложеніемъ—вотъ идеалы мѣщанства, противъ которыхъ нельзя ничего возразить и въ наше время. Другія мѣры можно назвать мѣрами административно-судебнаго характера. Онѣ состояли въ томъ, чтобы уничтожить вмѣшательство въ городскія дѣла воинскаго элемента и возстановить, а частью и вновь учредить, въ городахъ самоуправленіе на основаніи магдебургскаго права. Не вникая въ глубину этого права, городскіе наказы просили о возстановленіи его въ томъ видѣ, какъ оно уже дѣйствовало въ городахъ Малороссіи, а именно хлопотали объ учрежденіи независимыхъ магистратовъ съ административной и судебной властью. Составъ ихъ долженъ быть чисто мѣщанскій („изъ выборныхъ мѣщанъ прирожденныхъ"), но они должны вѣдать всесословный городъ. Въ управленіи ихъ вѣдѣнію подлежали: городское хозяйство, полиція, чистота города, предупрежденіе пожаровъ, надзоръ за рынками, завѣдываніе городскими доходами, землями, различными сборами, распредѣленіе постойной повинности и проч.; въ судѣ—судъ гражданскій и уголовный по всѣмъ искамъ и преступленіямъ. Какъ на отдѣльныя мѣры, слѣдуетъ указать: въ дѣлѣ правосудія—на исправленіе и переводъ магдебургскаго права; въ торговлѣ—на

монополизацію ея въ рукахъ мѣщанъ; въ ремеслахъ—на запрещеніе заниматься ими внѣ принадлежности къ цехамъ. Монополіями и стѣсненіемъ ремесленной дѣятельности исключительнымъ кругомъ цеховыхъ обществъ мѣщане думали поднять свою торговлю и промыслы, но изъ болѣе серьезныхъ мѣръ только одни полтавцы просили объ учрежденіи при малороссійской коллегіи банка, а лубенцы хлопотали объ уменьшеніи таможеннаго тарифа на соль, вино и бакалейные товары, привозимые изъ Крыма. По вопросу о заграничной торговлѣ городскимъ депутатамъ пришлось выслушать въ засѣданіяхъ коммиссіи крайне стѣснительный для малорусской ввозной торговли проектъ депутата отъ коммерцъ-коллегіи, Меженинова. Названный депутатъ предложилъ запретить ввозъ заграничныхъ товаровъ изъ Гданска (Данцига), Кенигсберга, Бреславля и проч. чрезъ Польшу и установить для удобства взиманія тарифа исключительный ввозъ чрезъ С.-Петербургъ. Меженинову возражалъ депутатъ отъ г. Нѣжина—Костевичъ. Онъ доказывалъ, что запрещеніе вести торговлю чрезъ пограничныя малороссійскія таможни противно привилегіямъ, и что исключительный ввозъ и вывозъ товаровъ чрезъ петербургскую таможню поведетъ къ тому, что малороссійскіе купцы будутъ покупать заграничные товары изъ вторыхъ рукъ—отъ петербургскихъ купцовъ, и отъ нихъ же стоять въ зависимости въ сбытѣ своихъ произведеній—мѣра совершенно безполезная и даже вредная для развитія торговли тѣмъ болѣе, что ввозныя пошлины чрезъ Польшу очень невелики. Съ возраженіемъ Костевича согласились всѣ малороссіяне.

Вотъ краткое резюме всѣхъ мѣръ, рекомендованныхъ мѣщанствомъ. Другихъ желаній внѣ круга узкихъ сословныхъ интересовъ, у мѣщанъ намъ не извѣстно; ихъ не интересовалъ ни политическій кризисъ, переживавшійся Малороссіей въ послѣдніе годы, ни общія задачи родины, ни ея просвѣщеніе... и въ этомъ отношеніи мѣщанскіе наказы стоятъ значительно ниже шляхетскихъ и наказовъ духовенства.

ГЛАВА V.

Козаки.

Въ этой главѣ намъ предстоитъ закончить нашъ очеркъ изложеніемъ наказовъ малороссійскихъ козаковъ и Запорожья—такихъ общественныхъ группъ, которыя вскорѣ послѣ созыва екатерининской коммиссіи сошли со сцены и сдѣлались нынѣ достояніемъ исторіи. Что касается малороссійскихъ козаковъ, отъ которыхъ у насъ имѣется всего 4 наказа, то о нихъ необходимо сказать, что въ эпоху призыва ихъ въ коммиссію они не составляли уже того могущественнаго съ политическимъ вѣсомъ и силою сословія, какъ во время Б. Хмельницкаго и „возсоединенія“. Въ екатерининскіе дни козачество переживало уже состояніе полнѣйшаго разложенія полу-военнаго—полу-гражданскаго быта и устройства; оно выжило изъ традиціонныхъ формъ, созданныхъ предъидущимъ столѣтіемъ и исторической обстановкой, но не вступило на новый соціальный путь и кое-какъ сохраняло свой историческій обликъ, хотя подъ нимъ ужъ таилось новое содержаніе и завязывались новые ростки жизни.

Козаки формально еще основывали свое устройство и управленіе на пунктахъ Б. Хмельницкаго, но политическія условія Малороссіи, быта и организаціи козаковъ уже измѣнились: козачество, войдя въ составъ новаго политическаго тѣла, потеряло свои историческія функціи. Втеченіе болѣе полувѣка его основы были расшатаны, а наступившіе порядки не давали ему никакой опоры, и оно, такъ сказать, претворяясь въ другую массу, медленно сбрасывало съ себя свои соціальныя оболочки. Во время призыва въ коммиссію, хотя договорные пункты не были отмѣнены, отъ нихъ въ сущности ничего не осталось: у козаковъ не было гетмана, генер. старшина не была выбираема, не было обычая созыва „радъ“ по дѣламъ первой важности, не существовало на дѣлѣ и вольнаго избранія полковниковъ, сотниковъ и пр. Малороссія давно потеряла характеръ автономной области, заполнилась великорусскими войсками и чиновниками, и Румянцевъ распоряжался въ ней, какъ губернаторъ въ любомъ русскомъ городѣ... Но это преобразованіе гетманщины пока двига-

лось сверху, снимались, такъ сказать, верхніе слои, выдѣлявшіе Украйну отъ остальныхъ частей россійской имперіи, наиболѣе же глубокимъ слоямъ предоставлялось разлагаться самимъ собою, хотя въ то же время необходимость радикальной реформы Малороссіи сверху до низу и, главное, козацкихъ порядковъ была сознана и стояла на очереди.

Дѣйствительно, нельзя не признать, что во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка военный строй Малороссіи съ его архаическими, крайне несложными, не дифференцированными, но произвольными порядками, представлялъ рѣшительный контрастъ своему времени и даже тѣмъ слабымъ требованіямъ цивилизованнаго государства, которыя были тогда доступны пониманію русскихъ политиковъ.

Обособленность козаковъ и ихъ порядковъ съ теченіемъ времени стала анахронизмомъ едва ли полезнымъ для самаго козачества. Это отчасти поняли уже его верхніе слои—старшины и шляхетство, хлопотавшіе въ своихъ наказахъ не столько о козацкихъ, сколько о своихъ панскихъ, землевладѣльческихъ интересахъ.

Какъ военная сила, козаки также утратили свое нѣкогда весьма внушительное значеніе. Въ XVII вѣкѣ они составляли главное населеніе Украйны, съ которымъ приходилось считаться; они были сильны не только, какъ войско, но и нравственно—единствомъ и ясностью своихъ идеаловъ и сознаніемъ своего политическаго значенія. Тогда русское правительство вынуждено было ласкать козаковъ и ладить съ ними даже цѣною сохраненія ихъ привилегій, такъ какъ этимъ, во-первыхъ, закрѣплялся за нимъ присоединившійся край, а во-вторыхъ, въ его распоряженіи являлась всегда готовая военная сила противъ общихъ враговъ—турокъ, поляковъ, татаръ. Самъ Петръ Великій, безпощадно ломавшій все, что противорѣчило его идеѣ государства, не отказывалъ въ нѣкоторыхъ уступкахъ козакамъ. Но со временемъ эта необходимость исчезла: край былъ закрѣпленъ, а военное значеніе козаковъ пало. Что могла значить при Екатеринѣ II, въ дни развитія военнаго искусства и огромныхъ регулярныхъ армій, двадцатитысячная армія плохо дисциплиниро-

ванныхъ и вооруженныхъ козаковъ? Естественно, что эта сторона дѣла не могла уже оправдывать существованія особой гетманщины и не могла остановить сліянія съ Россіей.

Сколько можно судить по наказамъ, козаки сами не были довольны своими порядками, своимъ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ и желали реформъ, но въ томъ ли духѣ какъ и правительство или въ иномъ,—это читатель увидитъ изъ нашего бѣглаго обзора содержанія ихъ наказовъ. Посмотримъ сначала, каково было сословное положеніе козаковъ.

Какъ мы сказали, козаки сохраняли еще свою историческую, соціальную форму: они составляли свободное сословіе людей, пользовавшихся извѣстными правами и обязанныхъ исключительно военною службой. Права ихъ, какъ сословія, по закону, ничѣмъ не отличались отъ шляхетскихъ, такъ какъ само шляхетство представляло изъ себя ничто иное, какъ верхній, чиновный слой того же козачества. Если и было между такъ называемымъ шляхетствомъ и козачествомъ какое-либо соціальное отличіе, то не въ правахъ, а въ экономическомъ положеніи, съ чѣмъ связывалось и извѣстное предпочтеніе одному сословію передъ другимъ, то предпочтеніе, которое оказываютъ богатству передъ бѣдностью. Шляхетство владѣло населенными деревнями и селами, козаки владѣли только грунтами, за которые и отбывали военную службу. Въ этомъ ихъ отличіе; но и простому козаку, какъ мы говорили въ предшествовавшихъ главахъ, не былъ закрытъ доступъ въ ряды шляхетства: достаточно было быть избраннымъ въ старшинскія должности, получить извѣстный урядъ, чтобы выйти изъ рядовъ простолюдиновъ и попасть въ „значные“ козаки, а затѣмъ и въ шляхетство. Такъ и было въ старину: среда козаковъ, какъ волна, колыхалась, одни лица подымались вверхъ по ступенямъ общественной службы и вытягивали за собой своихъ родственниковъ, другія опускались и въ своемъ паденіи увлекали и своихъ приближенныхъ, такъ что пока было избраніе старшинъ вольными голосами, пока не было рѣзкой экономической розни, подняться и опуститься въ козацкой средѣ было очень легко. Но когда вольное избраніе стало пустой формальностью, когда правящая старшина обзавелась по

пожалованіямъ отъ гетмановъ и царей, а часто и по праву сильнаго, деревнями и различными маетностями, то колебаніе козацкой среды стало утихать и возникло сначала слабое, а затѣмъ проведенное съ рѣзкостью, указывающей на оформленіе сословій—различіе простыхъ козаковъ отъ старшинскихъ родовъ—шляхетства. Въ екатерининское время козаки составляли уже сѣрую безгласную массу, не только не воздерживавшую старшинъ своимъ правомъ вольнаго избранія, но безусловно ставшую отъ нихъ въ зависимость и въ жизни экономической, и въ управленіи. Шляхетское право козаковъ, о которомъ упоминаютъ наказы, не имѣло въ жизни почти никакого примѣненія. Въ соціальномъ отношеніи козаки представляли классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, стоявшій среди двухъ общественныхъ группъ: шляхетства и посполитыхъ.

Къ первымъ они примыкали по историческому, такъ сказать, родству, по общности своей воинской службы и связаннымъ съ ней послѣдствіямъ—козацкому управленію и суду; со вторыми они были связаны экономическимъ положеніемъ, яснѣе говоря матеріальной бѣдностью. Затѣмъ соціальная связь этихъ сословій поддерживалась тѣмъ, что среда козаковъ не отличалась замкнутостью: продавшій свой грунтъ козакъ записывался за владѣльца, а купившій его посполитый крестьянинъ могъ записаться въ ряды козаковъ или подпомощниковъ, такъ какъ пріобрѣтеніе козацкаго грунта, по свидѣтельству наказа малороссійской коллегіи, было первымъ къ тому средствомъ. Впослѣдствіи вышедшій изъ козаковъ могъ снова отыскивать свое право на козачье званіе и такіе случаи были настолько часты, что по свидѣтельству того же наказа, „смѣшеніе козаковъ съ посполитымъ народомъ свойствомъ и грунтами было безконечное и безпрерывное“, и малороссійская коллегія, находя его вреднымъ, просила запретить „писаніе въ козачество“, повелѣвъ, чтобы „кто при нынѣшней въ Малой Россіи генеральной описи гдѣ состоитъ, тому ужъ такъ быть и о козачествѣ молчать“ [1]).

---

[1]) Сб. Р. Им. Ист. Об. т. 43, стр. 333.

Съ посполитыми козаковъ связывала также и общность исполняемыхъ работъ и государственныхъ повинностей.

Такимъ образомъ положеніе козаковъ, какъ сословія, съ одной стороны имѣвшихъ право на пользованіе „шляхетской" честью и правами, а съ другой, нерѣдко добровольно, а иногда и вынужденно записывавшихся за владѣльцевъ и обремененныхъ мужичьими повинностями, было довольно неопредѣленное и скорѣе приближало ихъ къ поспольству, чѣмъ къ шляхетству. Однако, несмотря на совершавшійся въ этомъ духѣ процессъ, у козаковъ не утратились живыя понятія о своей чести и о своей связи съ малороссійскимъ шляхетствомъ и объ обѣщаніи русскаго правительства содержать козачество при его правахъ и вольностяхъ. Поэтому въ козацкихъ наказахъ мы постоянно встрѣчаемся со ссылками на привилегіи о томъ, что „*козакъ долженъ пользоваться козацкою вольностью и честью дворянской*" [1]), что „*козаки издревле состояли на тѣхъ же которыя для шляхетства узаконены правахъ и... тѣми же, что и шляхетство преимуществами пользовались*" [2]) и т. д. Нечего и говорить, что при такихъ идеализированныхъ взглядахъ на положеніе козаковъ въ старину и при крайне незавидномъ современномъ положеніи козаки тянулись къ прошлому, въ такомъ розовомъ видѣ имъ представлявшемуся. Во всѣхъ наказахъ они просили, „чтобы имъ было подтверждено дворянское достоинство и честь, чтобъ они въ томъ въ вольности козацкой пользовались и пребывали ненарушно" [3]) или, какъ выражались стародубскіе козаки, „чтобы въ правахъ и выгодахъ содержаны были противъ шляхетства" [4]). Козаки, стоя на исторической почвѣ, не различали себя отъ шляхетства и, закрывая глаза на дѣйствительность, не желали видѣть, что время уже положило рѣзкую грань между ними и заправскимъ шляхетствомъ и что главный факторъ въ этомъ процессѣ былъ экономическій. Установивъ фактъ, нельзя не остановиться на вопросѣ, что же собственно

[1]) Нак. 142.
[2]) Ibid. 153.
[3]) Нак. 159.
[4]) Ibid. 153.

представляли собой стремленія козаковъ и хлопоты ихъ о шляхетскомъ правѣ, чести и достоинствѣ? Понималось-ли ими шляхетское достоинство въ томъ смыслѣ, какъ его понимало само шляхетство, т. е. добивались ли козаки нобилитаціи и заботились объ укрѣпленіи на „потомніе часы“ своего благородства, или здѣсь шло дѣло не о такихъ недоступныхъ сѣрой массѣ желаніяхъ, а о болѣе насущныхъ потребностяхъ? Не нужно много доказывать, что генеалогическіе предразсудки не могли занимать козаковъ и что ихъ просьбы о шляхетскомъ правѣ имѣли въ наказахъ совершенно экономическую подкладку. Нужно замѣтить, выраженіе „шляхетскія права“ въ наказахъ очень часто фигурируетъ вмѣстѣ съ выраженіемъ „козацкія вольности“; они другъ друга дополняютъ и замѣняютъ, и хлопоты козаковъ о шляхетскихъ правахъ были въ сущности хлопотами о козацкихъ вольностяхъ, состоявшихъ, по исчисленію черниговскаго наказа, въ вольномъ избраніи старшинъ для суда и управленія, въ свободѣ въ своихъ „добрахъ“, въ винномъ промыслѣ, продажѣ вина, пива, меду и др. напитковъ въ своихъ домахъ, по городамъ и селамъ, въ исключительной обязанности отбыванія военной службы и въ свободѣ отъ податей и прочихъ тягостей. Это былъ составъ обычныхъ козацкихъ вольностей, а по позднѣйшему выраженію, шляхетскихъ правъ, такъ какъ въ послѣднее время козаки уже не пользовались всѣми своими вольностями и онѣ только до нѣкоторой степени сохранялись еще въ шляхетской средѣ, составляя ея „права“. Главная часть ихъ, какъ мы видимъ, состояла въ экономическихъ льготахъ—свободѣ промысловъ и въ особенности свободѣ отъ податей и другихъ повинностей, кромѣ военной службы; потому-то этихъ шляхетскихъ „правъ“ и добивались козаки, сравненные въ послѣднее время по отбыванію многихъ повинностей съ посполитыми крестьянами, а не съ шляхетствомъ. Переходя къ экономическому состоянію козаковъ, мы должны сказать, что и въ этомъ отношеніи козаки занимали средину между шляхетствомъ и посполъствомъ. Не обладая такими достатками, какъ первое, они не были въ то же время и вполнѣ безземельными, какъ большинство посполитыхъ, хотя и среди нихъ была масса „малогрунтовыхъ“, пред-

почитавшихъ иногда, во избѣжаніе тягостей службы, переходить въ посполитые. Козаки представляли классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, переходную ступень отъ шляхетства къ посполитымъ и въ общемъ ихъ экономическое положеніе было довольно плохое. Въ наказахъ находится не мало жалобъ козаковъ на свое нищенство, разореніе, оплошность и несостоятельность къ козачьей службѣ. Причинъ этого явленія, по указанію самихъ козаковъ, двѣ: одна внутренняя—разложеніе недифференцированной козацкой среды на старшинскую аристократію или шляхетство и простое козачество, а вторая внѣшняя—нарушеніе козацкихъ вольностей тяжестью государственныхъ работъ, повинностей и налоговъ. Обращаясь къ первой, мы замѣтимъ, что по мѣрѣ обособленія въ Малороссіи крупнаго старшинскаго землевладѣнія и шляхетства съ одной стороны и обезземеленнаго поспольства съ другой, положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ-козаковъ становилось крайне не безопаснымъ въ смыслѣ ихъ гражданской свободы и устойчивости земельной собственности отъ натиска болѣе крупныхъ и вліятельныхъ старшинъ-землевладѣльцевъ; на Малороссіи подтвердился еще разъ общій законъ, что крупные и сильные поземельные собственники всегда имѣютъ склонность порабощать болѣе мелкихъ,—козацкіе грунты сплошь и рядомъ стали переходить въ старшинскія и владѣльческія руки и козаки обезземеливались. Этому много способствовали и побочныя явленія козацкой жизни, какъ то: тягость военной службы, обременительные налоги, далекіе походы, высылка на изнурительныя работы и пр., такъ что выгоднѣе и спокойнѣе было иногда продать свой грунтъ и записаться за богатаго владѣльца. Чтобы воспрепятствовать умаленію числа козаковъ, вызываемому продажей грунтовъ, русское правительство стремилось ограничить эти продажи и въ этомъ смыслѣ были изданы указы, запрещавшіе скупку козачьихъ грунтовъ, такъ какъ козаковъ желательно было сохранить для военныхъ надобностей. Появленіе этихъ указовъ, направленныхъ къ поддержанію козачества, мы полагаемъ, не только констатируетъ экономическое разореніе козаковъ, но и доказываетъ, что оно шло извнутри отъ своихъ же собратьевъ-старшинъ, утра-

тившихъ истый козацкій духъ и превратившихся въ пановъ-землевладѣльцевъ. Чѣмъ выше поднимались по соціальной лѣстницѣ украинскіе „державцы“, тѣмъ сильнѣе они забывали дѣйствительные интересы козачества и тѣмъ дальше оттѣсняли его къ посполитымъ крестьянамъ. Къ разсматриваемому времени масса козаковъ состояла уже въ подданствѣ частныхъ владѣльцевъ, выйти изъ-подъ власти которыхъ было очень мало шансовъ; даже при счастливомъ исходѣ отысканіе козачества не всегда было полезно, такъ какъ козакъ выходилъ отъ владѣльца безъ грунта и становился пролетаріемъ. Уменьшеніе въ числѣ козаковъ, однако, пополнялось вступленіемъ въ этотъ классъ лицъ изъ мѣщанъ и посполитыхъ крестьянъ, такъ что въ Малороссіи постоянно происходила перетасовка сословій и мѣстъ жительства—козачество поступало въ поспольство, а поспольство по старинному обычаю рвалось въ козачество или хотя бы въ козацкіе подсусѣдки. Такимъ образомъ между козачествомъ и поспольствомъ установилась близкая связь, но за то, благодаря именно этой близости, козаки отдалялись отъ шляхетства, правами котораго они стремились пользоваться. Благодаря перетасовкѣ сословій, число козаковъ не уменьшилось, ихъ было по послѣдней ревизіи 71,604 хаты [1]), но экономическое положеніе ихъ настолько разстроилось, что рѣдко какой козакъ былъ въ состояніи въ полной исправности нести свою службу. При Аннѣ Іоанновнѣ въ 1736 году въ Малороссіи едва могло сыскаться 20 т. годныхъ къ службѣ козаковъ, ихъ принуждены были разбирать по статьямъ и убогихъ отдавать въ подмогу зажиточнѣйшимъ, т. е. въ такъ называемые подпомощники, но въ 1764 г. старшина и шляхетство писали [2]) въ своемъ прошеніи о возстановленіи правъ, что изъ 20 т. едва-ли половина найдется исправныхъ къ службѣ. Мы не можемъ рѣшить, насколько тяжесть службъ и повинностей, а насколько обезземеленіе державцами и старшинами привели козаковъ къ такой маломощности, но фактъ остается фактомъ и козаки въ эпоху призыва въ ком-

---

[1]) Малороссія въ 1767 г. Аѳѣенко. 149 стр.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1883 г. № 7.

миссію представляли совершенно безсильное и въ экономическомъ и въ соціальномъ отношеніи сословіе.

Черниговскій наказъ даетъ несомнѣнныя свидѣтельства, что многимъ въ своей неприглядной жизни козаки были обязаны именно владѣльцамъ и старшинамъ. Въ старое время—говорится въ немъ [1]),—козаки отправляли военную службу успѣшно потому, что имѣли у себя достаточно пахатныхъ полей, сѣнокосовъ, лѣсовъ, мельницъ и др. угодій, но въ описываемые дни, за утѣсненіемъ владѣльцевъ и всякаго званія старшинъ, эта служба стала имъ въ тягость, такъ какъ означенныя лица лишаютъ всякими способами ихъ владѣній. Происходитъ это, по описанію наказа, обыкновенно такимъ образомъ, что, какъ только неосѣдлые сотникъ и сотенная старшина вступятъ въ свою должность, то сейчасъ же начинаютъ искать козачьяго грунта для устройства двора и постройки на немъ жилой избы, затѣмъ къ дворамъ прикупаютъ у козаковъ черезъ „угрожепія и ласкательства“ пахатныя поля, лѣса, сѣнные покосы и всѣ лучшіе грунта, причемъ даже не столько покупаютъ, какъ „завлаживаютъ“, а самихъ козаковъ „хитрыми способами утискиваютъ“. Вытѣснивъ козаковъ со дворовъ, старшина ихъ же къ себѣ „привлащиваетъ“, т. е. обращаетъ въ владѣльческихъ крестьянъ, кромѣ того иныхъ козаковъ старшина употребляетъ въ партикулярныя работы, а другихъ укрываетъ отъ законныхъ повинностей, отчего козаки, не пользующіеся покровительствомъ, несутъ двойную службу. Но самоуправство старшины на этомъ не останавливалось: „отъ великихъ тяжебъ, боевъ и страховъ“, причиняемыхъ ею, иные козаки даже бросали своихъ женъ, дѣтей и имущество и уходили въ подсусѣдки, за рубежъ и вообще въ безвѣстныя мѣста, лишь бы освободиться отъ старшинскаго своевольства и беззаконія. Причины „отпаденія“ козаковъ отъ военной службы, черниговскій наказъ видѣлъ именно въ томъ, что „многіе духовные и мірскіе владѣльцы и старшины не только имѣнія козачьи поотнимали насильно по куплѣ и всякимъ сдѣлкамъ, но и самихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали

[1]) Нак. 144.

въ подданство и несутъ общія съ мужиками тяжбы... (тягости). Почему въ умаленіи козачьихъ грунтовъ немалое изъ вольностей козачьихъ отошло и козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лицо имѣются, то тѣ за таковыхъ несучи излишную службу, приходятъ въ крайнее разореніе и оплошность". Процессъ „завлаживанія" земель и „привлащенія" козаковъ, по словамъ того же наказа, продолжался и въ самые послѣдніе дни, такъ какъ владѣльцы и старшины не обращали никакого вниманія на запретительные по этому предмету указы. Чтобы учинить козакамъ облегченіе и охранить ихъ службу на будущее время, черниговскій наказъ просилъ, чтобы вольныя козацкія земли и люди были отобраны отъ владѣльцевъ и чтобы послѣднимъ и старшинамъ было запрещено „завлаживать куплей и всякими способами козацкими землями", а для того, чтобы козаки могли оказывать давленіе на свою старшину, они просили подтвердить привилегію избранія старшинъ вольными голосами. Съ этимъ разумнымъ желаніемъ черниговцевъ ограничить пороходъ козачьихъ земель новымъ узаконеніемъ соглашались, однако, не всѣ наказы. Прилуцкіе и миргородскіе козаки, въ явный ущербъ себѣ, просили, чтобъ имъ было подтверждено [1]) имѣть куплю и продажу своихъ имѣній, чтобы „всякъ бы свободенъ свое имѣніе кому хотя продавать и даровать", но мы сомнѣваемся, не было ли это желаніе внушено козакамъ ихъ старшинами, такъ какъ намъ уже извѣстно, что иногда сами сотенные повѣренные не хотѣли вносить въ наказы вопроса о скуплѣ козачьихъ грунтовъ, чтобы не выносить изъ избы сору. Кромѣ черниговскаго ни одинъ наказъ не далъ намъ такой картины старшинскихъ злоупотребленій въ козацкомъ землевладѣніи. Козацкая земельная собственность занимала ихъ съ другой стороны—козаки просили, чтобы „всѣ ихъ добра якъ-то: грунта, мельницы, отчины и всякія угодья, наслѣдныя, надапныя, купленныя и запятыя, по крѣпостямъ и по природному праву владѣемыя, въ безпрепятственномъ владѣніи и упо-

[1]) Нак. 159, 164.

требленіи намъ (т. е. козакамъ) всегда тверды были“ [1])—та же просьба, съ которой мы уже встрѣчались въ шляхетскихъ наказахъ.

Владѣніе козаковъ перечисленными „добрами“ составляло, какъ извѣстно, одну изъ вольностей, съ которыхъ они отбывали свою службу и отправляли повинности; обыкновенно русскіе государи при вступленіи на царство подтверждали эти вольности жалованными грамотами, такъ что козацкія земли были уже подтверждены козакамъ нѣсколько разъ, но въ виду того, что на большинство козацкихъ земель не имѣлось никакихъ актовъ укрѣпленія, козаки и теперь не забыли непросить императрицу, чтобы ихъ земли были имъ „тверды“ даже въ тѣхъ случаяхъ, если на нихъ нѣтъ крѣпостей. Вмѣстѣ съ этимъ козаки просили, чтобы ихъ землевладѣніе, подобно шляхетскому, свободно было отъ обложенія налогами.

Возвращаясь къ другимъ причинамъ экономическаго обнищанія козаковъ, мы должны сказать, что онѣ были тѣ же, съ которыми мы познакомились при разсмотрѣніи экономическаго упадка другихъ сословій. Поэтому о нихъ мы скажемъ съ возможной краткостью. Во-первыхъ, козаки много жаловались на постойную повинность, которою по грамотамъ они вовсе не были обязаны. Козаки писали, что ихъ дома въ отношеніи этой повинности сравниваются съ мужичьими и занимаются подъ постой квартирующихъ и проходящихъ полковъ и командъ, а сами они посылаются съ лошадьми въ „подводы“ и проводники „къ чувствительному ихъ отягощенію“. Распоряженіе русскаго правительства о назначеніи козаковъ на различныя черныя работы, какъ извѣстно, началась очень рано. Прежде всего козаками не какъ войскомъ, а какъ рабочей силой, началъ пользоваться Петръ I, сначала для возведенія во время шведской войны крѣпостей, а затѣмъ и для земельныхъ работъ, ничего не имѣвшихъ общаго ни съ войнами, ни съ Малороссіей. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше въ этомъ отношеніи церемонились съ козаками: послѣ полтавской битвы козаки рѣдко видѣли поле сраженія, имъ большею частью

[1]) Ibid, 152.

приходилось исполнять тяжелую работу рытья каналовъ, насыпей, валовъ, устройства ретраншементовъ, шанцевъ, засѣкъ и т. п. на отдаленномъ сѣверѣ, югѣ и востокѣ. Извѣстно, сколькихъ тысячъ жизней стоили какъ козакамъ, такъ и великорусамъ работы на берегахъ Ладоги, Онеги, Невы, производившіяся ими въ началѣ XVIII вѣка, но онѣ продолжались, хотя и въ другихъ мѣстахъ, до самаго послѣдняго времени. Въ наказѣ [1]) козаки жалуются, что ихъ болѣе 10 лѣтъ подрядъ посылаютъ дѣлать на границѣ съ Польшей засѣки, строить редуты, расчищать въ лѣсныхъ мѣстахъ дороги, мостить болотистыя мѣста, а въ послѣднія нѣсколько лѣтъ еще посылаютъ и на Донъ для устройства въ Ростовѣ крѣпости, причемъ имъ приходится брать съ собой подводы, возить колоды, мачты, и исполнять всѣ „мужицкія“ работы, отчего ихъ служба „въ противность ихъ правъ уже не вмѣняется въ военную, а сами они часъ отъ часу приходятъ въ оскудѣніе и оплошность“ [2]).

Причина незаконной высылки козаковъ на упомянутыя работы, по утвержденію черниговскаго наказа, происходитъ оттого, что въ Малороссіи, благодаря политикѣ гетмановъ, раздававшихъ свободныхъ людей частнымъ владѣльцамъ, остались только два сословія—козаки да владѣльческіе подданные, свободные же люди, бывшіе ранѣе въ весьма многочисленномъ количествѣ и отправлявшіе многія работы, совершенно исчезли. Но такъ какъ владѣльцы не допускаютъ своихъ людей къ государственнымъ работамъ и укрываютъ ихъ отъ исполненія повинностей, то все бремя послѣднихъ падаетъ на козаковъ. Далѣе, тотъ же наказъ развивалъ мысль, что козацкая служба до того времени отличалась исправностью, пока ихъ не одолѣли неустройства „отъ многихъ команду надъ Малороссіей имѣющихъ и вольности нарушившихъ отъ вѣка заключенные, непорядки устроившихъ и всѣхъ ихъ отяготившихъ“, для того же, чтобы козацкая служба снова пришла въ цвѣтущее состояніе, черниговскіе козаки просили пожаловать ихъ прежними милостями и освободить отъ не-

---

[1]) Нак. 147, 155.

[2]) Нак. 147.

свойственныхъ военному сословію мужицкихъ работъ и повинностей. Въ этомъ отношеніи съ черниговскимъ были солидарны и другіе наказы и, глядя теперь со стороны, нельзя не согласиться, что описанныя обязанности, возлагавшіяся на козаковъ, не только не соотвѣтствовали имъ, какъ сословію, обязанному уже исключительной военной службой, но рѣшительно имъ противорѣчили, ибо разстраивали и понижали ихъ военную среду, обращая воиновъ въ какихъ-то землекоповъ. При такихъ условіяхъ естественно, что козацкій духъ воинственности, героизмъ, жажда славы и идеала утрачивались въ малорусскихъ козакахъ сами собой, и они превращались въ простыхъ земледѣльцевъ, а историческія традиціи, понятія о козакѣ, какъ о народномъ героѣ, само право козаковъ на шляхетскую честь оттѣснялись въ глубь и постепенно сглаживались, оставляя въ душѣ развѣ только смутный осадокъ горечи да сожалѣніе о славныхъ прошлыхъ временахъ. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ наказовъ, наклонность къ традиціоннымъ функціямъ у козаковъ, несмотря на всѣ невзгоды еще не была окончательно вытравлена и желаніе служить „какъ предки служили“ было заявлено всѣми наказами. Изъ другихъ повинностей, кромѣ постоевъ и государственныхъ работъ, козаки больше всего жаловались на извѣстное обложеніе рублевыми окладами. По своимъ привилегіямъ, неоднократно подтвержденнымъ русскими государями, козаки долженствовали быть свободными отъ всякаго рода обложенія или, какъ они выражались, „пребывали въ вольностяхъ“, но и въ этомъ отношеніи такой порядокъ уже давно поколебался, и козаки по обложенію повинностями были сравнены съ крестьянами, что въ свою очередь не могло иначе, какъ дурно, отражаться на козачьей службѣ. Поэтому, во всѣхъ наказахъ [1]) находятся жалобы, что съ тѣхъ поръ какъ козаковъ-подпомощниковъ сравняли съ мужиками и обязали ихъ и подсосѣдковъ ихъ выстачать порціоны и раціоны на квартирующіе въ Малороссіи полки, они стали приходить въ ничтожество и ослабленіе, усилившіяся съ 1765 года тѣмъ болѣе, что ранѣе козаки выстачали

[1]) Нак. 144, 154, 158. 164.

порціоны и раціоны только *въ половину* противъ мужиковъ, а съ 1765 г., т. е. съ замѣной дачъ рублевымъ окладомъ, послѣдній стали взимать *въ полномъ размѣрѣ* и съ козаковъ, и съ ихъ подсосѣдковъ. Рублевый окладъ, положенный на хаты, возмущалъ козаковъ, равно какъ и другія сословія, потому что имъ были „отягощены и великія, и малыя жилища, и бѣдные, и можнѣйшіе подсусѣдки, въ козачьихъ домахъ живущіе не различены, въ иного же козака почти и худобы нема болѣе рубля, но и на того такъ положено по рублю съ хаты грошей, а они и всякую государеву службу сверхъ окладу отбуваютъ, за чѣмъ уже часъ отъ часу и военной службы отправлять не въ состояніе приходятъ“ [1]). Естественно, что для облегченія службы козаки просили о сложеніи съ нихъ этого налога, а стародубцы въ крайнемъ случаѣ просили объ умепьшеніи его до половины. Вмѣстѣ съ этимъ, стародубскимъ наказомъ было высказано желаніе, чтобы „вдовы козачіи, остающіяся послѣ смерти мужей съ малолѣтними вольности предковъ ихъ имѣли и до возрасту таковыхъ дѣтей отъ козачьихъ повинностей были увольнены“ [2]).

Помимо разсмотрѣнныхъ прошеній, въ экономической области козаки еще хлопотали о свободѣ торговли и промысловъ, которыми они занимались искони и конкуррировали съ мѣщанами. Свои просьбы козаки какъ бы противопоставляли просьбамъ мѣщанъ, хлопотавшихъ о запрещеніи торговли всѣмъ сословіямъ, исключая ихъ. Стародубцы писали [3]): „подтвердить, чтобъ свободный былъ намъ промыселъ, особливо винокуреніе, продажа разныхъ напитковъ въ своихъ домахъ, а сверхъ того родячимись здѣсь продуктами, т. е. пенькою, олеемъ, медомъ, воскомъ и тому подобными, найпаче же тѣмъ козакамъ, кои достаточно грунта не имѣютъ, а живутъ въ городѣ и вышеозначенными продуктами промышляютъ, снабдѣвая тѣмъ себя къ службѣ в. и. в—ства“. По данному вопросу съ стародубскимъ наказомъ были въ принципѣ согласны и остальные [4]), но нѣко-

[1]) Нак. 159.
[2]) Ibid. 153.
[3]) Нак. 152.
[4]) Ibid. 160.

торые изъ нихъ, какъ черниговскій и прилуцкій, понимали свободу торговли еще обширнѣе: они просили о дозволеніи торговать „безъ всякого отъ кого-либо запрещенія и пошлинъ“, чтобы и „промыслы бъ имъ имѣть всякіе было свободно и безпошлинно внутрь М. Россіи, съ чего бъ они могли себе снабдѣть въ войсковой козачей службѣ“.

Изъ сказаннаго о соціально-экономическомъ положеніи козаковъ достаточно ясно видно, что козаки не были удовлетворены, что они смотрѣли на него какъ на упадокъ, выйти изъ котораго можно только путемъ возрожденія старинныхъ вольностей; эта точка зрѣнія господствуетъ и въ прошеніяхъ козаковъ, касавшихся судебнаго, административнаго и военнаго устройства и управленія, которыя также измѣнились не въ пользу козаковъ, сравнительно съ имѣвшимися у нихъ жалованными грамотами. Козаки были недовольны, но мы не можемъ сказать, чтобы они высказали какіе-нибудь опредѣленные взгляды на свое устройство и управленіе, чему мѣшало, конечно, неразвитіе общественной мысли и сама сложность даннаго предмета. Въ общемъ же духъ наказовъ таковъ, чтобы козачество на будущее время „содержалось“ при всѣхъ его вольностяхъ, какъ обозначено въ пунктахъ Б. Хмельницкаго и жалованныхъ грамотахъ. Въ выраженіи своихъ желаній козаки подчеркнули только главные желательные порядки козацкой организаціи, безъ которыхъ было немыслимо само существованіе козачества въ его старомъ, украинскомъ духѣ. Это были просьбы о подтвержденіи вольностей, „чтобы по прежнему въ М. Россіи выборъ былъ всѣхъ старшинъ вольными отъ общества голосами“ [1]). Какіе это старшины, каковы ихъ функціи, какимъ образомъ выборъ ихъ долженъ происходить „вольными голосами“ и гдѣ тѣ законы, на основаніи которыхъ они должны управлять и судить, большинство наказовъ не упоминало, но глухо ссылалось на старинные обычаи. Такъ, даже наиболѣе подробный въ этомъ случаѣ переяславскій наказъ, упомянувъ, что въ М. Россіи первый недостатокъ въ томъ, что не имѣется „гетмана“, ограничивался одной

[1]) Нак. 165

просьбой о выборѣ гетмана, полковниковъ, полковой старшины, сотниковъ и сотенной старшины вольными голосами изъ осѣдлыхъ лицъ „по постановленнымъ гетманскимъ статьямъ“ [1]), но насколько эти статьи соотвѣтствуютъ времени и какъ онѣ опредѣляютъ дѣятельность старшинъ—наказы не разбирали. Въ этомъ случаѣ въ политическихъ представленіяхъ козаковъ незамѣтно никакого прогресса сравнительно съ предъидущимъ вѣкомъ, и мы думаемъ, что онѣ были такъ слабы, что козаки не имѣли отвлеченнаго понятія о правительственныхъ учрежденіяхъ и ихъ функціяхъ, а понимали правительство не иначе, какъ въ лицахъ, почему и заботы ихъ касались не учрежденій, а только лицъ и порядка ихъ избранія.

Переходя къ суду и праву, мы можемъ замѣтить, что этимъ предметамъ козацкіе наказы посвятили нѣсколько болѣе мѣста, чѣмъ вопросу о козацкомъ управленіи. Козаки, придерживаясь историческихъ правъ, выразили желаніе [2]), „чтобы въ силу прежнихъ узаконеній и вольностей ни воеводы, ни боярипъ, ни стольникъ въ суды войсковые не вступалися, но отъ старшинъ своихъ товарища сужены были; гдѣ три козаковъ, то два третего судили кроме кримипалу; и чего по статьямъ не доставатиметъ для судовъ, тѣ недостатки дополнено съ права малороссійскаго книги Статута“. Въ стародубскомъ наказѣ [3]) эта же мысль была высказана такимъ образомъ: „что же припадлежитъ до права, то какъ малороссійскіе козаки состояли издревле на тѣхъ же, которые для шляхетства узаконепы правахъ и какъ особливыми по своимъ правамъ и привилегіямъ вольностями, такъ тѣми же, что шляхетство преимуществами по правамъ пользовались, исключая что по статьямъ гетмана Б. Хмельницкаго козаки никакому другому, точію отъ старшинъ своихъ подвержены“. Привязанность къ своему краевому суду и праву составляетъ въ наказахъ характеристичнѣйшую черту малороссіянъ, такъ что, несмотря на явные недостатки въ правосудіи, противъ него не раздавалось

[1]) Ibid. 157.
[2]) Ibid. 164.
[3]) Ibid. 153.

враждебныхъ голосовъ, и даже столь недовольные дѣйствіями старшины черниговцы все же ревниво хлопотали, „чтобы козакамъ всѣмъ обще быть судимымъ по войсковымъ правамъ постановленнымъ пунктами“.

О судебныхъ реформахъ для улучшенія средствъ „къ скорѣйшему достиженію прямаго правосудія“ и о необходимости исправленія матеріальнаго малороссійскаго права изъ всѣхъ козаковъ проронили нѣсколько словъ только одни стародубцы, но и они не предложили никакихъ мѣръ, а ссылаясь на свою неопытность, „яко военно-служащихъ и въ судныхъ порядкахъ и процессахъ рѣдко упражняющихся и больше не имущественныхъ“, предоставили совершить судебныя реформы самой императрицѣ, крѣпко надѣясь, что она „по данной отъ Бога прозорливости... доставитъ совершенное и съ обычаями нашими сродное правило къ благоденствію всего народа малороссійскаго“ [1]).

Мы закончили нашъ бѣглый обзоръ желаній и нуждъ малороссійскаго козачества. Подводя имъ итогъ и оцѣнивая ихъ содержаніе, мы должны сказать, что главное вниманіе козаковъ было поглощено заботами экономическаго свойства, вопросы же политическіе и соціальные заняли въ наказахъ второстепенное мѣсто и слабо развиты ими, но мы не можемъ окончательно судить о высотѣ и цѣлесообразности содержанія козачьихъ наказовъ, такъ какъ изъ десяти ихъ пока напечатано всего лишь четыре. Извѣстное же содержаніе дастъ намъ основаніе думать, что козаки правильно, хотя и неполно, указали причины своего экономическаго обнищанія, но въ вопросахъ внутренней политики и во взглядахъ на свое благоустройство они стояли внѣ своего вѣка, хотя и были субъективно правы, такъ какъ въ силу сложившихся условій жизни этотъ вѣкъ не принесъ имъ ничего, кромѣ обнищанія и политическаго упадка.

Едва ли слѣдуетъ добавлять, что желанія козаковъ не получили никакого удовлетворенія.

Въ началѣ 1785 года Румянцевымъ-Задунайскимъ козацкіе полки были обращены въ 10 регулярныхъ карабинерныхъ и

---

[1]) Нак. 153.

причислены къ его дивизіи, козацкіе же старшины были переименованы въ великорусскіе чины и оставлены при войскѣ или увольнены. Такимъ образомъ заявленія, сдѣланныя въ коммиссіи, были послѣдними словами козачества передъ его политической смертью.

Такимъ же предсмертнымъ словомъ былъ и наказъ отъ Запорожья.

Извѣстно, что Запорожье, обладавшее отдѣльной „войсковой“ территоріей, имѣвшее свое независимое устройство, свои порядки и вольности, долгое время оставалось только механически связаннымъ съ русскимъ государствомъ, а въ сущности представляло самостоятельную политическую общину—status in statu. Было время, когда правительство должно было терпѣть это непокорное и буйное Запорожье и щадить его вольности, но чѣмъ дальше русское государство раздвигало свои границы, чѣмъ быстрѣе росло его единство, тѣмъ меньше оставалось шансовъ на самостоятельное значеніе и роль Запорожья и въ моментъ призыва его въ коммиссію уже не было сомнѣнія, что русское государство поглотитъ маленькую запорожскую общину, какъ оно поглотило ранѣе нѣсколько гораздо большихъ самостоятельныхъ государствъ. Дѣйствительно, Запорожью въ послѣдніе годы приходилось терпѣть много стѣсненій: на запорожскихъ земляхъ въ видѣ надзора были раскинуты великорусскія команды, вокругъ него образовались новыя провинціи и укрѣпленія, запорожская территорія отдавалась иностраннымъ пришельцамъ и т. д. Видя паденіе своихъ вольностей и отнятіе земель, Запорожье неоднократно, но безуспѣшно хлопотало передъ правительствомъ, екатерининская же коммиссія открыла этимъ хлопотамъ самый удобный случай. Запорожье высказало въ своемъ наказѣ самыя завѣтныя нужды и желанія. Запорожье просило:

a) Прежде всего, конечно, подтвердить ему договорныя статьи Б. Хмельницкаго, на которыхъ оно поступило подъ державу всероссійскую;

b) возвратить ему безвинно отнятыя земли, отошедшія къ донскому войску (по берегу Азовскаго моря) и подъ елисаветградскую и екатерининскую провинціи;

c) вывести великорусскія войска изъ запорожскихъ ретраншаментовъ и редутовъ, такъ какъ отъ нихъ чинятся одни разоренія;

d) вывести великорусскія команды, расположенныя на границѣ Запорожья, такъ какъ войско запорожское по долгу своей службы само оберегаетъ свои границы;

e) освободить Запорожье изъ подъ вѣдомства малороссійскаго правительства, третирующаго его „ныбы подчиненную команду“ и повелѣть запорожскому войску быть подъ вѣдомствомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ;

f) освободить по старому ввозную и вывозную торговлю Запорожья отъ всякихъ пошлинъ;

g) остановить предполагаемое переселеніе раскольниковъ на запорожскія земли и т. д. Словомъ, оно просило сохранить его въ прежнемъ видѣ и строѣ.

Въ засѣданіи коммиссіи запорожскій депутатъ М. Скапа [1]) ревностно поддерживалъ интересы избравшаго его войска; онъ доказывалъ „почтеннѣйшему собранію“, что обыкновенія запорожскаго войска самыя древнія и потому самыя основательныя и выражалъ надежду, что императрица по справедливому милосердію своему и во вниманіе предъидущихъ заслугъ не оставитъ запорожское войско безъ своихъ милостей.

Однако Скапа ошибся—его надежда не осуществилась: въ 1775 году Запорожья не стало; обширныя его земли были распредѣлены между колонистами, вельможами и чиновниками, а представители Запорожья окончили свои дни въ ссылкѣ.

Каковъ же общій смыслъ нуждъ, желаній и стремленій, волновавшихъ въ 1767 г. Малороссію? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо припомнить, что такъ какъ Малороссія составляли въ русскомъ государствѣ особый „благоприсоединившійся“ край, отличный отъ великорусскаго по своимъ этнографическимъ особенностямъ, по культурно-историческому развитію, по политическимъ формамъ общежитія, то нужды и желанія малороссіянъ были окрашены совершенно особымъ оттѣн-

[1]) „Кіев. Стар.“ 1883 г. 3.

комъ. Малороссія и заявляла себя не только какъ совокупность отдѣльныхъ сословій, но и какъ особый край, какъ особая часть россійской имперіи. Нужды и желанія малороссіянъ были, помимо сословныхъ, еще и краевыя, съ политическимъ оттѣнкомъ. Такъ, въ наказахъ всѣхъ сословій—шляхетства, духовенства, горожанъ и козаковъ—мы встрѣчаемъ несомнѣнныя политическія тенденціи, чтобы Малороссія содержалась на основаніи договорныхъ статей 1654 года, чтобы была сохранена „историческая“, такъ сказать, Малороссія и законы къ ней относящіеся были, положены въ особую главу въ проектируемомъ Уложеніи. Какой смыслъ имѣли эти стремленія? Желаніе ли это только административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ льготъ, или нѣчто большее? Мы не отрицаемъ, что сословія Малороссіи не обладали политическимъ безпристрастіемъ и развитіемъ настолько, чтобы не увлекаться своими сословными интересами болѣе общегосударственныхъ и чтобы не стремиться къ тѣмъ или инымъ политическимъ формамъ жизни ради извѣстныхъ льготъ административнаго или экономическаго характера, но мы думаемъ, что въ стремленіяхъ малороссіянъ сохранить себя на особомъ положеніи дѣйствовали не только эти мотивы, но и культурныя, и историческія отличія края отъ другихъ частей россійской имперіи. Что эти отличія были,—никто спорить не будетъ, а что они ясно сознавались—на это указываютъ прежде всего заботы малороссіянъ о сохраненіи имъ ихъ частныхъ и публичныхъ правъ и обыкновеній, а гдѣ же какъ не въ правахъ и обычаяхъ болѣе всего отливаются особенности и юридическаго, и нравственнаго міровоззрѣнія народа? Во вторыхъ, на это указываютъ и хлопоты малороссіянъ, чтобы управленіе краемъ было поручено „*прирожденнымъ*“ украинцамъ, знакомымъ, слѣдовательно, съ духомъ и строемъ народной жизни; тѣмъ же объясняются и просьбы, чтобы въ пастыри, въ духовные воспитатели народа, были избираемы лица только малороссійскаго происхожденія, знакомыя не только съ обрядами богослуженія, но и съ нравственными требованіями своего народа. Какъ ни плохи были свои порядки, но малороссіяне и привыкли къ нимъ, и были связаны съ ними соотвѣтствіемъ коренныхъ началъ ихъ народному духу; они не

помышляли отрекаться отъ этихъ порядковъ, и эта привязанность объясняется столько же экономическими выгодами, какъ и вытекаетъ изъ особенностей историческаго существованія Малороссіи. Мы согласны, что низшія сословія въ своихъ стремленіяхъ преслѣдовали болѣе экономическія, чѣмъ политическія задачи, но нельзя сказать, чтобы и шляхетство было проникнуто только жаждой экономическихъ выгодъ и нѣкоторыхъ административныхъ льготъ: оно желало большаго—областной обособленности и самоуправленія Украйны, иначе къ чему были-бы просьбы о подтвержденіи привилегій, о вольномъ избраніи старшинъ, объ особыхъ правахъ малороссійскаго шляхетства? Если-бы взгляды шляхетства были направлены только на экономическія выгоды, то ихъ всего легче можно было бы достигнуть, отрекшись отъ всякихъ договорныхъ статей и особенностей малороссійскаго края, но шляхетство этого не желало, потому что у него были другія политическія желанія, въ чемъ мы особенно убѣждаемся изъ поданнаго всѣми депутатами Бибикову прошенія, а также изъ прошенія 1764 г. о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи. Въ этомъ случаѣ кіевскій митрополитъ Арсеній своими просьбами въ „пунктахъ“ о независимомъ положеніи и самоуправленіи малороссійскаго духовенства оказалъ поддержку общему направленію малороссійскаго общества. При такомъ настроеніи малороссіянъ, естественно, мысль Румянцева, проведенная имъ въ циркулярахъ, что „въ основаніе всѣхъ государственныхъ законовъ принято быть должно по страхѣ Божіемъ честь и слава государская и... благосостояніе государственное *во всѣхъ обширныхъ оного частяхъ*“, не была принята малороссіянами во вниманіе. Румянцевъ былъ ярый государственникъ; предъ его идеей государства, ради чести и славы послѣдняго, должны были пасть не только права отдѣльнаго человѣка, но и права цѣлаго племени, его индивидуальныя особенности. Малороссіяне, которымъ приходилось подвергнуться тяжелымъ для нихъ соціальнымъ реформамъ, не были, конечно, поборниками государственнаго централизма и остались въ наказахъ при особомъ мнѣніи. Почему малороссіяне, проживъ болѣе вѣка въ составѣ русскаго государства, тѣмъ не менѣе въ 1767 г. стре-

мились не къ сліянію съ принявшимъ ихъ государствомъ, а къ подтвержденію договорныхъ статей—мы полагаемъ, достаточно объясняется дѣйствіями правительственной политики, которая, по мнѣнію покойнаго Костомарова [1]), присоединеніе Украйны къ московскому государству понимала не иначе, какъ въ смыслѣ обращенія вольныхъ козаковъ въ такихъ же вѣрноподданныхъ какъ и великоруссы и желала притомъ чтобъ народъ южно-русскій сроднился съ народомъ сѣверно-русскимъ и слился съ государствомъ такъ, чтобы не представлялось разницы ни въ администраціи, ни въ задачахъ внутренней общественной жизни, чтобы всякія этнографическія особенности изгладились. Это направленіе въ екатерининскую эпоху и удерживало малороссіянъ отъ стремленія къ окончательному „сліянію“. Мы не жалѣемъ, конечно, что Екатерина не возстановила договорныхъ статей 1654 года, что она упразднила отжившіе порядки и положила конецъ саморазложенію Малороссіи. Но возникаетъ вопросъ, ввела ли Екатерина II своими реформами благія начала на пользу малороссійскаго народа; освободила ли она его, какъ обѣщала, отъ „маленькихъ тирановъ“ (старшинъ) и возвела ли „на высшую степень счастья?“

Обратимся снова къ только что цитованному историку,—который по вопросу, были ли сдѣланы такія измѣненія въ пользу народа, выражаетъ такое мнѣніе: если и были, то мало,—и едва ли не приходилось изъ видовъ политики держаться извѣстнаго правила: divide et impera. Опасались, чтобы уничтоженіе порядка, къ которому страна привыкла уже вѣками, не возбудило въ ней смуть, и вотъ, создали небывалое въ Малороссіи дворянство, которое, какъ показываетъ исторія, приноситъ вредъ тамъ, гдѣ не вырабатывается само собою изъ исторической жизни, а навязывается по теоріи. Поспольство закрѣпощается во власть этого новоизмышленнаго дворянства и, такимъ образомъ, народъ разбивается на два сословія, противоположныя по своимъ интересамъ. Правда, зародыши такого строя существовали уже прежде въ отношеніяхъ между богатыми землевладѣльцами и се-

[1]) Мазепа, Н. Костомарова. 1885. Стр 598.

лившимися у нихъ бѣдняками. Но то бывали злоупотребленія, всегда сознаваемыя, какъ таковыя, а съ новаго порядка вещей онѣ узаконились и Малороссія, наравнѣ со всей остальной Россіей, подверглась надолго всей тяжести крѣпостничества, отъ котораго освободилась только въ недавнее время [1]).

Такимъ образомъ Екатерина лишь замѣнила однихъ „маленькихъ тирановъ“, другими, пожалуй, еще большими, но наказы малороссіянъ въ этомъ ничуть не повинны. Они прошли безслѣдно для внутренней екатерининской политики и остались потомству для изученія міросозерцанія этой эпохи.

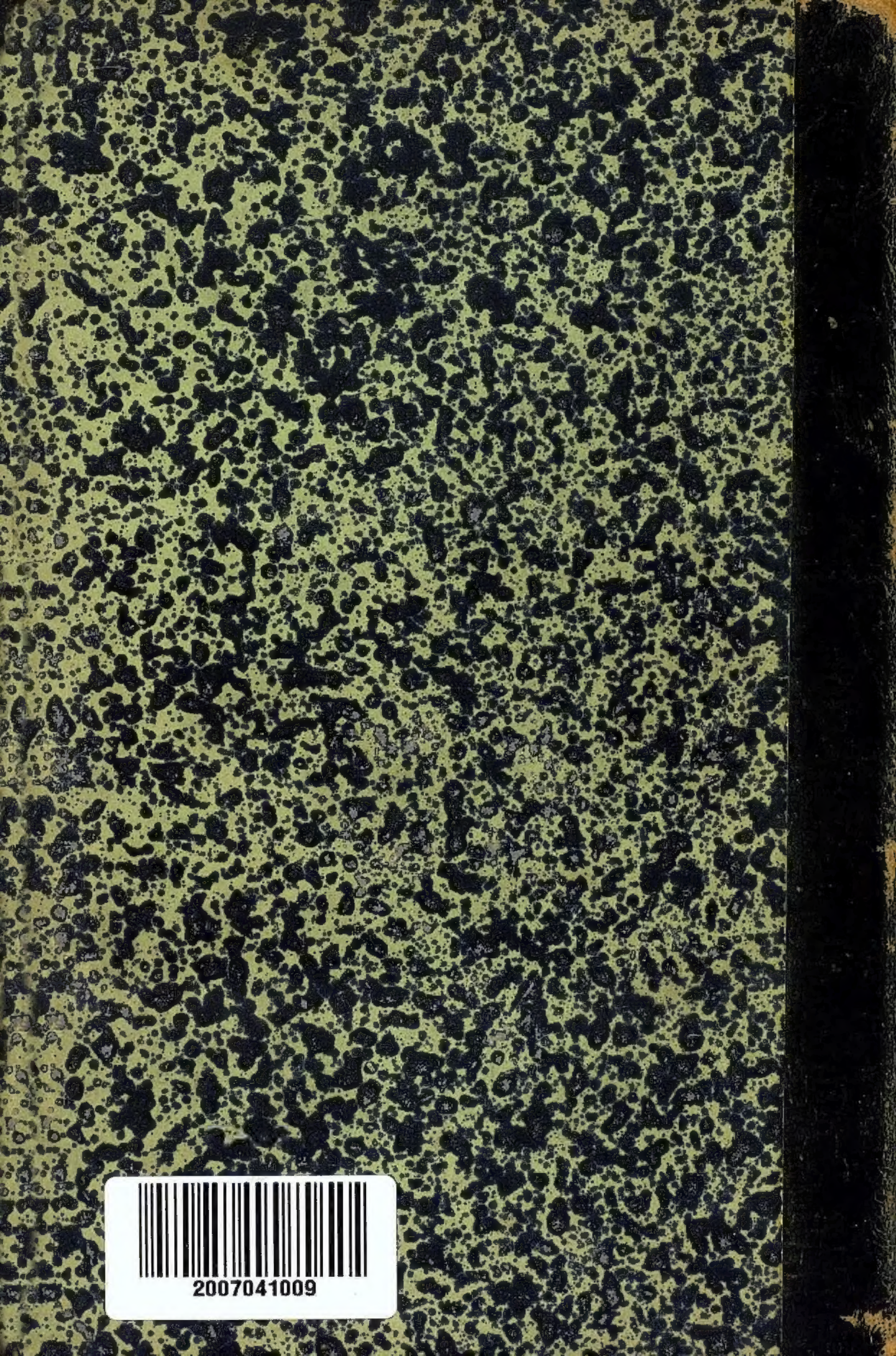
Ив. Теличенко.

---

[1]) Мазепа, Ник. Костомарова 1885. Стр. 590

Дозволено цензъ. Кіевъ, 28-го февраля 1891 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.


2007041009